М. С. ВАСИКОВА

РАЗВИТИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКСКОЙ ССР

М. ВАСИКОВА

РАЗВИТИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКСКОЙ ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»
Ташкент — 1976

34С
В—19

В 19 Васикова М. С.
Развитие водного законодательства Узбекской ССР. Т., «Узбекистан», 1976.
160 с.

В книге освещаются основные вопросы создания и развития водного законодательства Узбекской ССР, как важнейшей и неотъемлемой составной части всей системы советского социалистического права.
Рассчитана на юристов, студентов и всех, кто интересуется данной проблемой.

34С4

© Издательство «УЗБЕКИСТАН», 1976 г.

В $\frac{10102\ \ 285}{М351\ \ (06)\ \ 76}$ 33—76

ВВЕДЕНИЕ

Подлинное научно обоснованное учение о государстве и праве было создано основателями научного коммунизма Марксом и Энгельсом. Это учение было продолжено, обогащено и развито основателем первого в мире социалистического государства В. И. Лениным.

Марксизм-ленинизм учит, что сущность права выявляется не по формальной номенклатуре, а по тому признаку, какой экономический строй оно защищает и проведению чьей политики на деле служит.

Великая Октябрьская социалистическая революция, разрушив буржуазно-помещичий государственный аппарат эксплуататорского государства, ликвидировала и его правовую основу — законодательство, которое было направлено на защиту интересов господствующих классов и подавление трудящихся.

Перед молодым пролетарским государством встала задача создания нового, высшего типа права, которое закрепило бы превращение пролетариата в господствующий класс, стояло на защите интересов трудящихся.

Задача создания нового права для молодой Советской республики в значительной степени осложнялась тем, что осуществление ее должно было происходить в условиях многонационального государства. Народы, населявшие его, находились на различных ступенях социального и культурного развития, у них существовали свои национальные традиции и обычаи, и они руководствовались нормами права, правилами, содержащимися в религиозных источниках.

Все это не могло не учитываться при создании нового законодательства. Новые права и законы должны были органически сочетать общие задачи, стоявшие

перед социалистическим государством, и учитывать местные национальные особенности народов, объединенных в составе Российской Федерации. Это положение относилось как к содержанию правовых норм, так и пределам их действия и темпам введения нового законодательства на той или иной территории Советского государства.

Законотворческая деятельность Советского государства с первых дней его существования развивалась быстрыми темпами. Вслед за принятием II Всероссийским съездом Советов декретов о мире, о земле, закрепивших основные завоевания пролетарской революции, были приняты также декреты, регулировавшие конкретные вопросы государственного строительства и ответственность за различные правонарушения.

Эта грандиозная законодательная деятельность осуществлялась под непосредственным руководством и при личном участии В. И. Ленина. Участие великого вождя в подготовке законодательных актов Советского государства обеспечило успешное преодоление огромных трудностей, стоявших на пути создания права нового типа.

Советское законодательство, являясь непосредственным выражением политики Коммунистической партии и Советского государства, исходит из необходимости всестороннего учета особых исторических условий развития каждой союзной республики.

Законодательство союзных республик, закрепляя суверенную волю и национальные особенности народов, исходит из общих интересов всех советских граждан, воплощенных в Конституции СССР и конституциях союзных республик, что является выражением социалистического интернационализма советского законодательства.

Начала социалистического интернационализма советского законодательства находили свое яркое выражение, например, в творческом воспроизведении в кодексах ТАССР, БНСР, ХНСР основных положений кодексов РСФСР. Это вытекало из того, что законодательство РСФСР выражало и закрепляло передовой опыт социалистического общественного и государственного строительства, накопленного русским рабочим классом.

Советское законодательство является эффективным орудием в руках социалистического государства в осуществлении стоящих перед ним задач, в деле охраны интересов государства, общества, прав советских граждан.

Руководство законодательной деятельностью Советского государства всегда осуществлялось и осуществляется Коммунистической партией. Ее программа, решения съездов и пленумов ЦК КПСС, директивы партии по конкретным вопросам коммунистического строительства составляют основу важнейших актов. Законодательная деятельность Советского государства является одной из форм осуществления политики Коммунистической партии, выражающей волю и интересы трудящихся.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране, узбекский народ, как и другие народы нашей многонациональной Родины, создав свою советскую национальную государственность, принял самое активное участие в выработке нового, социалистического права с учетом особенностей своего исторического развития и конкретных задач строительства новой, социалистической жизни.

В Туркестанской АССР — первом советском государственном образовании народов Средней Азии, входившем в состав РСФСР, а затем в Узбекской ССР осуществлялась обширная законодательная деятельность, включавшая все стороны и разделы нового, социалистического права. Она имела в своей основе одновременно как общие интересы всего советского государства, так и учет национальных особенностей народов, населявших край, и конкретные задачи развернувшихся в нем грандиозных социально-экономических преобразований. Нет необходимости доказывать, что изучение истории развития законодательной деятельности Узбекской ССР имеет огромное теоретическое и практическое значение.

В предлагаемой работе автор ограничил свою задачу освещением основных вопросов создания и развития водного законодательства в Узбекской ССР, как важнейшей неотъемлемой составной части всей системы советского социалистического права.

В условиях Узбекской республики, как и всех братских республик Средней Азии, где в силу климатиче-

ских условий вода, орошение являются основой сельского хозяйства, и водное право имеет не меньшее значение, чем земельное. Более того, эти две отрасли права тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Исследование и освещение этого вопроса представляет огромный научный и практический интерес, тем более что в юридической литературе до сих пор нет фундаментального труда по истории водного законодательства УзССР.

До Великого Октября, как известно, на территории нынешней Узбекской ССР всеми водными ресурсами, как землей и другими ее богатствами, владели феодалы, баи, муллы, ростовщики.

Хотя ирригационные сооружения, каналы и арыки строились и содержались на средства трудящихся, народ не имел права свободно пользоваться водой.

В законодательном порядке в дореволюционном Туркестане не нормировались и отдельные виды водопользования. Они регулировались преимущественно нормами шариата и адата.

Да и в самом «авторитетном источнике» шариата — коране — не было норм, касавшихся правил водопользования. В нем только устанавливалось, «что все земли во всем мире принадлежат богу, как творцу всего существующего», и «распределение земель, как и всех земельных благ, совершается по воле всевышнего между теми людьми, которых он, по благости своей, к тому избрал». Это положение корана играло важную роль в укреплении частной собственности на землю и воду в крае.

Почти вся земля со всеми ее принадлежностями, как известно, являлась собственностью ханов и называлась «амляк», лишь незначительные участки, называвшиеся «мулк», принадлежали населению. При распределении воды обеспечивались в первую очередь амляковые земли, мулковые же — из остатка. Право на водопользование подтверждалось иноятнами (ярлыками), выдававшимися ханами, эмирами, хакимами, баями и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция, ликвидировав частную собственность на землю и воду, сделала их достоянием всех трудящихся.

Но задача, вставшая перед молодой Советской республикой, заключалась не только в том, чтобы устано-

вить надлежащий справедливый порядок в водопользовании, но и в том, чтобы создать стройную систему водного хозяйства и его управления, которые обеспечили бы потребности развития народного хозяйства республики и улучшение материального благосостояния народа.

Исходя из того, что определяющим фактором в развитии сельского хозяйства Туркреспублики является искусственное орошение, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что важнейшим условием ликвидации экономической и культурной отсталости народов Туркестана и основой технического и социального переустройства сельского хозяйства края является ирригация.

В обращении к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики В. И. Ленин указывал на решающее значение искусственного орошения в сельском хозяйстве и использования водной энергии в промышленности для построения социалистического общества. «Орошение особенно важно,— писал он,— чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало... Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»[1].

Воплощая в жизнь эти указания, Коммунистическая партия с первых же дней Советской власти обратила особое внимание на развитие искусственного орошения земель Востока, на восстановление и развитие водного хозяйства Советского Туркестана. Ярким примером этого было ассигнование правительством согласно декрету за подписью Ленина от 17 мая 1918 года 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане[2].

Декрет предусматривал преобразование Голодной степи в базу хлопководства Узбекистана.

Как известно, великий план Ленина по освоению земель Голодной степи получает в настоящее время дальнейшее развитие и блестящее воплощение в жизнь.

За годы Советской власти Узбекистан превратился в уникальный район поливного земледелия, располагающий развитой системой ирригационных сооружений,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 199—200.

[2] В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Госиздат, Ташкент, 1960.

передовой технической базой, проектно-изыскательскими, строительными, эксплуатационными, научными учреждениями, многочисленными кадрами специалистов водного хозяйства.

Вместе с тем освоение неиспользованных земель и наведение порядка в водопользовании требует еще серьезной и напряженной работы. Исключительно большое значение имеет ликвидация всяких излишков в пользовании водой и разработка таких приемов агротехники, которые обеспечивали бы более эффективное использование поливной воды.

Узбекский народ успешно выполняет задачи, поставленные перед ним партией и правительством по расширению поливных земель и посевов хлопчатника, по использованию водной энергии для строительства гидростанций, которые имеют серьезное значение в развитии промышленности Советского Узбекистана, по рациональному использованию воды и укреплению водного хозяйства, имеющих решающее значение для развития всей экономики республики. Одновременно с этим проводится систематическое совершенствование социалистического порядка и всемерной охраны его, а также водного законодательства и водного права.

Развитие водного права и законодательства рассматривается в неразрывной связи с ростом экономики, культурного уровня населения, изменениями, происходящими в жизни республики в исследуемое время. Такая методология, на наш взгляд, обеспечивает выявление объективных причин изменений в законодательстве, в том числе и водном, раскрытие его социальной сущности, а также тех грандиозных достижений, которых добился узбекский народ в создании социалистического водного права, выражающего его коренные интересы и направленного на построение коммунистического общества.

Методологической основой данного исследования явились труды классиков марксизма-ленинизма, особенно работы основателя первого в мире социалистического государства и его права, создателя советского законодательства В. И. Ленина, решения съездов и Пленумов ЦК КПСС, касающихся водного законодательства, выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Кроме того, автором использованы тру-

ды ученых юристов и историков, касающихся исследуемого вопроса.

Изучение водных законодательных актов ТАССР и Узбекской ССР как в историческом плане, так и путем анализа действующего законодательства представляет интерес и потому, что водное законодательство, как и все государственно-правовое строительство на территории Узбекистана, имело свои особенности, которые нашли преломление как в истории законодательства, так и в действующих нормативных актах.

Как известно, истоками законодательства Узбекской ССР явилась законодательная деятельность трех государственных образований — ТАССР, БНСР и ХНСР. После образования в 1918 году Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Российской Федерации начало формироваться законодательство республики с учетом всех особенностей ее развития. В основном оно создавалось по образцу законодательства РСФСР под руководством центральных партийных и советских органов.

Поскольку главной задачей ХНСР и БНСР было построение социализма, они в своей законодательной деятельности использовали практику законодательства РСФСР и ТАССР применительно к своим условиям.

В 1923 году ХНСР, а в 1924 году БНСР были преобразованы в социалистические республики. В соответствии с волеизъявлением народов БССР, ХССР и ТАССР в 1924 году была образована Узбекская ССР, вошедшая в состав Союза ССР. С этого момента началась законодательная деятельность вновь созданной республики.

Учитывая, что в законодательстве УзССР в известной мере нашла отражение предшествовавшая законодательная деятельность объединившихся республик, в настоящем исследовании анализируется водное законодательство каждой из трех республик.

Изучение водного законодательства, как и всех отраслей законодательной деятельности перечисленных республик, приводит к бесспорному выводу о том, что линия политического, государственного и хозяйственного строительства трех республик, направленная на создание условий для перехода к социализму, была во всех республиках одинакова. Водное законодательство,

как и другие отрасли законодательства этих республик, выражало волю трудящихся и было направлено на защиту их интересов, подавление эксплуататорских элементов.

В период образования Узбекской ССР сохранили свою силу законодательные акты, действовавшие в трех республиках до их объединения.

В дальнейшем водные, как и все законодательные акты республики, издавались в значительной степени в развитие законодательных актов Союза ССР, вместе с тем отражая особенности республики.

На основе решений XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXV съездов КПСС в нашей стране ведется большая работа по обновлению и упорядочению законодательства. Советское законодательство на современном этапе развивается последовательно. Каждая отрасль права, в том числе и водное законодательство, каждый правовой институт развиваются на основе разграничения компетенции Союза ССР и союзных республик в области законодательства с учетом их общих задач, особенностей и местных условий отдельных республик.

Принятие закона Верховным Советом Союза ССР от 11 февраля 1957 года «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» в свою очередь привело не только к усилению правотворческой деятельности союзных республик, но и к активизации работы по систематизации законодательства.[1]

Дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, содействующих решению задач коммунистического строительства, относится к программным требованиям Коммунистической партии Советского Союза.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал: «Работу по совершенствованию советского законодательства надо продолжать, чтобы оно не отставало от жизни, чтобы наши законы, оставаясь прочными, стабильными, правильно отражали происходящие в обществе процессы»[2].

---

[1] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957 г., № 4.

[2] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3, М., Политиздат, 1972, стр. 49.

ГЛАВА I

ВОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТУРКЕСТАНЕ

До присоединения Средней Азии к Российской империи во второй половине XIX века на ее территории существовали три узбекских ханства: Кокандское, Бухарское и Хивинское.

В них господствовала феодальная система хозяйства, основанная на частной собственности на землю, воду и скот. Земельные, водные и другие богатства находились в руках незначительной кучки эксплуататоров-феодалов, землевладельцев и скотоводов, крупных торговцев, ханских чиновников и представителей мусульманского духовенства. Они беспощадно эксплуатировали трудящееся дехканство, ремесленников и городскую бедноту, которые составляли основное население ханств. Трудящиеся массы были бесправными, жили в нищете, забитости и крайней культурной отсталости.

В силу географических и климатических условий основой сельского хозяйства края было орошаемое земледелие.

«Климатические условия и своеобразие поверхности,— писал К. Маркс,— особенно наличие огромных пространств пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенных областей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственного орошения при помощи каналов и ирригационных сооружений основой восточного земледелия»[1].

Все крупные каналы находились в руках ханов, баев и духовенства. Например, крупный бай Миркамил

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, М., Госполитиздат, 1957, стр. 132.

Муминбаев распоряжался водой в Андижанском уезде. Существовала система пожалования на право пользования водой со стороны ханов своим чиновникам за службу, женам или другим родственникам, а также духовенству. Кокандский хан Малляхан пожаловал некоего аксакала Карахана исключительным правом на источник Шакарбулак в долине Паркента. В ханском ярлыке было сказано: «Ни одно существо не должно касаться этой воды. Право это должно перейти к его, аксакала, потомкам». Воды Шахимардана были подарены кокандским ханом Худоярханом одной из его пятидесяти жен. Часть воды Исфайрансая принадлежала маргиланскому медресе Купчак[1].

Порядок распределения воды для орошения в этих ханствах был установлен в соответствии с тремя основными видами собственности на землю: в первую очередь воду получали владельцы амляковых земель, принадлежавших правящей верхушке, во вторую — вакуфных, принадлежавших духовенству, и в последнюю — владельцы мулковых земель, полученных от ханов за службу.

Дехкане фактически оставались без воды. Вот пример, ярко иллюстрирующий наглые действия эксплуататоров: «На основании документа, выданного Худоярханом в Кокандском уезде, Мутавали Мулла Камил Ходжа должен был распределять воду между селением «Шариф Саркаль» и вакуфом кишлака «Тамаша» в следующем порядке: $^1/_5$ часть воды должна была идти для орошения вакуфной земли кишлака «Тамаша», а остальные $^4/_5$ — на орошение земель селения «Шариф Саркаль».

Мутавали Мулла Ходжа вопреки означенного документа забрал всю воду на вакуфную землю и для своих земель. Жители селения «Шариф Саркаль» (около 300 человек) остались без воды»[2].

Чтобы получить воду, дехкане должны были платить за нее собственнику канала. Но так как большинство дехкан не имело средств на уплату требуемых сумм, их земли, как правило, оставались без воды. Тя-

---

[1] «Советский хлопок», 1940, № 8, стр. 14.
[2] ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 4393, л. 38.

желое положение трудящихся дехкан усугублялось еще и тем, что их земли всегда находились в конце арыка, а байские располагались в начале. Это приводило к тому, что баи забирали всю воду себе.

Очень тяжелым было положение туркмен, которые в прошлом вели кочевой образ жизни, но начинали переходить к оседлому. По существовавшему тогда обычаю вода для полива давалась только женатым. Но женитьба зависела от наличия средств для уплаты калыма за невесту. Следовательно, тот, кто не имел этих средств, не только не мог жениться, но и терял право на воду.

Одним из источников жестокой эксплуатации трудящихся было строительство новых каналов.

Ханы и эмиры не только бесчеловечно эксплуатировали трудящихся при строительстве каналов, но и подвергали их чудовищным издевательствам и истязаниям. Уклонившимся от работы грозило страшное наказание. В документе, относящемся к правлению Кокандского хана Худояра, описывается такой случай: «Три года тому назад, когда хан проводил канал из Сыра, у местечка Хиндкуль, около 30 человек, бывших не в состоянии откупиться деньгами и бросить свои полевые работы, не послушались ханского повеления и не явились на работу. За это они были зарыты по горло в землю и оставлены в таком положении, пока не умерли»[1].

Естественно, что трудящиеся массы не были заинтересованы в строительстве новых каналов. Поэтому часто попытки создания крупных водных сооружений, предпринимаемые ханами, оставались незавершенными. Например, при бухарском эмире Шамураде (конец XVIII в.) в долине Зарафшана строилось несколько каналов — Караарык, Тогусарык и Тайляк. Сооружение их не было завершено. В 1863 г. по приказу Худоярхана также было начато строительство канала в Кара-тепинской степи, но, несмотря на то, что строительство продолжалось долгие годы, оно так и не было закончено.

---

[1] В. Я. Непомнин. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940. стр. 20.

Такая же картина наблюдалась и после присоединения Средней Азии к России. Несмотря на большую заинтересованность царского самодержавия в расширении хлопководства, предпринятые неоднократно попытки орошения Голодной степи не увенчались успехом.

Не было закончено строительство начатого в 1872 г. по распоряжению первого туркестанского генерал-губернатора Кауфмана так называемого «Кауфманского» канала. В течение семи лет, то есть до 1879 г., было прорыто всего 13 километров, а затем работы на канале совсем прекратились. Такая же участь постигла канал Бухарарык. Строительство его началось в 1885 г., продолжалось до 1890 г. И было закончено только в 1895 г.[1]

В 1900 г. царское правительство приступило к сооружению так называемого «Романовского» канала, который был закончен только в 1913 г., и то не в полном объеме.

Следует подчеркнуть, что строительство ирригационных сооружений велось кустарным способом, без каких-либо планов и расчетов и без надлежащих ирригационных устройств. Примером такого строительства может служить канал Шарихансай, один из основных в то время каналов в Фергане, при помощи которого орошались земли в Андижанском, Ошском и Маргиланском уездах. В головной части канала не было водоприемника. Недаром по этому поводу в прошлом сложилась народная поговорка: «Воды в Шарихансае бывает то густо, то пусто».

Бесчинства феодалов, баев и ханских чиновников вызывали гневный протест у дехкан. Вопрос о земле и воде был одним из основных в борьбе трудящихся за свои интересы в те годы. В 70-х годах прошлого столетия дехканин-бедняк Абдул Салим возглавил в Учкургане народное восстание, но оно было жестоко подавлено ханскими сатрапами. Он бежал в Учкурганскую степь, где пытался рубить кетменем твердую каменную почву, чтобы прорыть канал от реки Нарын для орошения дехканских земель. Этот борец за народное счастье, как гла-

---

[1] «Правда Востока», 24 декабря 1939 г., № 293.

сит предание, так и умер в дикой степи на берегу недостроенного арыка[1].

Никакого водного законодательства в узбекских ханствах, которое служило бы основой для регулирования водных отношений, не было. Пользовались шариатом, по которому земля и вода считались собственностью бога, а право распоряжения ими принадлежало его наместникам на земле — ханам и эмирам. В коране, естественно, отсутствовали правовые нормы, касающиеся водопользования.

Распределение воды в ханствах регулировалось обычаем, который переходил от поколения к поколению путем устной передачи. И хотя этот обычай никем не был утвержден, он был обязателен для всех.

Регулирование порядка водопользования осуществлялось на местах арык-аксакалами и мирабами — представителями кулацких, байских элементов и их верными слугами. Они делили воду по указаниям ханов и баев. Вот как рассказывалось об этих порядках в народных песнях:

Талиб-мираб — баши и вор,
Собрал он деньги — просто спер.
Уж восемь дней прошло с тех пор,
Но нет воды из Караскана.
Шесть дней проходит, и опять
Он денег просит. Надо дать!
В арыках влаги не видать,
И нет воды из Караскана!
Бузу и водку вечно пьет,
Мирабы все — на плуте плут,
Арык сухой. Что делать тут?
Но нет воды из Караскана.
Что скажешь о воде? Ой, ой!
Мираб надел халат цветной,
Лжет всем, клянется головой,
Но нет воды из Караскана...»

Один из исследователей этого вопроса писал: «Обычным правом регулируется все водное хозяйство и надзор за порядком водопользования. Сущность обычного порядка водопользования заключается в том, что все земельное хозяйство или, иными словами, все условия материального благосостояния населения предоставле-

[1] В. Я. Непомнин. Указ. соч., стр. 22.

ны в распоряжение самих туземцев. Они управляют водой, т. е. распоряжаются ею, направляют, распределяют, словом, эксплуатируют, и они же сохраняют от нарушения порядок эксплуатации, т. е. карают виновных, преследуют нарушителей обычного права и делают это по обычаю»[1]. Он отмечал также, что как шариат, так и адат не делают никаких различий между гражданскими и уголовными правонарушениями.

Г. Н. Черданцев в своей книге «Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего» (издание 1911 г.) также отмечал, что «порядок и подсудность споров о воде принадлежат к числу самых запутанных вопросов. В местной туземной юрисдикции не существует никакого различия водных дел — гражданских дел и уголовных, административных и судебных, и нет никакого различия инстанции для дел одного и того же рода»[1].

Н. Д. Дингельштедт считал, что к области гражданского права могли быть отнесены такие вопросы, как установление права на воду, меры воды, порядок распределения воды по обычаю, право на водопой из каналов и право на прогон скота, дозволенные и запрещенные посевы и насаждения, право на источники, колодцы, на свободную или отработанную воду, давность, пропуск воды через чужие земли, обычный порядок решения гражданских споров и организация гражданского судопроизводства.

К области уголовного права он относил следующие вопросы: самоуправство, захват, несоблюдение очереди, самовольное пользование большим количеством воды, кражу воды, мошенничество, грабеж и разбой, массовое насилие и самоуправство из-за воды.

Несмотря, однако, на то, что наличие этих видов преступлений и правонарушений безусловно имело место в то время, судьи утверждали, что в течение трех лет к ним не поступали гражданские и уголовные дела из-за воды[2].

---

[1] Г. Н. Черданцев. Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего. СПб., 1911.

[2] Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. 1, Спб., 1893, стр. 108—112, 121—122.

Отсутствие каких-либо твердых законодательных норм в области водного хозяйства приводило к отказу судебных учреждений от разбора водных дел, к разрешению их в административном порядке.

В районах Туркестанского края зачастую руководствовались различными основаниями при распределении воды между водопользователями. В одних случаях за основу принималось обычное право, часто опиравшееся на грамоты ханов, в других — принцип деления групп населения по родовому признаку.

После присоединения Средней Азии к России, по Положению об управлении Туркестанским краем, пользование водой также разрешалось по обычаю. Несколько иные порядки были установлены, например, в Семиреченской области. Население лишь недавно перешло на оседлый образ жизни. Здесь распределение воды велось в зависимости от потребности в поливах.

В Ферганской области способ распределения воды между водопользователями был закреплен обычаем, который в основном зиждился на старых грамотах на пользование водой, выданных прежними властителями.

Таким образом, распределение воды производилось большей частью на основании обычаев и соглашений, имевших вековую давность, или дарственных грамот какого-нибудь хана[1].

Кроме того, в ханствах господствовала практика водопользования, принявшая характер следующего закона: кто находится в голове магистрального канала или арыка, тот и является фактическим хозяином воды. Он поливал свои земли, сколько ему было угодно, сеял даже рис, на поливы которого шло воды в четыре раза больше, чем на другие сельскохозяйственные культуры.

Как явствует из доклада чиновника особых поручений по ирригационной части от 28 февраля 1893 г., постоянный захват и непроизводительная трата воды в верховьях ирригационных систем были явлениями весьма распространенными. В результате многие дехканские хозяйства приходили в упадок. Если бы 25% рисовых полей в Самаркандской области были заменены посевами неполивных культур, то можно было бы водой реки Зарафшан оросить дополнительно не менее 40 000 десятин земли.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 215, оп. 2, д. 974, л. 36—39

Подобные явления, хотя и в меньшем масштабе, наблюдались при водопользовании из всех водных систем Ферганской области — Шарихана, Андижансая, Улугнара, Янгиарыка и др.[1]

Неправильное водопользование усугублялось еще тем, что оно регулировалось на местах арык-аксакалами и мирабами — верными слугами кулаков и баев. Кроме распределения воды, они разрешали также споры, возникавшие между водопользователями. Естественно, при этом они защищали интересы своих хозяев.

В исследуемый период споры в области водопользования разрешались в порядке так называемого примирительного или третейского разбирательства, в котором участвовали представители заинтересованных сторон. В этом свете представляет большой интерес сохранившийся доклад о разборе жалоб жителей кишлаков Хангыз, Кургантепе и Бурбалыка Маргиланского и Кокандского уездов. Помимо того, что трем кишлакам было предоставлено лишь $^3/_9$, а одному кишлаку Алтыарыку — $^6/_9$ всего количества воды ветви Шахимардансая, спор между этими кишлаками разгорелся также из-за того, что жители вышеназванных кишлаков считали своим правом пользоваться $^3/_9$ части всей воды, как снеговой (ак-су), так и родниковой (кара-су), идущей по Чимионсаю, а жители кишлака Алтыарык признавали за ними право только на $^3/_9$ части родниковой воды, идущей по арыку, но не признавали за ними права на пользование снеговой водой, которая шла в арыки с конца июня до начала сентября.

Претензию на правопользование всей снеговой водой Чимионсая алтыарыкцы основывали на состоявшемся еще в 1261 г. решении уполномоченных обеих споривших сторон, удостоверенном кокандским казыкаланом и местными казиями.

Упомянутое решение соответствовало установившемуся обычаю, который в данном случае давал одной из спорящих сторон право на $^3/_9$, а другой — на $^6/_9$ части всей воды, как родниковой, так и снеговой воды Чимионсая. Право это было удостоверено, с одной стороны, бывшим ханом, которому в силу того же обычая принадлежало право принятия окончательного решения по

[1] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 9057, л. 63—70, 1893 г.

возникшим спорам о пользовании водой, а с другой — подкреплялось фактическим пользованием сторонами указанным в документе количеством воды со времени присоединения Кокандского ханства к России.

Вот текст упомянутого документа: «1261 год, Джумадил-ахер мусульманского летоисчисления. Карасу, идущая из селения Чимион, должна делиться на 9 частей: шестью частями должны пользоваться алтыарыкцы, а тремя — кургантепинцы, бурбалыкцы и хангызцы. Что же касается Аксу, то ею целиком должны пользоваться алтыарыкцы. Спор этот решен как представителями алтыарыкцев, так и представителями названных трех селений»[1].

Документ подкреплен печатями кокандского казыкалана Арифходжы Хильва-Тулла Ходжинова. Однако чаще всего такие споры разрешались непосредственно ханами[2].

Естественно, что хан действовал всегда в интересах знатных людей.

Из документа, находившегося у жителей селения Кургантепе, следует, что кокандский хан Худояр разрешил спор между жителями селений Алтыарык, Хангыз, Бурбалык и Кургантепе, разделив воду между ними согласно прежним документам: «Пусть,— говорится в документе,— будет известно казиям, начальствам, всем лицам, следящим за порядком пользования водою из Вуадил-сая, что, согласно прежним документам, следует разделить общественную воду аксу и карасу, и по этому разделу одну часть из этой воды должно получить селение Хангыз, другую — Бурбалык, третью — Кургантепе, а остальные шесть частей должны получить алтыарыкцы, и таким делением спор у них кончился, и я постановил»[3].

В 1885 году военный губернатор Туркестанского края дал начальникам уездов Ферганской области указание следующего содержания: «...прошу в случаях несогласия с постановлениями съездов по спорным вопросам о воде входить каждый раз о том ко мне с подробным представлением об обстоятельствах дела»[4].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 9193. л. 2—4, 1897 г.
[2] Там же, д. 913. л. 2—4.
[3] Там же, д. 9193, л. 2—4. 1897 г.
[4] ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 1558, л. 24—25. 1885 г.

Уголовные дела, возникшие в связи с нарушением порядка распределения воды по обычаю, должны были рассматриваться в казийских судах[1], но из-за судебной волокиты и связанного с нею взяточничества народ часто обращался за разрешением споров к мирабам, хотя от них нельзя было ожидать защиты законных интересов трудящихся.

Военный губернатор Самаркандской области доносил Туркестанскому генерал-губернатору, что многочисленные в летнее время споры из-за пользования водой обыкновенно разрешаются безотлагательно на месте властью мирабов и арык-аксакалов, сельских старшин или волостных управителей на основании существовавших обычаев и общественных приговоров, а при несогласии жалобщиков — уголовным приставом или уездным начальником[2].

В Самаркандской области споры селений и обществ разрешались особыми комиссиями, назначенными каждый раз по распоряжению военного губернатора в составе уездного начальника, заведовавшего ирригацией, и участкового пристава. Иногда комиссии составлялись из чиновников областного административного аппарата. Например, для разбора жалоб жителей Костакозской волости Ходжентского уезда, вызванных запрещением существовавшей в том районе продажи воды, по распоряжению генерал-губернатора в 1897 г. была образована комиссия под председательством статского советника, а для расследования всего дела был командирован старший чиновник по ирригации при генерал-губернаторе. Так как жалобы тех же жителей продолжались, в 1901 г. вновь была создана комиссия под председательством генерал-майора Черневского[3]. Когда дехкане не получали надлежащего решения споров, они сами выносили приговоры, согласно которым устанавливалась очередь пользования водой.

Вот некоторые из таких приговоров.

«1893 года, 10 дня августа, мы, нижеприложившие свои тамги, жители общества Тегирманбаши Джамской волости, состоящей из 232 домовладельцев, собравшись

---

[1] «Известия Туркестана», 16 января 1921 г., № 11.
[2] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 9793, л. 34, 1905 г.
[3] Там же, д. 9193, л. 34, 1905 г.

в общем сходе в числе 145 человек, составили сей приговор в присутствии нашего волостного управителя и сельского старшины в том, что мы для орошения наших земель поочередно желаем пользоваться водой 4 наших арыков в таком порядке: в течение 7 дней будут пользоваться жители селения Герды-Курган, в течение 10 дней — жители селения Джикан, в течение 7 дней — жители селения Амандара и Тегирманбаши, в общем 24 дня, по прошествии каковых очередь начинается снова с первого пользующегося кишлака и т. д. и тогда у них из-за воды не будут происходить никакие ссоры и неприятности, а мирабы наши должны исполнять все свои обязанности, что требуется по инструкции»[1].

«1893 года, августа 13 дня, мы, нижеприложившие свои тамги, пользующиеся водою жители Тусумской волости, состоящей из 1183 домовладельцев, собравшиеся в общем сходе в числе 720 человек, составили сей приговор в присутствии волостного управителя Ак-Дарьинского арык-аксакала, сельского старшины в том, что распределяется право пользования водою из арыка Тусуна между жителями означенной волости земель жителей ниже поименованных кишлаков в нижеопределенные обществом дни, а именно кишлаков: 1) Барнаса—5 дней, 2) Балхибарнаса — 3 дня, 3) Тюля — 2 дня, 4) Кюньятора—3 дня, 5) Кулчука—3 дня, 6) Кизилкишлака — 3 дня, 7) Ариата—6 дней, 8) Сарткургана—2 дня, 9) Курли — 4 дня и др., и эта очередь должна продолжаться таким образом между ними с 15 марта и по 1 октября. Жители же кишлаков Узтомусуна, Тюяташ, Кызыл-кулака, Кичиктусун и Аланкуз, вследствие подверженности их земель порче и промывке частыми, нечаянно нахлынувшими потоками воды, не имея возможности сеять морковь, лук, рис и менее нуждаясь в воде для поливки своих пахотных земель, чем жители вышепоименованных 13 кишлаков, могут пользоваться водой без очереди, но не раньше, чем не окончат чередующие своей очереди, в чем и прикладываем свои тамги. Печати сельских старшин Культурского, Сарткурганского, Уртатурсунского, Кизилкишлакского сельских обществ»[2].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 22, оп. 1, кн. 1, д. 552, л. 11.
[2] Там же, л. 22.

Аналогичные приговоры выносились во многих волостях: 10 августа 1893 года жители Джамской волости Джамского сельского общества, состоявшего из 232 домовладельцев, собрались в общей сходке в числе 141 человека[1]; 13 августа 1893 года жители общества Улуг-Джамской волости собрались в общей сходке в числе 220 человек[2]; 13 августа 1893 года жители Ярбашинской волости общества Джанское, состоявшего из 123 домовладельцев, собрались в общей сходке в числе 85 человек[3]; 14 августа 1893 года жители Джамской волости общества Яркурдук, селения Апки, состоявшего из 86 домовладельцев, собрались в общей сходке в числе 64 человек[4]; 21 декабря 1893 года жители Чимбайской волости Аман-Кельхамского сельского общества, состоявшего из 107 домовладельцев, собрались в сельском сходе в числе 75 домовладельцев[5].

Приговорами на мирабов возлагалось вести наблюдение за порядком расходования воды, исправностью арыков, содержанием их в чистоте. Однако эти решения часто нарушались господствующими классами.

Русский дореволюционный историк Н. Дингельштедт вынужден был признать, что установившийся обычай при разрешении вопросов, связанных с водопользованием, стал все чаще нарушаться. Он, естественно, даже не пытался вскрыть истинные, классовые причины этого явления.

«С ослаблением патриархального строя жизни народов,— писал он,— с утратой авторитета старейшин святость обычая начинает колебаться, появляется влияние сильных, подкуп, недобросовестность. Появляются так называемые столкновения из-за воды, где действует уже грубая сила, и в результате является кровавая расправа, криминальные происшествия, уголовщина»[6].

Обычай, определявший право пользования водой, постепенно уступал свое место правовым нормам, создаваемым ханами. Эти нормы находили свое выражение в особых грамотах.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 22, оп. 1, кн. 1, д. 552, л. 10.
[2] Там же, л. 12.
[3] Там же, л. 49.
[4] Там же, л. 14.
[5] Там же, л. 120.
[6] Н. Дингельштедт. Указ соч., стр. 47.

Так, например, кокандский хан выдал Мазару Хазрат-Ходжа-Иса грамоту на право пользования водой следующего содержания:

«По приказанию Саид-Магомет-Али Газы-Багадур-Хана, я, Шахибен Диванбеги, предписываю: «Да будет известно саидам, ученым, аксакалам, благородным и черни, и правителям Уратюбинского вилайята, что три с половиной (части) воды из арыка Янги-арык составляют вакуф мазара Хазрат-Иса. Его величество хан Абдул-Газы на эту воду выдал милостивый ярлык. На основании и согласно сему ярлыку, я тоже предписываю, чтобы лица, в ведении которых находится указанная местность, из доходов с названной воды ничего не требовали и к шейхам и потомкам Хазрат-Ходжа-Исы никаких требований ни по каким поводам не предъявляли, в особенности к Мулла-Шер-Магомет-Шейху и Мулла-Магомет-Якуб-Шейху. Считать сие утвержденным и не поступать противно сему. Год 1249»[1].

Хан, эмир и другие «хозяева» земли и воды, выдавая специальные грамоты, так называемые «иноятнама» и «васихи», определяли даже право наследственного пользования водой. Так, например, кокандский хан (XIX в.) пожаловал некоего аксакала Карахана исключительным правом на источник Шакар-булак в долине Паркента и указал в ханском ярлыке:

«Ни одно существо не должно касаться этой воды. Право это должно перейти к его, аксакала, потомкам. Таковое повеление считать священным и нерушимым»[2].

От хана зависело освобождать водопользователя от уплаты налогов или нет. Кокандский хан Худояр, например, выдал «иноятнама» следующего содержания: «Благословенная грамота Саид Мухамед-Худояр-хана: в управляемом нами городе стало известно нам, что с давних пор и до настоящего времени, по повелению наших предков, ишан Султан-ходжа был избавлен от всех государственных налогов. Ввиду этого и мы, по примеру наших предков, избавляем сыновей вышеназванного лица: Ходжа-Джан-Ходжу, Магомет-Ходжу, Ходжа-Салих-Ходжу и Ходжа Ходжу от всех налогов.

Поэтому повелеваем всем амлякдарам, диванбеги,

---

[1] В. Я. Непомнии. Указ. соч., стр. 15—16.

[2] Там же, стр. 16.

аксакалам и другим служащим селения Хавает, чтобы они, признавая вышепоименованных лиц избавленными от податей и сборов, не требовали с них ни дирама, ни динара, ни единого зерна, ни даже соломинки. Кроме этого, две меры воды в селении Дигмай и две меры в нижнем течении арыка Гулякандоз — всего четыре меры воды, состоящие вакуфом мазара Хозрат-Садык-Шейха и принадлежащие вышеупомянутому ишану Султан-ходже, также должны быть избавлены от всяких государственных налогов и притязания кого бы то ни было»[1].

В целях увеличения своих богатств представители господствующих классов строили каналы. При этом, как мы уже указывали, народ подвергался бесчеловечной эксплуатации, прямым насилиям и даже физическому уничтожению. Всякое сопротивление произволу приводило к кровавым расправам.

В. Я. Непомнин в своей книге «К истории ирригации в Узбекистане» пишет: «В 40-годах XIX века на постройке канала Мусульман-Кул в Фергане дехкане, доведенные до отчаяния бесчеловечным отношением одного из ханских надсмотрщиков, убили его. Тогда регент Кокандского ханства, организатор строительства канала Мусульман-Кул, приказал предать смертной казни несколько десятков дехкан. Ханами применялись и другие методы эксплуатации народа. Так, в 1845 году хивинский хан для того, чтобы регулировать отпуск воды, приказал построить на Аму-Дарье, недалеко от развалин древней столицы Хорезма — Гурганджа, каменную плотину под названием Таш-Бугут. Для сооружения этой плотины каждый житель ханства был обязан, под страхом смерти, привезти на строительство по одному капу (мешку) кирпичей из развалин Гургандж а»[2].

Несмотря на то, что дехканские массы в узбекских ханствах являлись основной силой при строительстве арыков, они сами были лишены права пользования водой.

Как известно, во второй половине XIX века российский царизм завоевал Среднюю Азию. Присоединение

---

[1] В. Я. Непомнин. Указ. соч., стр. 15.
[2] Там же, стр. 20.

Средней Азии к России во второй половине XIX века вопреки устремлениям царских колонизаторов имело тем не менее большое прогрессивное значение для развития экономической и общественной жизни ее народов. Оно обусловило возникновение в крае ряда промышленных предприятий, рост торговли, строительство железных дорог, ряда культурных центров, зарождение и развитие из местных слоев населения пролетариата, который неуклонно сближался с русским рабочим классом и другими передовыми представителями русского народа. Хозяйственная и культурная жизнь народов Средней Азии стала развиваться значительно быстрее, чем прежде. Феодальная замкнутость края разрушалась. В край стали широко проникать прогрессивные идеи передовой русской интеллигенции. На прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России указывал Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 г., отметив, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[1].

Однако царское правительство, сосредоточив фактическую власть над Туркестаном в своих руках, не только усилило эксплуатацию трудящихся масс, но установило здесь жестокий гнет.

Блестящая характеристика правления царской России здесь дана в «Истории КПСС»: «Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно бесправны, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям... Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»[2].

Царское правительство, заинтересованное в получении возможно большего количества хлопкового сырья для своей текстильной промышленности, придало развитию сельского хозяйства края односторонний характер, всемерно поощряя преимущественное развитие хлопководства за счет других сельскохозяйственных культур. В связи с этим крупные землевладельцы начали отводить большую часть земель под хлопчатник.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1973, стр. 12.

Дехканство стало подвергаться еще большей эксплуатации со стороны баев, кулаков и ростовщиков, извлекавших из развивавшихся хлопковых хозяйств как можно больше выгоды.

По этому поводу В. И. Ленин писал: «... угнетенные массы, эксплуатируемые не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе...»[1].

Лучшие земли Туркестанского края были отданы богатым переселенцам. Дехкане оттеснялись в худшие районы. Это вызывало усиление национальной розни. Переселенческое кулачество, как и местные баи, жестоко эксплуатировали дехканскую бедноту.

Эта эксплуатация имела многообразные формы. С одной стороны, кулаки-переселенцы нанимали в батраки разорившихся дехкан, закабаляли их при помощи натуральных и денежных ссуд и т. п. С другой стороны, они прибегали и к внеэкономическим способам эксплуатации — захвату земель и оросительных систем.

В лице русского переселенца-кулака трудящиеся массы местных народов видели носителя национального гнета и хищной эксплуатации.

Изменения в экономической жизни Туркестанского края не могли не отразиться на развитии его водного хозяйства. Царское правительство было заинтересовано не только во всемерном расширении хлопковых площадей, но и в развитии ирригационной сети, поскольку искусственное орошение в силу географических и климатических условий было основой земледелия в крае. А это, в свою очередь, требовало изменения существовавшей в то время организации водного хозяйства и правовых норм водопользования в Туркестане.

Характеризуя изменения, происходившие в экономической жизни Туркестана, проф. Л. И. Дембо писал: «Промышленные круги и московские банки, заинтересованные в туркестанском хлопке, властно предъявляли свои требования. Вовлечение частного капитала в дело нового орошения требовало коренного пересмотра водного законодательства»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.

[2] Л. И. Дембо. Основные проблемы советского водного законодательства. Л., 1948, стр. 47.

Новым условиям уже не могли отвечать нормы существовавшего до сих пор обычного права, и они стали разрушаться. Причины, приведшие к распаду этих норм, заключались, в первую очередь, в том, что они перестали соответствовать новым отношениям в организации водного хозяйства и водопользования. Условия господства отсталой феодальной системы хозяйства в Туркестане стали тормозом на пути дальнейшего развития водного хозяйства.

Однако перестройка его проходила очень медленно, что в значительной мере объяснялось особенностями развития капитализма в России.

В. И. Ленин писал: «Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической.., то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»[1].

В первые годы колонизации Туркестана царская администрация не проявляла активного вмешательства в порядок пользования водой местным населением, ограничиваясь лишь общим надзором над ним. Однако это не относилось к тем ирригационным системам, которые, по соображениям преимущественно политического характера, не могли быть предоставлены в бесконтрольное распоряжение населения.

До известного времени царская администрация сохраняла старые порядки водопользования, допуская применение норм шариата и адата, если они не противоречили интересам царского правительства.

Но вскоре она начала пересмотр отдельных правовых норм водопользования. Законы, принятые для регу-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 601.

лирования порядка водопользования, как и другие тех лет, исходили из интересов эксплуататорских классов.

Охраняя интересы ханов, эмиров и баев, русские колонизаторы в то же время не забывали и о своих интересах. Как уже говорилось выше, царизм был заинтересован в развитии хлопководства в Туркестане. Но успешное развитие его было невозможно в условиях отсталой феодальной системы хозяйствования, особенно в области водопользования, так как вода являлась частной собственностью эмиров, ханов, баев и духовенства. Поэтому главной задачей имперской власти являлись изъятие воды из частной собственности крупных феодалов Туркестана и передача ее казне. Первая такая попытка была сделана в Кураминском уезде.

19 июня 1877 года генерал-губернатор Кауфман утвердил «Временные правила об ирригации Туркестанского края»[1]. В них указывалось, что вода в арыках, каналах, речках принадлежит казне, а населению предоставляется право пользования ею для орошения на определенных условиях.

Временные правила, изданные первоначально только для Кураминского уезда и г. Ташкента, были распространены затем на всю территорию Туркестанского края. Они закрепили собственность на воду за царским правительством, а заведование водами — за его представителями — чиновниками-ирригаторами.

Заведование ирригацией было передано в руки назначавшихся Туркестанским генерал-губернаторством чиновников, заменивших всех прежних выборных должностных лиц водного управления (арык-аксакалов, туганчей и мирабов).

Таким образом, вода, находясь в руках колонизаторов, как и раньше, использовалась в качестве орудия эксплуатации трудящихся масс.

При чиновнике-ирригаторе состояли землемер и определенное число арык-аксакалов, мирабов и туганчей[2].

С изданием Временных правил документы, выданные ханами и эмирами и определявшие право пользо-

---

[1] «Туркестанские ведомости». 12 июля 1877 г., № 27.

[2] Так, ст. 20 Временных правил указывала, что для управления ирригацией г. Ташкента и Кураминского уезда по обеим сторонам реки Чирчик учреждаются должности ирригатора и помощника ирригатора.

вания водой (иноятнами и васихи), не могли служить основанием для разрешения споров о водопользовании. Все споры, возникавшие по вопросам водопользования, рассматривались на основе Временных правил.

Так, например, житель Ура-Тюбинского уезда Сабир Назар Саидназаров в прошении на имя начальника Ходжентского уезда требовал восстановить его права на владение половиной воды в кишлаке Ваката. Эту воду постоянно арендовали у него жители кишлака Надыр Мухамед и Баба Уста-Назаров на условиях уплаты одной трети части урожая с орошенной земли, но в последнее время, мол, жители отказались платить аренду, хотя и продолжали пользоваться водой. Он заявлял, что на основании документа, выданного ханом Мухамед Али его деду Мухамеду Назару и перешедшего к нему по наследству, ему принадлежит это право[1].

При рассмотрении этого прошения Общее присутствие, сославшись на Временные правила, указало, что вода в крае (а равно и введенные при кокандском владычестве порядки арендования воды, дарованные ханом частным лицам и освобожденным от повинностей) не может составлять частной собственности, а принадлежит государству. Прошение Сабир Назара Саидназарова было оставлено без последствия как неосновательное. Общее присутствие предложило начальнику Ходжентского уезда в будущем при разборе подобных дел руководствоваться только Временными правилами об ирригации Туркестанского края[2].

На основании Временных правил споры о праве пользования водой подлежали рассмотрению арык-аксакалами и мирабами, которым по сравнению с чиновниками-ирригаторами была отведена второстепенная роль; более сложные дела решались мировыми судьями или казиями, применявшими за нарушение порядка водопользования штраф.

Временные правила от 19 июня 1877 года уже в 1882 году подверглись существенным изменениям: должность ирригатора, например, была упразднена, а выборность мирабов восстановлена.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 19551, л. 1—2.
[2] Там же, д. 657, л. 66—70; д. 19551, л. 9—12.

12 июня 1886 года было издано Положение об управлении Туркестанским краем, распространявшееся на Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую области.

Порядку водопользования в «Положении» была посвящена только одна статья (ст. 256), гласившая, что «воды в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставляются населению в пользование по обычаю».

В отношении же порядка управления было указано, что заведование главными оросительными каналами возлагается на арык-аксакалов, назначаемых и увольняемых военным губернатором, а заведование побочными арыками — на мирабов, избираемых сельскими сходами (ст. 107).

При областных правлениях Ферганской и Самаркандской областей, где искусственное орошение было наиболее развито, учреждались особые должности заведующих ирригацией, а в Сырдарьинской области эти обязанности возлагались на младшего техника областного правления.

В основу правления Туркестанским краем были положены следующие начала (согласно Положению Комитета Министров 11 июля 1867 г.): а) предоставление внутреннего управления туземным населением выборным из среды его лицам по всем делам, не имеющим политического характера; б) оставление в силе местного писаного закона—шариата, а для киргизов—адата, обычая в той сфере правоотношений, которая не могла быть до времени определена законом; в) устранение в туземном управлении, его законах и обычаях того, что оказывалось вредным для интересов царского правительства[1].

Положение 1886 года, хотя и сохранило местную водную администрацию и оставляло мирабов, избираемых населением, но устанавливало, что военный губернатор назначает арык-аксакалов, заведующих главными каналами.

2 августа 1888 года была издана инструкция «О правах и обязанностях ирригационных чинов, уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов»[2]. Согласно

---

[1] Г. Н. Чердынцев. Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего. «Туркестанские ведомости», 11 июля 1910 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 898, л. 355—362, 1888 г.

этой инструкции, мирабы назначались и увольнялись сельскими сходами, в их обязанности входило исполнение выражаемых в письменных приговорах и постановлениях общества как по содержанию и исправлению арычной системы, так и по распределению воды между жителями.

В случае несоответствия указанного в приговоре количества воды фактическому мираб обязан был заявить об этом обществу. При нарушении же очереди получения воды, увеличении притока воды, изменении сооружений и др. на мираба возлагалась обязанность восстановить прежний порядок. В случае сопротивления со стороны кого-либо мираб обязан был обратиться за содействием к сельскому старшине, а в более сложной ситуации — к волостному или уездному начальнику. Мираб распоряжался заведываемым им арыком в пределах земель избравшего его общества самостоятельно.

Арык-аксакалы, согласно инструкции в отношении заведования водой в главном арыке, руководствовались обычным правом. При несоответствии этих норм фактическим потребностям изменения в порядке очередей допускались с согласия заинтересованных обществ и с ведома уездного начальника. Арык-аксакалы обязаны были содержать в исправности головные плотины, подпруды, водосливные шлюзы, вододелители и берега подведомственных им главных каналов, а также поддерживать уровень и количество протекающей воды в размере, установленном обычным правом для побочных арыков.

Из сказанного вытекает, что как по данной инструкции, так и по предшествовавшим законам об ирригации Туркестанского генерал-губернаторства все споры по водопользованию рассматривались административными органами.

Хотя в организации управления водным хозяйством Туркестанского края и происходили разные изменения, существо дела не менялось, мирабы и арык-аксакалы оставались защитниками интересов эксплуататорских классов.

Обычными явлениями при выполнении арык-аксакалами и мирабами своих обязанностей как при распределении воды, так и при разрешении споров по водопользованию оставались лихоимство и взяточничество.

Н. Дингельштедт, изучавший состояние и развитие ирригации Туркестанского края, отмечал, что «арык-аксакалы... берут взятки, обделяют водой слабых, угождают сильным...»[1].

О злоупотреблениях мирабов и последствиях этого один из жителей Ферганской области написал стихотворение. Сюжет его заключается в том, что мираб продал одну и ту же воду для полива орошаемых земель нескольким водопользователям. Один из них, не имея денег, взял в долг чай и принес его мирабу. Но когда он явился для получения воды, то оказалось, что еще двое дехкан купили очередь на пользование водой в тот же день. Между ними возник спор, который кончился для всех участников ссоры тяжелыми телесными повреждениями.[2]

О существовавшей практике взяточничества мирабов и старшин свидетельствуют многочисленные документы.

В историческом архиве Узбекской ССР содержится следующее заявление: «Я, туземец селения Муган, Санхарской волости, Мулла Нурулла Тухлибаев, обратился к старшине с просьбой дать воды, за что старшина Халик Мухамед Каримов потребовал от меня 10 тысяч танга. Я уплатил ему 10 тысяч танга и после этого воду мне дали. Обращался я к старшине, а не к мирабу Бекбути потому, что старшина, как родственник мираба, сам распоряжается водою и без него мираб никому воды не дает. Старшина и мираб торгуют водой»[3].

Граждане Федоровского поселка Челекской волости Самаркандского уезда в прошении на имя ирригатора Самаркандской области указывали, что перехват воды жителями другого кишлака был разрешен арык-аксакалом Кобиковым, за что он получил от жителей названного кишлака 300 танапов[4].

Злоупотребления арык-аксакалов и мирабов вызывали открытые выступления трудящихся против руководителей ирригацией Туркестанского генерал-губернаторства.

Так, 9 июня 1911 года около кишлака Чака Самаркандской области дехкане, измученные отсутствием во-

---

[1] Н. Дингельштедт. Указ. соч., стр. 113.
[2] «Туркестанская туземная газета», 15 марта 1903, № 10.
[3] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 3667, л. 4—6, 27/IX—1914 г.
[4] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 11124, л. 105—109.

ды для полива огородов, убили заведующего уездной ирригацией, который перепрудил воду в арыке для поливки своего участка земли[1]. Имело место убийство из-за воды в Андижанском уезде Джалалабадской волости Ирмухамеда Ташмухамедова[2].

В Ташкентском уезде толпа дехкан из 150 человек пыталась сбросить в арык ирригационного техника, который, приехав в кишлак делить между населением воду, львиную долю воды отдал местным баям и кулакам за взятку[3].

26 июня 1911 года в Булатовской волости Ташкентского уезда между водопользователями произошло столкновение. Когда арык-аксакал прибыл на место столкновения, из толпы кто-то крикнул :«Что там смотреть, бросай его в арык!»... Тогда арык-аксакал принужден был удалиться и вызвать для восстановления порядка булатовского волостного управителя[4].

Споры из-за воды для орошения полей нередко бывали ожесточенными.

Многочисленные жалобы на неправильное распределение воды поступали на имя чиновника особых поручений по ирригационной части при Туркестанском генерал-губернаторе[5].

О злоупотреблениях арык-аксакалов и мирабов отмечалось в рапортах уездных начальников на имя губернатора.

В одном из рапортов на имя военного губернатора Самаркандской области, поданных в июле 1893 года, указывалось, что в связи с часто повторявшимися жалобами землевладельцев Наукской волости на распределение воды между жителями волости было установлено, что неправильное водоснабжение в большинстве случаев происходит из-за несправедливого отношения к делу арык-аксакала Мирзы Гамдама Мирзы Алиева.

Один из инженеров края в рапорте военному губернатору Самаркандской области 27 сентября 1896 года сообщал, что при объезде Янги-Казанарыкской системы

---

[1] «Туркестанский курьер», 1 июля 1911 г., № 144.
[2] «Туркестанская туземная газета», № 45, 14 июня 1912 г.
[3] В. Непомнин. Указ. соч., стр. 25.
[4] См. «Туркестанские ведомости», 2 июля 1911 г., № 143.
[5] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 11183, л. 18, д. 18598, л. 7—8; ф. 19, оп. 1, д. 30208, л. 277, д. 16305, л. 2; ф. 18, оп. 1, д. 9078, л. 11.

он получил сведения, что мираб кишлака Зомбарак Магомед-али Ханкильдиев продает воду из Янгиарыка жителям, пользующимся водой Каратюбинского сая[1].

В прошении Туркестанскому генерал-губернатору житель селения Кастакоз Абдул-Касым-мулла Мадалимов указывал, что виновниками несправедливого раздела воды являлись мираб Ходжа Юсуф Фаязов и волостной управитель, которые питали к нему злобу за то, что он отказался продать им свой участок земли; они продали воду восьми землевладельцам, но купив сами 200 танапов безводной земли, начали орошать ее этой же проданной водой[2].

В кишлаке Гуляхондоз Ходжентского уезда во время дележа воды дехканами произошла кровопролитная схватка, в результате которой один дехканин был убит и несколько человек ранено[3]. Из-за отсутствия воды гибли даже целые селения. «В Ферганской области, между Кокандом и Маргиланом, погибло от недостатка воды целое селение — Дувана-кишлак»[4].

Царская власть всячески поощряла поселенцев в том, чтобы они расширяли орошаемые посевные площади и в первую очередь использовали воду на полив только этих земель. В результате этого трудящиеся дехкане были лишены воды для полива своих небольших участков.

Хотя в Положении об управлении Туркестанского края 1886 года было указано, что вода предоставляется населению в пользование по обычаю, но с течением времени обычай как основа все более и более утрачивал свое значение для определения права пользования водой. Обычное право уже не могло служить основанием для разрешения противоречий, возникших в связи с установившимся фактическим порядком водопользования в Туркестанском крае. Поэтому при рассмотрении споров о водопользовании административные органы стали чаще основывать свои решения не на обычном праве.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 9222, л. 1.
[2] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 1373, л. 168—170, 1902 г.
[3] «Туркестанский курьер», № 87, 18/IV—1912 г.
[4] В. Я. Непомнин. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940, стр. 25—26.

Основой для распределения воды стала так называемая зависимость от ее действительной потребности для орошения обрабатываемой площади или от размеров земельного участка. В распоряжениях уездных начальников и определениях Совета Туркестанского генерал-губернатора все чаще встречаются указания на то, что распределение воды при возникновении споров должно происходить на основе учета площади орошаемой земли или размера вносимых спорящими сторонами податей. Это опять приводило к тому, что воду в первую очередь получали представители имущих классов, так как в их руках концентрировалось значительное количество орошаемых земель.

Споров о воде, как говорилось выше, возникало немало, причем зачастую они были очень продолжительными. Например, спор жителей Исфайранской волости Кокандского уезда в Фергане с жителями низовых волостей (Канибадамской, Махрамской, Бешарыкской и отчасти Яйпанской и Джизакской) так и не получил разрешения в течение многих лет. Это служит убедительным доказательством несостоятельности существовавшего обычного порядка водопользования[1].

Образованная по распоряжению военного губернатора в Ташкентском уезде Сырдарьинской области специальная комиссия для рассмотрения споров о пользовании водой вынесла заключение, что в маловодных районах при распределении воды должно приниматься за основу количество взимаемых с населения податей.

Эту точку зрения разделил и Совет Туркестанского генерал-губернатора, признавший необходимым в виде временной меры разрешить администрации распределять воду реки Ангрен между заинтересованными пятью волостями пропорционально вносимым населением податям.

В других случаях за основу распределения воды между заинтересованными селениями было принято количество засеваемой земли. Причем разбор жалоб на нарушение правил водопользования, производившийся как отдельными должностными лицами, так и особыми местными комиссиями, обычно заканчивался предписанием установить водопользование между отдельными

---

[1] См.: «Туркестанский курьер», № 68, 26 марта 1913 г.

отводами на основании приговора всех соучастников с таким расчетом, чтобы время пользования водой было пропорционально площади орошаемой земли. Как известно, орошаемые земли принадлежали эксплуататорам.

Но само собой подразумевалось, что такой закон, который должен был привести к ослаблению влияния феодального хозяйства на развитие водного хозяйства Туркестанского края, одновременно и к устранению препятствий к всемерной колонизации края, был бы «равен» только для эксплуататоров, а «обязателен» только для дехкан.

Споры из-за воды возникали, как указывалось выше, большей частью в результате захвата воды владельцами земель, находившихся в верховьях каналов и арыков.

Так, например, в 1902 и 1905 годах особая комиссия рассматривала споры, возникшие между жителями Пскентской волости Ташкентского уезда Сырдарьинской области и населением верхних волостей — Аблыкской, Теляузской, Кенджигалинской и Хурданской, которые, воспользовавшись своим преимущественным положением, лишили пскентцев необходимой для орошения земель воды[1]. Они утверждали, что пскентцы не имеют никаких прав на воду и всегда, мол, пользовались только ее остатками. Пскентцы же доказывали, что они имели ханский документ, определявший их право на воду, но этот документ сгорел в 1872 году.

Комиссия пыталась привести спорящих к соглашению, но ее попытка не увенчалась успехом. Тогда по распоряжению Сырдарьинского военного губернатора для рассмотрения этого спора была образована другая, специальная комиссия. Она вынесла заключение, что при разрешении спора о распределении воды между спорящими должно быть принято за основу количество взимаемых с них податей. На эту точку зрения встал и Совет Туркестанского генерал-губернатора.

Таким образом, как отдельные должностные лица, так и целые комиссии разрешали споры с таким расчетом, чтобы пользование водой было пропорционально

---

[1] «Туркестанский сборник», т. 433, стр. 141—147.

площади орошаемой земли, что отвечало интересам крупных землевладельцев[1].

Вопрос о создании единого водного закона для Туркестанского генерал-губернаторства был подробно рассмотрен на съезде инженеров-гидротехников в 1907 году в Ташкенте.

По этому же вопросу был созван ряд совещаний в 1907, 1908 и 1909 годах. На этих совещаниях отмечалась полная неудовлетворенность существовавшими порядками водопользования в Туркестане, которые совершенно не соответствовали требованиям экономической жизни края; высказывалось мнение о необходимости издания закона о водопользовании. В начале 1910 года при Главном управлении землеустройства и земледелия была образована Особая межведомственная комиссия для составления проекта водного закона для Туркестанского генерал-губернаторства. Эта комиссия составила проект Положения о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве.

16 октября 1910 года проект водного закона был вынесен на обсуждение краевого совещания, а затем, 25—26 октября, рассмотрен Советом Туркестанского генерал-губернатора.

На этом совещании проект водного закона получил название «Положение о пользовании водами для сельскохозяйственных и промышленно-технических целей в Туркестанском генерал-губернаторстве»[2]. Положение было передано в межведомственную комиссию на обсуждение, так как оно нуждалось в более подробной увязке с условиями края.

В 1913 году с некоторыми изменениями проект водного закона был представлен в Государственную Думу. В 1915 году проект водного закона прошел сельскохозяйственную комиссию Государственной Думы и в 1916 году прошел в Государственной Думе, но царское правительство так и не успело провести свой закон в жизнь. Проект водного закона преследовал цель укрепления собственности эксплуататоров на землю и на воду в Туркестанском крае.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 9193, л. 34, 1905 г.; л. 13, 12/IX-1898 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 898, стр. 241—249, 1910 г.

В проекте закона было зафиксировано, что воды Туркестанского генерал-губернаторства, независимо от того, на чьей земле они находятся, состоят в верховном распоряжении государства (ст. 1). По этому проекту, как и по предыдущим Положениям, заведование водами на местах возлагалось на арык-аксакалов и мирабов, то есть, по сути дела, порядок оставался прежним. Все предпринимавшиеся царскими чиновниками попытки упорядочить водопользование в Туркестанском крае не привели, да и не могли привести к каким-либо положительным результатам для трудящихся масс, ибо вода и земля по-прежнему оставались орудием эксплуатации в руках господствующих классов.

Никаких сколько-нибудь существенных изменений не внесло в существовавшее положение и то, что царское правительство взяло в свои руки управление водным хозяйством и осуществляло его через своих представителей.

Великая Октябрьская Социалистическая революция уничтожила частную собственность на землю и воду. Земля и вода превратились в источник зажиточной жизни трудящихся масс.

Узбекский народ впервые в истории получил право пользоваться землей и водой для развития и укрепления экономики своей страны, для строительства новой жизни.

Но он получил тяжелое наследие царизма, в том числе в организации и состоянии водного хозяйства. С первых же лет установления Советской власти в Туркестане началась интенсивная борьба за коренные социально-экономические преобразования, в том числе за разрешение земельного и водного вопросов.

«Практическая работа русских коммунистов,— указывал В. И. Ленин,— в колониях, принадлежавших раньше царизму, в таких отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения... Несмотря на это, мы и там взяли на себя и должны взять на себя роль руководителей. Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать

колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата»[1].

И действительно, все трудящиеся Узбекистана под руководством Коммунистической партии и при помощи всех братских народов, в первую очередь великого русского народа, в неустанной борьбе за новую жизнь преодолели все трудности и добились небывалых успехов в своем созидательном труде по строительству социализма и коммунизма.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.

ГЛАВА II.

ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР

Туркестанский край до победы Великой Октябрьской социалистической революции, по определению В. И. Ленина, представлял собой колонию чистейшего типа[1]. Устройство края и методы управления им носили военно-административный характер. Многонациональное население края состояло в подавляющем большинстве из дехкан, незначительную часть составляли ремесленники, рабочие. Трудящиеся находились под жестоким произволом как царских, так и туземных чиновников, баев, купцов, а также под сильнейшим влиянием мусульманского духовенства. Национальные, экономические, культурные интересы коренного населения, равно как и трудящейся части европейского населения, ничем и никем не защищались. Бесправие трудовых масс утверждалось законами Российской империи, особенно жесткими для окраинных ее частей, и в не меньшей мере — религией и обычаями.

Волна Октябрьской социалистической революции докатилась и до далеких окраин России. К концу 1917 года, как известно, была установлена Советская власть и в Туркестане.

В 1918 году была образована Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика.

На III Краевом съезде Советов 15 ноября 1919 года по настоянию большевиков был сформирован Совет Народных Комиссаров как высший законодательный орган власти. Съезд также объявил о переходе власти на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 35.

Чрезвычайно важным явилось решение съезда о признании центральной власти страны и необходимости обеспечения тесной связи с Российской Советской Республикой.

В. И. Ленин, уделявший исключительное внимание Средней Азии, писал: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое»[1].

Тот факт, что Туркестан должен быть автономным государственным образованием, признавался всеми общественными силами и организациями края. Но автономия понималась ими различно. Собравшийся в ноябре 1917 года в Коканде Краевой мусульманский съезд объявил Туркестан автономией и сформировал буржуазно-националистическое правительство. Причем это решение поддерживалось не только внутренней контрреволюцией, но и соседними феодальными государствами — Турцией, Афганистаном, Ираном, а также капиталистическими странами — Англией и США, которые всеми силами старались не допустить создания в Туркестане Советского государства.

Более того, за полное отделение Туркестана от России высказывались даже некоторые руководящие работники революционного Туркестана, не отдавая себе отчета в том, что их национал-уклонистские позиции в этом вопросе противоречат ленинским основам национальной политики, что автономный Туркестан может мыслиться только в рамках Советской Российской Федерации.

Этот важнейший вопрос был предметом обсуждения IV съезда Советов, состоявшегося в январе 1918 года. Большевики придерживались твердой позиции о признании Туркестана составной автономной частью РСФСР, считая, что это является единственно правильной формой взаимоотношений Туркестана с Россией, при которой только и могут быть полностью обеспечены национальные интересы народов, населяющих край.

Контрреволюционные планы кокандских автономистов потерпели полный провал, и в феврале 1918 года

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 304.

кокандское буржуазно-националистическое правительство было свергнуто.

Поскольку революция в Туркестане представляла собой прямое продолжение Великой Октябрьской социалистической революции, совершившейся в центре страны, развитие Туркестанской республики после установления в крае Советской власти шло по социалистическому пути. Однако процесс ликвидации феодальных отношений здесь был гораздо более длительным, чем в других частях РСФСР.

Собравшийся в апреле V съезд Советов принял два важнейших решения, сыгравших огромную роль в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане: 1) объединение двух раздельно действующих до того Советов — Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских и дехканских депутатов; 2) установление автономии в крае в советском ее понимании.

30 апреля 1918 года съезд утвердил Положение «О Туркестанской Советской Федеративной Республике», явившееся первым ее Основным законом. Оно объявляло о создании Туркестанской Автономной Советской Республики, включающей в свой состав весь Советский Туркестан в его географических границах, за исключением Хивы и Бухары. В нем указывалось, что Туркестанская Советская Федеративная Республика, управляясь автономно, признает и координирует свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации[1].

Положение определило, что высшим законодательным органом республики является съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и дехканских депутатов; высшим Постоянным законодательным органом — Центральный Исполнительный Комитет Советов; органом, сосредоточивающим исполнительные функции и управление,— Совет Народных Комиссаров, избираемый съездом Советов, а органами местной власти стали местные Советы и их исполнительные комитеты.

Вопросы взаимоотношений с РСФСР не получили в этом Положении должной ясности, так как формулировка об автономном управлении с координацией действий с РСФСР могла быть понята различно. Для оп-

---

[1] «Наша газета», 5 мая 1918 г., № 89.

ределения этих отношений съезд избрал и направил в Москву специальную комиссию из 5 человек.

В июне 1918 года на Краевом съезде большевиков оформилась Коммунистическая партия Туркестана как составная часть РКП(б). В тяжелейших условиях последующих лет, в течение всего периода существования Туркестанской республики (1918—1924), она возглавляла борьбу трудящихся масс с внутренней и внешней контрреволюцией, с хозяйственной разрухой, за укрепление советской государственности и развитие социалистических начал в жизни республики.

С июля 1918 по август 1919 года Туркестан был отрезан от Советской России. Это крайне осложняло борьбу за укрепление и развитие молодой республики, но даже в этих условиях ЦК РКП(б), правительство РСФСР оказывали ей всестороннюю помощь.

Несмотря на дополнительные трудности, которые создались вследствие изоляции от центра страны, советское строительство в республике и ее законодательная деятельность продолжали развиваться быстрыми темпами, жизнь настоятельно требовала правового регулирования новых отношений. С первого дня установления Советской власти в Туркестане молодая республика стала создавать свое революционное право и законодательство. О закономерности создания пролетарской революцией своего нового права В. И. Ленин еще в 1906 году писал: «... главной формой общественного движения в современной России остается по-прежнему непосредственно — революционное движение широких народных масс, ломающих старые законы, уничтожающих органы угнетения народа, завоевывающих политическую власть, творящих новое право»[1].

На первых порах Туркреспублика в основном руководствовалась законами РСФСР. Но VI съезд Советов, состоявшийся в октябре 1918 года, подчеркнул жизненную необходимость видоизменить некоторые законы, принимаемые центральной властью, и издавать самостоятельные законы, учитывающие местные специфические особенности.

В. И. Ленин в беседе с приехавшей в Москву упомянутой выше комиссией, выделенной V съездом Сове-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 350.

тов Туркестана, подтвердил право Туркестанского ЦИК изменять некоторые декреты центрального правительства с учетом национальных и бытовых условий жизни коренных народов республики.

На территории ТАССР законодательство РСФСР вводилось в действие не механически, а с учетом местных условий и особенностей ТАССР.

Федеральные органы, устанавливая единство социалистической законности, вместе с тем всегда учитывали особенности Туркестанской республики, т. е. вносили соответствующие изменения в законодательство по отдельным отраслям права.

Этому учету придавалось большое значение. Об этом убедительно, например, свидетельствует постановление ТуркЦИК от 21 января 1920 года[1], согласно которому была создана особая комиссия по согласованию законоположений и распоряжений правительственных органов РСФСР и Туркреспублики с правосознанием коренного местного населения. Эта комиссия должна была представлять на утверждение ТуркЦИК проекты постановлений о согласовании законов РСФСР и Туркреспублики, как первого суверенного Советского государственного образования народов Средней Азии.

Это является свидетельством проявления чуткого и внимательного отношения Коммунистической партии и Советского правительства к традициям и обычаям местного населения.

Земельный кодекс РСФСР 1922 года был введен в действие и в Туркреспублике, но с рядом дополнений, отражавших местную специфику. Такие дополнения, рассмотренные и утвержденные ЦИК и СНК Туркреспублики 7 февраля 1923 года[2], затем были утверждены ВЦИК.

ВЦИК постановлением от 30 октября 1922 года «О введении в действие земельного кодекса», принятого на 4-й сессии IX созыва, утвердил земельный кодекс РСФСР и указал, что ввести его в действие с 1 декабря 1922 года и распространить на всю территорию РСФСР. Изменения в земельный кодекс РСФСР, необходимые в

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 377, л. 539—541. Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТАССР за 1917—1922 гг.

[2] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 374, л. 539—541.

целях приспособления его к особым условиям автономных Советских республик, а также автономных областей, производятся Президиумом ВЦИК по представлению Федерального комитета по земельному делу не позднее 15 февраля 1923 года[1].

Постановлением ВЦИК от 29 марта 1923 года (СУ 1923 г., № 26, ст. 305) в Земельный кодекс РСФСР 1922 года по отдельным республикам были внесены некоторые изменения, а постановлением ВЦИК от 11 июня 1924 года Земельный кодекс РСФСР был дополнен примечанием к ст. 207 (СУ РСФСР, 1924 г., № 60, ст. 593).

Необходимо отметить, что высшие законодательные органы власти Туркестанской республики пользовались широкими правами самостоятельного законодательства. Законодательные органы Туркестанской республики издавали также свои законодательные акты по отдельным отраслям права. Таким образом были установлены разграничения компетенции РСФСР и ТАССР в области законодательства.

В приказе Туркестанского правительства от 22 февраля 1918 года, в котором говорилось о применении законодательных актов центральной власти, указывалось, что во избежание неправильного или несвоевременного проведения этих актов в жизнь они могут быть исполнены только после опубликования их краевыми органами власти в официальном печатном органе «Наша газета».

Важнейшим законодательным актом ТАССР того периода явилась первая Конституция Туркестанской республики, принятая на VI съезде Советов 18 октября 1918 года.

К 1920 году Советская власть была установлена на всей территории Средней Азии. В результате победы народных революций в Хиве и Бухаре были созданы народные советские республики, ставшие независимыми государственными образованиями, правовые взаимоотношения которых с РСФСР определялись договорами.

Согласно этому договору, ни один декрет или приказ, изданный в РСФСР или ТАССР, не имел в этих республиках силы до санкционирования их высшим

---

[1] СУ РСФСР, 1922 г., № 68, ст. 901.

органом власти этих республик. Следует подчеркнуть, что законодательство в ТАССР, БНСР и ХНСР имело свои специфические особенности, связанные с условиями исторического развития этих республик.

Отмена после победы Великой Октябрьской социалистической революции частной собственности на орудия и средства производства коренным образом изменила общественные и правовые отношения в Советской стране.

На основе Ленинского декрета о земле от 8 ноября (26 октября) 1917 года в стране была произведена национализация земли, ее недр, лесов и вод[1].

Земли и воды, которые ранее были орудием эксплуатации трудящихся масс, стали достоянием всего трудового народа.

Ленинские принципы национализации земли и воды нашли свое дальнейшее развитие в декрете «О социализации земли»[2], принятом 19 февраля 1918 года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Согласно декрету всякая собственность на землю, недра воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменялась навсегда и распоряжение недрами земли, лесами, водами и живыми силами природы предоставлялось, в зависимости от их значения, уездной, губернской, областной и федеративной Советской власти.

В приказе СНК Туркестанского края от 20 декабря 1917 года № 20 отмечалось: «Ввиду перехода земель на учет Земельным комитетам, а до их образования — уездным и областным Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, все чины селенческого управления и управления земледелия и государственных имуществ не имеют права делать никаких распоряжений, касающихся распределения земельных участков и сдачи их в аренду без особого на то, в каждом отдельном случае, разрешения комиссаров земледелия Туркестанского края впредь до образования областных и краевого земельного комитетов»[3].

---

[1] «Известия ЦИК», № 209, 10 ноября (28 октября) 1917 г.

[2] «Газета Рабочего и крестьянского правительства», 19(6) февраля 1918 года № 27.

[3] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 6, л. 20.

Необходимо отметить, что в циркулярном распоряжении комиссариата земледелия Туркестанского края «Об организации земельных комитетов»[1] указывается, что, прежде чем приступить к введению земельных комитетов в крае, СНК постановил объявить населению, что в Туркестанском крае «совершенно прекращаются земельные сделки по купле и продаже земли».

Необходимо подчеркнуть, что для Туркестанского края земельный вопрос был одним из основных в деле осуществления социально-экономических и общественных преобразований. Земельные отношения в Туркестане характеризовались рядом особенностей, и важнейшей из них была тесная связь землепользования с водопользованием, с вопросами орошения земель.

Географические и климатические условия Туркестана ставили всю жизнь края в зависимость от воды. Этим объясняется особая значимость земельно-водного законодательства, создававшегося в то время в дополнение к Федеральному законодательству.

«В основу водного законодательства Туркреспублики был положен принцип национализации воды, изложенный в Конституции ТАССР 1918 года, закрепившей самостоятельные права республики на распоряжение и управление землей, водами, недрами края. Установление государственной собственности на воду, как и на землю, послужило основой коренных преобразований земельно-водных отношений, главной предпосылкой социалистического строительства в сельском хозяйстве»[2].

Учитывая, что в условиях Туркестанского края ирригация имеет первенствующее значение и что без нее немыслимо экономическое благосостояние Туркестана, возникла настоятельная необходимость в организации специальных органов управления этой областью хозяйства.

В связи с этим в январе 1919 года было создано Особое управление ирригационными работами, возглавляемое коллегией.

---

[1] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сб. документов, Ташкент, Госиздат УзССР, 1947, стр. 163—164.

[2] История Советского государства и права Узбекистана. Т. I. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1960, стр. 334.

Эксплуатация оросительных систем и новое водное строительство настолько тесно и неразрывно были связаны между собой, что вызвали необходимость объединения всего ирригационного дела в одно учреждение.

Приказом СНК Туркестанской республики от 19 июня 1918 года было образовано Управление водного хозяйства[1], которое первоначально входило в состав Наркомзема. В августе 1919 года было издано Положение об управлении водного хозяйства в Туркестанской республике[2], в котором предусматривалась организация центрального управления водного хозяйства и местных водных учреждений.

Согласно этому Положению функции центрального управления водного хозяйства республики состояли в следующем:

1) общее заведование и руководство ирригационными делами в республике;

2) исследование существующих оросительных систем и водопользования, а также выяснение технического их состояния и мер улучшения;

3) изучение водных запасов и организация в этих целях необходимых исследований и изысканий;

4) изучение различных других вопросов водного хозяйства;

5) проведение изыскательских и строительных работ по упорядочению существовавших ирригационных систем;

6) производство изыскательских работ и строительных сооружений новых ирригационных систем;

7) технический надзор за исправным состоянием ирригационных систем и водопользованием;

8) разработка предложений о дальнейшем развитии ирригации в республике;

9) составление ирригационной карты республики;

10) составление сводного отчета о деятельности ирригационных учреждений[3].

К обязанностям же местных водных учреждений и участковых водных надсмотрщиков (арык-аксакалов)

---

[1] «Советский Туркестан», 21 июня 1918 г., № 7.
[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 52, л. 42, 1919.
[3] ЦГА УзССР, ф. 17, ТуркЦИК, оп. 1, д. 21, л. 92.

относилось наблюдение за исправным содержанием магистральных каналов и ирригационных сооружений, за обеспечением водой магистральных каналов и правильным распределением ее по отводам; охрана водопользования, осуществление контроля за правильностью действий мирабов и других младших водных служащих, устранение нарушений установленного порядка пользования водой и участие с правом решающего голоса в решениях участковых и районных водных комитетов по вопросам, касающимся их участка.

Мирабы избирались заинтересованными водопользователями и утверждались водными участковыми комитетами. К обязанностям мирабов относилось наблюдение за исправным состоянием находящихся в их ведении арыков, контроль за правильным поступлением воды в арыки, организация правильного распределения воды между водопользователями, охрана воды от хищения, определение в случае надобности замеченных ими отступлений от установленного порядка пользования водой из вверенных им каналов.

К 1 мая 1918 года при Комиссариате земледелия республики уже существовал специальный отдел организации земельно-водных комитетов.

В целях осуществления широкого и рационального развития ирригационного хозяйства в Туркестанском крае в 1918 году на повестке дня встали следующие задачи:

1. Изучение местных ирригационных систем и их техническое упорядочение.

2. Разработка и издание водного закона и установление прав водопользования.

3. Организация орошения безводных пространств и осушения заболоченных земель.

Для выполнения этих задач было признано необходимым:

1. Руководство водным хозяйством республики сосредоточить в одном учреждении — Управлении водным хозяйством Туркестана.

2. Улучшить постановку водопользования путем технического усовершенствования ирригационных систем и упорядочения организации водопользования (в особенности проведение в жизнь водного межевания) и издания водного Закона.

3. Для технического усовершенствования имеющейся ирригационной сети, а также для производства ряда новых работ в пределах действовавших систем образовать особый мелиоративный фонд (примерно 25 миллионов рублей), из которого выдавать населению возвратные ссуды на расходы по переустройству и улучшению старых ирригационных систем.

4. Приступить к осуществлению уже разработанных проектов (например, орошение Голодной степи, устройство водохранилищ на Зарафшане и др.); закончить работы по изысканию новых районов, нуждающихся в орошении или осушении и, наконец, все производственные изыскания дополнить новыми для составления общего плана использования водных запасов края.

5. Привлечь в край научные и технические силы для предстоящих работ по ирригации.

6. Создать специальное высшее учебное заведение для подготовки кадров-специалистов.

7. Определить запасы водной энергии в крае, разработать план и способы ее использования, издать специальный Закон о порядке пользования водной энергией.

Следует подчеркнуть, что создание новых ирригационных сооружений должно было, с одной стороны, способствовать образованию новых запасов водной энергии, а с другой, в связи с орошением и заселением новых земель в крае,— созданию благоприятных условий для развития промышленности, базирующейся на водной энергии ввиду нехватки в Туркестане топлива. Центральный Комитет Коммунистической партии Туркестана ориентировал советские и хозяйственные органы республики на то, чтобы водная энергия в крае была использована для нужд промышленности, в частности металлургии, для электрификации железных дорог, в особенности подъездных путей и подъема воды в целях орошения.

В связи с этим Центральный Комитет партии признал необходимым привлечение на эти цели крупных денежных средств, как из общегосударственных источников, так и путем размещения местных займов, и использование других источников, ибо только строительство ирригационных сооружений в Голодной степи требовало ежегодных ассигнований около 50 млн. руб.

Так как развитие нового орошения и поддержание на должном уровне имеющихся посевов хлопка требовали усиленного снабжения края хлебом, необходимо было обеспечить более ускоренное развитие орошения в зерновых районах, а также увеличение богарного земледелия и использование грунтовых вод в богарных районах[1].

14 сентября 1921 года ЦИК ТАССР принял постановление, согласно которому объединялось все водное хозяйство Туркреспублики под руководством Главного водного управления при НКЗ, которое вскоре было реорганизовано в самостоятельный Народный Комиссариат водного и сельского хозяйства[2].

В целях скорейшего и планомерного восстановления и развития ирригации в Туркестанской республике в январе 1921 года Центральным Исполнительным Комитетом Советов Туркестанской республики был издан декрет об учреждении Высшего Совета по орошению при Совете Народных Комиссаров Туркестанской республики[3].

Во исполнение постановления X съезда Советов Туркреспублики об объединении ирригации под началом одного авторитетного органа ЦИК и СНК ТАССР 13 февраля 1922 года приняли постановление о создании Главного управления водного хозяйства, на которое возлагалось руководство всякого рода гидротехническими работами на территории республики и составление плана водного строительства[4].

25 марта 1922 года при НКЗ было учреждено Главное управление землеустройства и водного хозяйства Туркестанской республики (Главземводхоз)[5].

14 мая 1924 года ЦИК Туркестанской республики издал Положение об управлении водного хозяйства Наркомзема[6].

С первых же дней установления Советской власти трудящимся массам было предоставлено право пользования водой для орошения своих земель. Был установ-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, ТуркЦИК, оп. 1, д. 1069, л. 486—493, 1918.
[2] Там же, д. 315, л. 102.
[3] Там же, ф. 245, оп. 1, д. 164, л. 5.
[4] СУ ТАССР, 1922 г., № 9, ст. 92; «Известия ТуркЦИК», 27 марта 1922 г., № 51.
[5] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 532, л. 102, 1922.
[6] «Вестник ирригации», 1924, № 6.

лен новый, социалистический порядок водопользования, коренным образом отличавшийся от дореволюционного.

12 августа 1919 года ЦИК и Наркомзем Туркестанской республики издали Временные правила водопользования в Туркестанской республике[1].

В них указывалось, что до издания основного водного закона пользование оросительными водами регулируется на основании этих Правил.

Распоряжение водами в зависимости от их значения в Правилах возлагалось на центральные и местные учреждения по водному хозяйству.

Во Временных правилах определялся порядок отвода вод, служивший основанием для разрешения возникавших при этом споров, устанавливалось, что водопользователи должны участвовать своим личным трудом и денежными взносами в расходах на содержание водных сооружений, в них предусматривалась также ответственность в судебном порядке за нарушение правил водопользования.

Временными правилами была установлена очередность предоставления права пользования водой. Так, ст. 6 Правил гласила, что «в случае одновременного поступления нескольких просьб об отводе той же самой воды просьбы эти удовлетворяются в следующей постепенности: а) для домашних нужд и водопоя скота, б) для орошения, в) для промышленных и технических целей».

В ст. 4 указывалось, что существовавший до этого времени порядок пользования водой для орошения сохраняется без изменений, если по этому поводу не поступит других распоряжений со стороны органов Советской власти или не возникнет спора между заинтересованными в водопользовании гражданами.

Воды, не состоявшие в пользовании населения, отводились для расширения сельскохозяйственного земельного фонда республики и для нужд хозяйств, образуемых на основе Положения о социалистическом землеустройстве (ст. 5).

Дела о нарушении порядка водопользования рассматривались соответствующими учреждениями Управления водного хозяйства в срочном порядке.

---

[1] «Известия ЦИК Туркестанской республики», 14 августа 1919 г., № 173.

Временные правила предусматривали ответственность за самовольное и несогласованное с установленными правилами пользование водой или порчу ирригационных сооружений. Виновные несли ответственность согласно приговорам народного суда.

Виновные в загрязнении канав, а равно в загоне в них скота, в проходе через канавы в недозволенных местах, в неисполнении или несвоевременном исполнении работ по содержанию оросительных канав и искусственных сооружений несли ответственность в том же порядке.

В целях планового развития водного хозяйства Туркестана в 1919 году был издан Закон о пользовании водами в Туркестанской республике[1].

Все воды в пределах Туркестанской республики, говорилось в ст. 1 Закона, являются достоянием государства и находятся в ведении и распоряжении соответствующих органов власти.

Как и Временные правила, Закон устанавливал, что пользование водой предоставляется для домашних нужд и водопоя скота, для орошения и промышленных и технических целей.

Право пользования водой определялось по водным округам в порядке очередности, установленном Водным управлением.

Заведование водным хозяйством в пределах республики было возложено на Водное управление при Комиссариате земледелия. Водное управление имело свои местные органы. Для определения прав пользования водой были учреждены особые временные краевая и окружная комиссии.

Непосредственное наблюдение за порядком водопользования возлагалось на арык-аксакалов и мирабов.

Обязанности арык-аксакалов и мирабов устанавливались Законом. Арык-аксакалы являлись должностными лицами, осуществлявшими заведование водным хозяйством на местах, мирабы — их помощниками.

Работа арык-аксакалов и мирабов регулировалась изданными на основе Закона инструкциями.

Закон 1919 года о пользовании водами в Туркестанской республике установил следующие обязанности

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 218, оп. 1, д. 74, л. 18—77, 1919 г.

арык-аксакалов: наблюдение за исправным содержанием магистральных каналов, ирригационных сооружений, за обеспечением водой магистральных каналов, за правильным распределением воды и др.

Согласно этому же Закону в обязанности мирабов входили наблюдение за исправным состоянием арыков, за правильным поступлением воды в арыки и ее распределением, охрана воды от хищений и др.

В Положении о правилах пользования водами в Туркестанской республике, изданном 12 февраля 1921 года, указывалось, что заведование водным хозяйством на местах возлагается на местные учреждения Управления водного хозяйства при соответствующих земотделах и состоящих при них окружных и районных гидротехников, участковых водных надсмотрщиков (арык-аксакалов, мирабов и др.)[1].

Проводилось систематическое усовершенствование организации управления водным хозяйством, особенно низовых звеньев. Так, 5 февраля 1923 года Наркомзем издал инструкцию «О правах и обязанностях арык-аксакалов»[2].

При нарушении правил водопользоваия отдельными водопользователями или мирабами, а также в случае порчи ирригационных сооружений арык-аксакалы обязаны были немедленно принять меры к восстановлению нарушенного порядка водопользования и исправлению сооружения, прибегая в необходимых случаях к помощи волостных и аульных исполкомов. В функции арык-аксакалов входило также осуществление надзора и руководства деятельностью мирабов.

По Инструкции, назначение арык-аксакала производилось заведующим окружным отделом водного хозяйства и утверждалось начальником областного отдела.

На основании «Инструкции о мирабах»[3] последние должны были избираться водопользователями данного арыка и утверждаться окружными гидротехниками.

Мираб подчинялся непосредственно арык-аксакалу, но в своей деятельности по водораспределению руководствовался постановлением собрания водопользователей.

---

[1] «Известия Туркреспублики», 17 февраля 1921 г., № 36.
[2] ЦГА УзССР, ф. 215, оп. 2, д. 1386, л. 30—31, 1923 г.
[3] Там же, оп. 1, д. 59, л. 76—78.

В целях неуклонного осуществления Закона о водном хозяйстве, сохранности ирригационных сооружений и наблюдения за порядком водопользования ЦИК и СНК Туркестанской республики своим постановлением от 12 апреля 1923 года учредили водную милицию, на которую было возложено наблюдение за исправным состоянием каналов и охрана ирригационно-гидротехнических сооружений, а также предупреждение внеочередных захватов воды.

Водная милиция состояла при областных отделах водного хозяйства и управлениях отдельных инженерных оросительных систем и находилась в подчинении НКВД [1].

12 июня 1923 года было утверждено Положение о водной милиции Туркводхоза [2]. Согласно этому Положению ей присваивались все права общегражданской милиции в отношении действий, связанных с охраной ирригационных сооружений, а также право наложения взысканий на нарушителей правил водопользования.

Разрешение же споров по вопросам водопользования до установления прав на пользование водой возлагалось на местные органы водного управления, а после определения прав — на народные суды.

После того, как в 1919 году ТуркЦИК издал Закон о водопользовании в Туркестанской республике, Временные правила утратили силу [3].

Закон «О водопользовании в Туркестанской республике», как и «Временные правила», устанавливал конкретные составы водных преступлений и наказаний, которые должны применяться к лицам, совершившим эти преступления. По этому закону все споры по водопользованию, возникшие до установления прав на воду, разрешались местными органами водного управления, а после определения прав на воду — народными судами.

Отдельные нормы этого закона существенно отличались от тех, которые предусматривались во «Временных правилах». В Законе были установлены меры наказания за отдельные нарушения, введены некоторые статьи, которых не было во «Временных правилах». Например, пастьба скота по откосам и дамбам каналов, расшире-

[1] ЦГА УзССР, ф. 86, оп. 1, д. 513, л. 36—39, 1923 г.
[2] Там же, ф. 215, оп. 2, д. 1386, л. 38.
[3] ЦГА УзССР, ф. 218, оп. 1, д. 74, л. 18—77, 1919 г.

ние перечня ирригационных сооружений, повреждение которых влекло применение наказания и т. д.

Согласно ст. 139 и 140 Закона 1919 года за спуск отработанной воды в неуказанном месте устанавливалось лишение свободы на срок не свыше шести месяцев; за нарушение порядка спуска воды, установленного для ограждения от порчи ее в домашнем употреблении,— лишение свободы на срок не свыше одного года. За посев риса без разрешения в местах, для этого не предназначенных, ст. 141 предусматривала лишение свободы на срок не свыше трех лет, а ст. 142 за насаждение деревьев или кустарников по берегам каналов без разрешения органов водного надзора — лишение свободы сроком не свыше трех месяцев.

Кроме вышеуказанных наказаний виновный должен был уничтожить или исправить все им неправильно сделанное. Если он в назначенный срок это не выполнял, то устранение нарушений производилось органами водного управления за счет виновного (ст. 143).

За неисполнение законных требований органов водного надзора виновные подвергались лишению свободы на срок не свыше одного года (ст. 144), за сопротивление же должностным лицам водного надзора при исполнении ими служебных обязанностей—лишению свободы на срок не свыше двух лет, а в случае сопротивления с проявлением с их стороны насилия или угроз — лишению свободы на срок не свыше 5 лет (ст. 145)[1].

В целях обеспечения правильного пользования водой Закон предусматривал соблюдение особых правил для посева риса, так как эта культура требует затраты значительно большего количества воды, чем другие.

Постановление о порядке охраны водных правил было принято директивными органами республики еще 21 февраля 1919 года[2].

Согласно этому постановлению разбор дел о нарушении водных правил возлагался на особые комиссии, в состав которых входили представители от соответствующих земельно-водных комитетов (по одному представителю от местного и областного Совета, инструктор и местный арык-аксакал). Первые три члена комиссии

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 218, оп. 1, д. 74, л. 18—77, 1919 г.
[2] «Голос Самарканда», 21 февраля 1919 г., № 39.

имели право решающего голоса, два последних — совещательного. Участие арык-аксакала в каждом отдельном случае являлось желательным, но отнюдь не обязательным, присутствие же при производстве дела инструктора было обязательным.

По усмотрению представителей водного отдела дела о нарушении водных правил могли передаваться на рассмотрение народным судам, минуя комиссии.

Комиссия могла применить за нарушение правил водопользования арест на одну неделю или заменить его денежным штрафом на сумму не свыше 300 рублей.

Решение комиссии обжалованию не подлежало и приводилось в исполнение немедленно.

Проверка правильности решений комиссий производилась народным судом по принадлежности. В случае признания, что приговор вынесен комиссией без достаточных оснований, суд уведомлял об этом водный отдел. Причем, если на обвиняемого комиссией неправильно был наложен штраф, сумма штрафа возвращалась ему.

В упомянутом постановлении (февраль 1919 года) были предусмотрены как конкретные виды нарушений водопользования и меры наказания за них, так и некоторые процессуальные нормы. Так, например, за незаконный отвод воды из арыка общего пользования виновный подвергался лишению свободы на срок от одного до трех месяцев, а за отвод, могущий повлечь разрушение системы или причинить бедствия окружающему населению,— тюремному заключению до шести месяцев.

Постановление предусматривало также меры наказания и за другие виды нарушения водопользования,— как, например, за самовольное открытие или закрытие затвора на сети общего пользования, умышленное разрушение или повреждение затвора, нарушение очереди пользования водой, за направление воды в сбросной арык или на дорогу, или в пустопорожнее место, порчу арыка общего пользования, рубку или повреждение деревьев в прибрежной полосе магистральных арыков и др.

За перечисленные нарушения в зависимости от их тяжести предусматривалось тюремное заключение виновного до шести месяцев, арест от двух недель до одного

месяца, взимание штрафа от 100 до 500 руб. с взысканием с виновного за нанесенный ущерб. Если же виновный не был обнаружен, стоимость ущерба возмещалась за счет водопользователей, которые вследствие нарушения незаконно получили воду.

Согласно закону о землепользовании и землеустройстве в Туркестанской республике Российской Советской Федерации от 21 октября 1920 года [1] все земли и вода в пределах Туркестанской республики, в чьем бы пользовании они ни находились, считались единым государственным достоянием. Установление земельных отношений и осуществление землеустройства возлагалось на Комиссариат земледелия и его органы на местах.

Право пользования землей имел всякий дехканин по установленной трудовой норме, при условии обработки ее личным трудом, за исключением случаев, предусмотренных особо. Трудовые нормы землепользования устанавливались Комиссариатом земледелия с представителями трудовых дехкан.

Купля, продажа, залог и аренда воды абсолютно воспрещались и рассматривались как государственное преступление. Вакуфные земли, согласно § 15 данного закона, использовались на культурно-просветительные цели или подвергались землеустройству на общих основаниях.

12 февраля 1921 года ЦИК и Совнарком Туркестанской республики издали новое Положение о пользовании водами в Туркестанской Советской Социалистической Республике [2].

В нем более детально регулировался порядок пользования водой.

Как и в законе о водопользовании 1919 года, в Положении указывалось, что населению предоставляется право пользования водой для домашних нужд и водопоя скота, для орошения земель, а также для промышленно-технических целей. В нем содержалось указание, что вода, предоставленная для той или другой цели, не может быть использована на другие цели без разрешения соответствующих органов Наркомзема.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 279, л. 224—227.

[2] «Известия Туркестанской республики», 17 февраля 1921 г., № 36.

Наркомату земледелия предоставлялось право изменения установленного порядка очередности пользования водой, однако только по соглашению с заинтересованными ведомствами.

Право пользования оросительной водой неразрывно связывалось с правом пользования орошаемой землей. Для регулирования пользования водой учреждались особые временные комиссии, которые устанавливали право пользования водой только между отдельными группами водопользователей, но не отдельными водопользователями, входящими в состав этих групп.

Установление очередности и порядка водопользования отдельными водопользователями в пределах этих групп производилось местными союзами трудовых дехкан.

Воды, не предназначенные для пользования, считались свободными. Наркомзем совместно с заинтересованными ведомствами отводили эти воды для создания водного фонда республики, для расширения существующих оросительных систем, улучшения водопользования и для промышленно-технических целей.

Пользование водоемами и реками допускалось, естественно, и для судоходства, и рыболовства, но в размерах, не препятствовавших нуждам орошения. Порядок такого пользования устанавливался Наркомземом по соглашению с заинтересованными ведомствами и утверждался Совнаркомом.

Положение обязывало государственные учреждения и предприятия, а также отдельных водопользователей участвовать в сохранении, исправности и в проведении текущего ремонта водных сооружений, поставкой необходимых строительных материалов и средств передвижения.

Дела о нарушении водопользователями правил содержания и охраны ирригационных систем, а также и о невыполнении законных требований органов водного хозяйства подлежали, по Положению, рассмотрению в народных судах вне очереди.

1 августа 1922 года ЦИК Советов Туркестанской республики издал Закон, заменивший Положение 1921 года о пользовании водами[1].

[1] Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТАССР за 1917—1922 гг.

Закон был предельно краток, его двадцать восемь статей содержали лишь основные положения. Однако самый существенный вопрос об определении права на воду, о «водном межевании» не нашел в нем конкретного разрешения. Закон ограничивался лишь одной статьей, согласно которой Наркомзему было предоставлено определять право на воду «на основе существующего порядка водопользования в соответствии с действительной потребностью в воде и наличием водных запасов».

Этот Закон, как и предыдущие, юридически закреплял основные социалистические принципы водопользования. Как и предыдущие законы, он устанавливал, что право пользования водой предоставляется населению для домашних нужд и водопоя скота, для орошения и для промышленно-технических целей и что право пользования оросительной водой неразрывно связано с правом пользования орошаемой землей и прекращается вместе с последним. Определение права на воду предоставлялось Наркомзему, который должен был исходить при этом из действительной потребности в воде и наличия водных запасов.

Пользование водами в целях судоходства и рыболовства допускалось в размерах, не препятствующих нуждам орошения, и устанавливалось главным управлением землеустройства и водного хозяйства по соглашению с заинтересованными ведомствами и утверждалось Совнаркомом республики.

«Воды, не предназначенные для использования,— говорилось в Законе,— считаются свободными, находятся под контролем соответствующих органов Наркомзема и отводятся для расширения существующих систем, улучшения водопользования, создания нового водоземельного фонда республики и для промышленно-технических целей».

Таким образом, расширение системы, улучшение водопользования, а также создание нового водоземельного фонда и использование воды для промышленно-технических целей допускалось лишь за счет свободных вод. Пользоваться водой для иных целей, кроме указанных в Законе, без разрешения надлежащих органов Главземводхоза не разрешалось.

Законом также была предусмотрена охрана древесных насаждений при арычной полосе магистральных арыков, осуществление которых было вменено в обязанность местных органов водного хозяйства.

Общее заведование водным хозяйством возлагалось на Управление водного хозяйства Наркомзема.

Закон допускал, что отдельные группы водопользователей могут осуществлять свои права на воду на началах самоуправления, но с обязательством организации самостоятельного обслуживания, ремонта и технического улучшения сети.

Для более быстрого развития и упорядочения водного хозяйства республики, строительства новых и реконструкции существующих ирригационных систем закон допускал привлечение для этой цели отдельных предприятий и организаций.

При этом кооперативные объединения и товарищества по земле-, водопользованию пользовались правом самостоятельного распределения воды между своими членами, расширения орошаемой площади за счет повышения коэффициента полезного действия систем, использования гидравлической энергии в пределах своей системы, самостоятельного распределения между своими членами денежного водного сбора и натуральной повинности на содержание и ремонт системы.

Строительные компании по устройству новых и переустройству существующих ирригационных систем и по использованию гидравлической энергии действовали на основании особых договоров.

Законом также предусматривалось привлечение концессионных предприятий на основании утверждаемых правительством кондиций.

Введение таких норм в Закон о воде имело своей целью содействие наиболее быстрому восстановлению и укреплению ирригационных систем в Советском Туркестане.

Водный закон, подтверждая основные положения предшествовавших законодательных актов, в отличие от них определил, на какие ирригационные системы он распространяется,— на сооружения, содержавшиеся полностью на средства государства, содержавшиеся лишь в части расходов, и на те, которые относились к

магистральным каналам, содержавшимся на средства населения.

Натуральная и денежная повинности, предназначенные для проведения ирригационных работ, распространялись на все три группы водопользователей, за исключением опытно-исследовательских учреждений. Распределение натуральной повинности между водопользователями производили исполкомы местных Советов.

В местностях, в которых не было завершено определение права на воду, все спорные вопросы по водопользованию разрешались земельно-водными комиссиями, в районах же, где было определено это право,— народными судами.

Краткость Закона от 1 августа 1922 года вызвала необходимость издания ряда дополнительных законодательных актов.

В связи с этим ЦИК и Совнарком Туркестана издали в дополнение к основному Закону следующие постановления: от 13 февраля 1923 года «О привлечении населения к трудовой и гужевой повинности для ликвидации стихийных бедствий»; от 14 февраля 1923 года «О восстановлении ирригационных систем Туркестанской республики»; от 28 февраля 1923 года «О натуральной повинности для ирригационных работ» и «О плате за пользование государственными сооружениями по ирригации, находящимися в Туркестанской республике»; от 5 апреля 1923 года «О распределении и использовании натуральной повинности при ирригационных работах Туркестанской республики» и от 12 апреля 1923 года «О планомерном развитии работ по восстановлению ирригационных сооружений и расширению оросительной сети».

ЦИК Советов Туркестанской республики постановлением от 1922 года[1] отметил, что «к наискорейшему восстановлению в значительной мере разрушенных систем орошения принимаются все меры, но предстоящие в этой области задачи, властно требующие своего решения в интересах расширения поливной площади и связанного с ним улучшения дехканского и крестьянского хозяйства, неразрешимы без участия широких масс населения и в первую очередь самих водопользователей

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 1288, л. 114.

и в целях изыскания средств на поддержание и улучшение ирригационных сооружений», ввести в пределах Туркестанской республики государственный водный налог. Обложению государственным водным налогом подлежали искусственно орошаемые земли, все недвижимости в городах, а также промышленные предприятия, пользующиеся водой как двигательной силой.

Большинство из этих постановлений относилось непосредственно к регулированию порядка водопользования.

Земельный кодекс РСФСР 1922 года возложил решение всех споров, возникавших при землеустройстве, на землеустроительные комиссии. На основании постановления ВЦИК от 11 июня 1924 года ст. 207 Земельного кодекса дополнена примечанием. Внесенное изменение к ст. 207 Земельного кодекса РСФСР различало компетенции земельно-водной комиссии и землеустроительных учреждений, действовавших на территории Туркреспублики.

ЦИК Советов и СНК Туркреспублики приняли постановление от 2 августа 1924 года за № 117 «О введении в действие в пределах Туркреспублики вышеуказанного постановления ВЦИК от 11 июня 1924 года[1].

29 марта 1923 года Президиум ВЦИК своим постановлением внес дополнения к Земельному кодексу РСФСР в виде примечания к ст. 206. В примечании было отмечено, что порядок разрешения водных и земельно-водных споров в Туркестанской Советской республике определяется Положением, выработанным ТуркЦИК и утвержденном Президиумом ВЦИК по представлению Федерального комитета по земельному делу[2].

Поскольку в Туркестане землепользование неразрывно связано с водопользованием, принятое ТуркЦИК 15 ноября того же года Положение о порядке рассмотрения земельных и водных споров в Туркестанской АССР, предусматривало организацию уездных, областных (а в исключительных случаях по постановлениям НКЗема и утверждению СНК—и волостных) земель-

---

[1] Сборник декретов, постановлений и распоряжений правительства ТАССР, 1924 г.

[2] СУ РСФСР, 1923 г., № 26.

но-водных комиссий, которые должны были рассматривать дела в порядке состязательного процесса. Председателей комиссий и их заместителей избирали соответственно областные и уездные исполкомы, остальные члены утверждались исполкомами по представлению выдвигавших их органов.

К компетенции комиссий были отнесены все споры о групповом и индивидуальном водопользовании.

Дела, подсудные уездным комиссиям, рассматривались областной комиссией в кассационном порядке, а осуществление высшего контроля по земельно-водным делам и рассмотрение кассационных жалоб на решение областных комиссий возлагались на Особую коллегию высшего контроля по земельно-водным спорам при Наркомземе республики[1].

В первые годы Советской власти на территории Туркестана параллельно с советским судом продолжали еще действовать суды казиев и биев, которые, наряду с другими делами, рассматривали также споры по землепользованию и водопользованию, но согласно Циркуляру НКЗема, опубликованному 24 декабря 1922 года, они были лишены этого права.

Согласно этому Циркуляру, все споры о праве пользования землей и водой рассматривались исключительно земельно-водными комиссиями.

Новое Положение о порядке рассмотрения земельно-водных споров в Туркестанской Советской Социалистической Республике, утвержденное Президиумом ВЦИК 10 мая 1923 года, предусматривало также учреждение уездных и областных земельно-водных комиссий, дела в которых должны были разрешаться в порядке состязательного процесса.

Никакие иные местные органы республики не имели права принимать к своему производству дела по водным спорам или вмешиваться в их рассмотрение, приостанавливать их исполнение, изменять или отменять вынесенные ими постановления.

Ведению уездных земельно-водных комиссий в качестве первой инстанции подлежали споры о праве на воду в пределах уезда отдельных лиц, дворов и земель-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 38, НКЮ Туркреспублики, оп. 1, д. 414, л. 46—49, 1923 г.

ных обществ, а также те споры, в которых хотя бы одной из сторон являлось государственное или общественное учреждение. Областные земельно-водные комиссии рассматривали споры между учреждениями и предприятиями областного и городского значения и окрестным населением, возникавшие при земле- и водоустройстве, а в апелляционном порядке — споры, подведомственные уездной земельно-водной комиссии.

Кассационные жалобы на решения областных земельно-водных комиссий рассматривались Особой коллегией по спорным земельно-водным делам.

В 1923 году Межведомственной комиссией был разработан проект нового водного Закона, одобренный законодательными органами в виде «Временных правил о водах Туркреспублики» от 16 мая 1924 года[1]. Временные правила подчеркивали, что все воды в пределах Туркестанской республики являются собственностью рабоче-крестьянского государства и находятся в непосредственном ведении Наркомзема Туркестана. Правила разделяли воды республики на две группы: находящиеся в пользовании государства или отдельных физических и юридических лиц и свободные воды (неиспользованные).

Во Временных правилах указывалось, что неограниченное право на воду принадлежит исключительно государству. Пределы прав отдельных водопользователей и их объединений определялись общими законами, Временными правилами, а также уставами (приговорами) водопользователей и местными обычаями, при условии, если они не противоречат закону. Таким образом, Временные правила предусматривали ограничение в применении местных обычаев при определении прав пользования водой. На основании Временных правил юридическое право пользования водой предусматривало право пользования водой рек, озер, ирригационной сети, колодцев для питья, домашних нужд, водопоя скота, право бессрочного трудового пользования водой для хозяйственных целей и право промышленной эксплуатации воды.

Временные правила вновь подтвердили, что право бессрочного трудового пользования водой неразрывно связано с правом на орошаемый земельный участок.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 44, оп. 1, д. 63, л. 186, 1924 г.

Право промышленной эксплуатации воды могло предоставляться отдельным лицам и их объединениям лишь по особому разрешению правительства республики. Это право могло быть предоставлено как вместе с землей, так и без нее. Как и предыдущие законы, Временные правила устанавливали право пользования водой для питья, домашних нужд населения и водопоя скота, для орошения и нужд скотоводческих хозяйств и для промышленно-технических целей.

Порядок очередности предоставления прав пользования водой был оставлен во Временных правилах без изменений. При определении прав пользования водой для орошения за основу принималось фактическое пользование орошаемой землей.

Временные правила устанавливали также срок давности пользования, то есть предоставленное право на воду утрачивалось, если по вине водопользователя в течение трех лет подряд вода оставалась без соответствующего употребления.

В отличие от предыдущих законов Временные правила поставили порядок предоставления права на воду в тесную зависимость от порядка водоустройства. Кроме того, предусматривалось учреждение Временных водоустроительных комиссий (центральной и окружной).

Центральная водоустроительная комиссия должна была состоять из председателя, назначаемого Турк-ЦИК, представителей от НКЮ, ЦК союза «Кошчи», НКВД, управления сельского хозяйства, землеустройства и Водхоза НКЗ — по одному представителю от каждой организации. В состав окружной водоустроительной комиссии должны были войти председатель, назначаемый УВХ, и члены — представители от уездного исполкома, управления сельского хозяйства, землеустройства, уездного комитета Союза «Кошчи» (по одному от каждого) и заведующий окружным отделом водного хозяйства. Комиссия определяла права пользования водой исключительно для земельных обществ или их объединений или групп водопользователей по отдельным каналам или отводам.

С момента образования водоустроительных комиссий все незаконченные производством в судебных и административных органах дела по спорам о праве пользования водой в данном округе (за исключением дел

по спорам между отдельными водопользователями) передавались на рассмотрение соответствующей окружной комиссии.

Постановления окружной комиссии могли быть обжалованы в Центральную водоустроительную комиссию в месячный срок со дня вручения постановления в окончательной форме. В случае отмены постановления дело возвращалось в окружную комиссию для нового рассмотрения.

Решения Центральной водоустроительной комиссии были окончательными. Ввиду того, что приведенные выше отдельные законодательные акты не охватывали в полном объеме все вопросы водного хозяйства, постановлением ТуркЦИК была создана Межведомственная комиссия для составления проекта единого водного закона. Важнейший вопрос, который должен был разрешить новый водный закон,— это точное определение права пользования водой (водное межевание). Большая работа, проведенная комиссией, дала возможность собрать обширный материал для разработки водного кодекса.

Коллегия НКЗ Туркестанской республики 10 марта 1924 года обсудила проект водного кодекса и назначила комиссию для выработки окончательного текста[1].

Декрет ЦИК Советов УзССР, принятый на Чрезвычайной сессии 2 декабря 1925 года, вновь подчеркнул основной принцип национализации земли и воды на территории республики[2].

Он подтвердил и развил прежние постановления Туркестанской АССР и БНСР о национализации земли и воды и распространил их действие на всю территорию Узбекской республики.

Все земли, леса, воды, недра в пределах Узбекской ССР, в чьем бы ведении они ни находились, составляют собственность рабоче-крестьянского государства. Были объявлены недействительными и воспрещены впредь всякие сделки на землю и воду, противоречившие декрету.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 44, оп. 1, д. 63, л. 186, 1924. Сборник декретов ТАССР, май-июнь 1924 г.

[2] Собрание узаконений и распоряжений УзССР, 1925 г., № 50; ЦГА УзССР, ф. 86, оп. 1, д. 2216, л. 13, 1925 г.

Все земли и воды, как имеющие сельскохозяйственное значение, так и могущие быть использованными для сельскохозяйственных целей, за исключением городских земель и земель, закрепленных за отдельными учреждениями и организациями, были включены в единый государственный земельно-водный фонд республики, находящийся в распоряжении Народного Комиссариата Земледелия и Управления водным хозяйством при Совете Народных Комиссаров УзССР (ст. 2).

В период национализации земли и воды классовые враги вели ожесточенную борьбу против мероприятий, проводимых Советской властью. Они любыми средствами пытались удержать в своих руках землю и воду. Для достижения своих целей они применяли насилия, угрозы по отношению к дехканам, всячески стремились помешать им пользоваться национализированной землей и водой. В этот период на сознание местных трудящихся масс оказывал еще свое сильное влияние шариат. Остатки разбитых эксплуататорских классов, пользуясь этим, вели активную религиозную агитацию и пропаганду среди дехкан. С помощью мулл они распространяли среди дехкан басни о том, что лишение земли того или иного хозяина, особенно своего, является большим грехом и что рано или поздно дехкане, получившие эту землю, будут наказаны богом. Под влиянием этой агитации некоторые отсталые дехкане возвращали национализированные земли старым владельцам.

Необходима была решительная и беспощадная борьба с такого рода агитацией, которая по существу своему была контрреволюционной. Но до издания уголовных кодексов наказания за такие преступления предусматривались лишь отдельными декретами и циркулярами.

Продолжалась скрытая продажа национализированных земель и воды, сдача в аренду и т. д.

В ответ на эти подлые происки врагов IX съезд Советов Туркреспублики постановил: «Купля-продажа, залог и аренда земли и воды абсолютно воспрещаются и рассматриваются как государственное преступление»[1].

---

[1] «Известия Туркреспублики», 30 сентября 1920 г., № 221; ЦГА УзССР ф. 25, оп. 1, д. 279, л. 149—152.

Как известно, гражданская война и иностранная военная интервенция крайне тяжело отразились на состоянии ирригации, а поливные посевные площади сократились в эти годы почти наполовину.

Несмотря на всю сложность обстановки в первые годы Советской власти, в республике уже тогда при помощи РКП(б) и правительства РСФСР началась активная работа по восстановлению оросительной сети.

17 мая 1918 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». В этом декрете говорилось: «Утвердить план работы по увеличению обеспечения русской текстильной промышленности хлопком, заключающийся:

а) в орошении 500 тысяч десятин Голодной степи Ходжентского уезда Самаркандской области и в обеспечении головными сооружениями ирригационной системы, охватывающей площадь в 40 тыс. десятин Дальварзинской степи, расположенной против Голодной степи по другую сторону реки Сыр-Дарьи;

б) в орошении 10 тысяч десятин Учкурганской степи Ферганской области и в урегулировании там же туземного водопользования на площади в 20 тыс. десятин;

в) в устройстве водохранилища у Дупулинского моста на реке Зеравшан для освобождения путем регулирования речного стока реки Зеравшан около 100 тысяч десятин под культуру хлопчатника;

г) в окончании постройки ирригационных систем в долине реки Чу на площади 94 тысяч десятин[1].

В ноябре 1920 года Совнарком РСФСР издал постановление «О восстановлении хлопковой культуры в Туркестанской и Азербайджанской Советских Социалистических Республиках».

Этим постановлением ВСНХ и его органы на местах обязывались закончить все первоочередные работы по приведению в порядок ирригационных сооружений к весне 1921 года[2].

---

[1] «В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1960, стр. 387.

[2] Архив ИМЭЛ, д. 13393, 2 ноября 1920 г.

По постановлению Туркомиссии ВЦИК и ЦК РКП(б) в 1921 году был создан высший Совет по орошению Туркестанской республики[1].

В задачи этого Совета входило не только согласование планов работ по восстановлению и текущему ремонту существующей оросительной сети, но и по орошению новых площадей[2]. Кроме того, Туркомиссией совместно с Совнаркомом ТАССР с 28 января и по 1 февраля 1921 года было разработано проведение ряда срочных мероприятий по вопросам ирригации[3].

Работы по ирригации были отнесены к группе особо ударных. Для привлечения к оросительным работам большого числа специалистов и квалифицированных рабочих РВС Туркфронта было предложено срочно отозвать из войсковых частей всех военнослужащих, знакомых с ирригацией, и передать их в распоряжение водного управления Наркомзема.

Перед Совнаркомом РСФСР было возбуждено ходатайство об откомандировании в Туркестан ирригаторов и работавших ранее в Туркестане гидротехников, а также студентов мелиоративных отделений высших учебных заведений на летний период.

За Водным управлением Наркомземом республики на летний период ирригационных работ были забронированы студенты технического факультета Ташкентского университета и студенты других специальностей, кроме гидротехнических.

В январе 1921 года ЦИК Советов Туркестанской республики принял декрет об учреждении Высшего Совета по орошению при Совете Народных Комиссаров Туркестанской Республики[4].

Учитывая, что ирригационная система в республике за время империалистической и гражданской войн пришла в крайний упадок, ЦИК Советов и СНК Туркреспублики в феврале 1923 года приняли постановление «О восстановлении ирригационных систем Туркестанской республики». На проведение этих работ было отпущено на 1923 год 5 миллионов 850 тысяч золотых

---

[1] «Известия Туркреспублики», 11 февраля 1921 г.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ЦГА УзССР, ф. 245, оп. 1, д. 164, л. 5.

рублей [1]. Следует отметить, что большую роль в преобразовании сельского и водного хозяйства республики сыграл союз «Кошчи». Первое положение о союзе «Кошчи» было принято ТуркЦИК 15 марта 1922 года [2], а затем оно было пересмотрено в соответствии с резолюцией XI Всетуркестанского съезда Советов ТуркЦИК, состоявшегося 12 апреля 1923 года [3].

Было утверждено новое Положение.

Устав союза был утвержден 3 мая 1923 года [4].

Комитеты союза «Кошчи» как в центре, так и на местах имели своих постоянных представителей в соответствующих органах Узводхоза.

Узводхоз и Центральный Комитет «Кошчи» согласовывали совместную разработку мероприятий по основным, касавшимся их деятельности, вопросам: об организации мелиоративных товариществ, выдвижении низовых работников в местные органы водхоза, о выборах арычных аксакалов, о механизации земельных работ и замене примитивных местных сооружений инженерными; о выявлении запасов для орошения пустующих земель; о ликвидации водных конфликтов на местах и др. [5].

В рассматриваемый период был принят ряд законодательных актов, относившихся к финансовой стороне водного хозяйства и водопользования.

В 1922 году ТуркЦИК принял постановление о введении государственного водного налога [6]. Установление налога мотивировалось тем, что организация ирригационных работ, имевших огромное значение для восстановления народного хозяйства Туркреспублики, невозможна без участия широких масс населения, в первую очередь водопользователей. Такие формы организации и управления водного хозяйства, а также водные взаимоотношения сложились в Туркестанской АССР в канун проведения национально-государственного размежевания народов Средней Азии и образования Узбекской Советской Социалистической Республики.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 672, л. 184.

[2] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Туркреспублики, № 17, 1922 г.

[3] Сборник важнейших декретов, январь-август 1923 г.

[4] ЦГА УзССР, ф. 17, д. 689, оп. 1, л. 17—19, 1923 г.

[5] ЦГА УзССР, ф. 245, оп. 1, д. 48, л. 100—101, 8 ноября 1925 г.

[6] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 1288, л. 114.

ГЛАВА III

ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БУХАРСКОЙ И ХОРЕЗМСКОЙ НАРОДНЫХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Бухарское ханство (эмират) представляло собой феодально-деспотическую монархию, во главе которой стоял эмир. Этот ничем не ограниченный властитель опирался на феодалов (беков), мусульманское духовенство (мулл) и торгово-ростовщические элементы. Основную массу населения ханства составляли дехкане, находившиеся в беспросветной нужде.

Потерпев поражение во время вооруженного столкновения с русскими войсками в период присоединения Средней Азии к России, эмир в 1868 году капитулировал, и между Россией и Бухарским эмиратом был заключен мир. Одновременно были подписаны «Условия о торговле», согласно которым «всем русским подданным, какого бы они ни были вероисповедания», представлялось право ездить по делам торговли во все бухарские города. Условия обязывали также эмира обеспечить безопасность находившихся в пределах его владений русских подданных и сохранность их имущества. Эмират фактически стал полуколонией Российской империи.

В общих чертах такое положение Бухарского эмирата сохранялось вплоть до 1917 года.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в центре страны в русских поселениях Бухары в декабре 1917 года был созван областной съезд Советов, который объявил о переходе власти в этих поселениях к Совету Народных Комиссаров[1].

Туркестанская АССР, входившая в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, признав независимость эмирата, предложила

[1] А. И. Ишанов. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1969, стр. 120.

эмиру установить добрососедские отношения и с Советской Россией, признать установление Советской власти в русских поселениях Бухары. Однако эмир отклонил эти предложения, согласившись лишь на проведение некоторых демократических реформ, и при явном содействии внутренней и внешней контрреволюции начал укрепление военной мощи эмирата и подготовку военных действий против Туркреспублики.

В эмирате стали сосредоточиваться враждебные Советской власти силы. Эмир стал получать большую экономическую и военную помощь от империалистических государств и в первую очередь от Англии. Весной 1919 года он начал активизировать военные приготовления, имевшие своей конечной целью совершение нападения на Советский Туркестан. Неоднократные попытки Туркестанского правительства добиться изменения этой политики были безрезультатными.

В сентябре 1918 года была создана Бухарская Коммунистическая партия, которая в соответствии с указаниями В. И. Ленина развернула работу по подготовке народных масс к революции. II съезд Бухарской Коммунистической партии (июнь 1919 года) поставил перед краевым комитетом КПТ вопрос об оказании материальной поддержки и морального содействия Бухарской Коммунистической партии в свержении деспотического эмирского режима.

Это предложение было одобрено Политбюро ЦК РКП (б), поскольку необходимые условия для революционного переворота в Бухаре к тому времени уже были созданы.

Делегаты IV съезда БКП, состоявшегося в Чарджоу 16 августа 1920 года, подтвердили, что революционный кризис в Бухаре назрел. Съезд принял решение о низвержении эмира. Народная революция, начавшаяся 28 августа 1920 года в городах эмирата, была по просьбе бухарского народа поддержана войсками Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе. 2 сентября 1920 года столица эмирата Старая Бухара была взята. Эмир бежал. Бухарский революционный комитет в Декларации к народу объявил Бухару законной Бухарской Советской Республикой[1].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 74, л. 41.

Объявив Бухару Народной Советской Республикой, Декларация указывала, что вся территория, ранее принадлежавшая бухарскому эмиру, является достоянием БНСР.

Все земли, принадлежавшие царствовавшему дому, бекам, амлякдарам, казиям и ростовщикам, объявлялись собственностью государства и были разделены между безземельными и малоземельными крестьянами, которым государство оказывало широкую помощь в проведении оросительных работ, в снабжении сельхозорудиями, инвентарем и скотом[1].

К тому времени, когда народная революция в Бухаре свергла власть эмира, сломала угнетательский государственный аппарат и отменила эксплуататорские законы, РСФСР имела уже трехлетний опыт социалистического строительства и законодательной деятельности, которая регулировала новые, социалистические отношения во всех областях жизни советского общества.

Условия гражданской войны, не прекращавшейся в Бухаре до середины 1924 года, препятствовали нормальному развитию нового государственного строительства и, естественно, отрицательно сказывались и на законодательной деятельности. Тем не менее эта деятельность неуклонно развивалась, и результатом ее было создание ряда крупнейших законодательных актов.

Законодательный опыт РСФСР был широко использован в политической и социально-экономической жизни БНСР. Но БНСР имела много особенностей, к регулированию которых законодательные органы БНСР должны были проявлять творческий подход, создавать законодательные акты, которые отражали бы местные особенности и отвечали бы насущным потребностям жизни республики.

Большое влияние оказывала в этом отношении законодательная деятельность Туркестанской АССР, приобретшей новую, советскую государственность в апреле 1918 года и по условиям во многом сходной с БНСР.

Важнейшим законодательным актом БНСР была принятая II Всебухарским курултаем Советов 23 сен-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 74, л. 41.

тября 1921 года Конституция республики[1]. В ней нашел законодательное оформление созданный народной революцией государственный и общественный строй. Образцом для Конституции БНСР явилась Конституция РСФСР 1918 года. Однако в Конституции БНСР нашли отражение исторические, географические и другие местные особенности республики. Конституция исходила из того социально-экономического положения, в котором к тому времени находилась вновь созданная республика. Она подвела итог пройденного пути за первый год ее существования.

Конституция объявляла, что с падением эмирской власти и переходом государственного управления непосредственно в руки самого народа на территории прежнего Бухарского ханства образована Бухарская Народная Советская Республика в пределах своих настоящих государственных границ — единое, нераздельное и независимое государство (ст. 3), государственная власть в котором на всем пространстве ее территории как в центре, так и на местах всецело принадлежит бухарскому народу (ст. 4).

Главным хозяйственным вопросом и вместе с тем и вопросом политическим в БНСР, где подавляющую массу населения составляли малоземельные и безземельные дехкане, был вопрос о земле. Поэтому одним из первых законодательных актов правительства БНСР был Декрет о земле, принятый Советом Народных Назиров 30 сентября 1920 г[2]. Декретом объявлялось, что все земли, принадлежавшие ранее членам царствовавшего дома, бекам, казиям и всякого рода ростовщикам и амлякдарам, являются всенародным достоянием, переходящим без всякого выкупа (явного или скрытого) в общий земельный фонд республики, из которого производится наделение землей безземельного и беднейшего крестьянства. Согласно этому декрету, без всякого выкупа в собственность государства переходил весь сельскохозяйственный инвентарь и хозяйственные постройки, также предназначаемые для распределения между крестьянами при наделении их землей. До распределения земли под страхом ответственности по законам ре-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 8, л. 239—248.
[2] ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 74, л. 39.

волюционного времени запрещались всякие сделки с землей — купля-продажа, залог, дарение, навсегда отменялись «амляки», «хироджи» и «аминона», а о попытках требования их исполнения предлагалось заявлять органам власти для предания виновных революционному суду за неисполнение декретов правительства. В декрете особо оговаривалось, что вакуфные земли передаются Народному Назирату Просвещения. Доходы от них должны были использоваться на просветительные цели и обеспечение нетрудоспособных.

Однако в связи с тем, что пригодных для обработки земель в Бухаре было очень немного, поэтому это решение земельного вопроса не могло удовлетворить нужд дехкан. Необходимо было провести ряд государственных мероприятий, которые способствовали бы увеличению производительности сельского хозяйства и расширению полезного земельного фонда.

Те же основные принципы были положены в основу декрета о земле, принятого 2 февраля 1921 года Всебухарским Ревкомом БНСР[1]. Он объявил единым народным достоянием не только все земли, но и воды, леса и другие природные богатства, в чьем бы пользовании они ранее ни находились. Декрет от 2 февраля, в отличие от первого, предусматривал распределение также и вакуфных земель. Устанавливалась очередность распределения земли между трудящимися—в первую очередь ее получали трудовые чайрикеры и сельскохозяйственные мардикеры, затем — безземельные и малоземельные дехкане. В пользование прежних владельцев здесь как единоличных, так и коллективных (общин, родов) разрешалось оставлять участки, не превышавшие трудовой нормы, со всем живым и мертвым сельскохозяйственным инвентарем.

На участках, оставшихся от распределения, намечалась организация советских хозяйств и крестьянских товариществ.

Преступлением объявлялись всякие сделки с землей, включая аренду, запрещалось применение наемного труда для обработки земли, кроме случаев, когда в хозяйстве не было трудоспособных членов семьи и необ-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 46, оп. 1, д. 122, л. 9.

ходимого инвентаря, или относительно участков с культурами хлопка и риса.

Основные принципы первых декретов о земле были подтверждены и развиты в Земельном кодексе, принятом в октябре 1923 года IV Всебухарским курултаем[1].

В Земельном кодексе также было зафиксировано, что все земли в БНСР, в чьем бы пользовании они ни находились, составляют собственность государства. Он установил демократический порядок пользования землей, предоставив равное право пользования ею всем гражданам, ограничив лишь размер участка до 30 танапов (ст. 1, п. 17).

Земельный кодекс, как и оба первых декрета о земле, возлагал на Народный Назират Земледелия установление норм и порядка распределения земель.

Несмотря на то, что вопросы водопользования и водоснабжения имели для Бухары огромное значение, они не были разрешены до победы Октября, а если даже и проводились какие-либо мероприятия, народ был лишен возможности воспользоваться их результатами.

Только после свержения эмирского режима эти вопросы, как и вопрос о земле, получили надлежащие решения.

Установление земельных отношений и осуществление землеустройства возлагалось на Назират Земледелия и местные Ревкомы. Причем, Назирату земледелия вменялось в обязанность разработать план снабжения трудовых хозяйств инвентарем, а также заняться улучшением ирригационной системы.

Декретом Совета Народных Назиров БНСР от 3 апреля 1921 года было утверждено Положение о пользовании водами в БНСР[2]. В нем достаточно подробно были разработаны вопросы управления водным хозяйством и определены категории водопользования.

В Положении также было зафиксировано, что все воды в пределах Бухарской Народной Советской Республики являются ее достоянием. Согласно Положению, пользование водой из рек, протекающих по территории

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1, л. 85—95.

[2] Известия Центр. Ревкома Бухарской Республики. ЦК Бухарской Коммунистической партии и Новобухарского областного комитета БКП от 2 июня 1921 г. № 24.

республики, предоставлялось: а) для домашних надобностей и водопоя скота, б) для орошения и в) для промышленных, технических целей. Пользование же водами для этих же целей из рек, протекающих по территории республики и сопредельных государств, регулируется особыми соглашениями с заинтересованными государствами.

Положение устанавливало неразрывную связь права пользования оросительной водой с правом пользования орошаемой землей.

Количество воды, необходимое для орошения, устанавливалось управлением водного хозяйства. При этом оно исходило из характера возделываемых культур и их значения в едином хозяйственном плане республики, севооборота, местных условий и, кроме того, в зависимости от количества воды в соответствующих водных системах.

Выделение воды для полива рисовых посевов регулировалось особыми правилами, выработанными управлением водного хозяйства и утвержденными коллегией Назирата земледелия.

Размеры полива хлопковых посевов регулировались правилами, утвержденными Назиратом земледелия совместно с управлением водного хозяйства и текстильным отделом Назирата торговли и промышленности.

Согласно Положению, воды, не предназначенные для орошения, считались свободными. Управление водного хозяйства отводило их совместно с заинтересованными ведомствами для расширения существующих систем, улучшения водопользования, а также для промышленных и технических целей.

Все воды Бухарской республики были разделены на так называемые водные округи, в которые включались расположенные на данной территории бассейны рек или их части, системы одного или нескольких каналов со всеми находящимися в их пределах отдельными источниками и водовместилищами. Водные округи, в свою очередь, разделялись на водные районы (сумудирства), участки (аминства) и околотки (арбабства).

Общее заведование водным хозяйством в пределах республики возлагалось на состоящее при Народном Назирате земледелия Центральное управление водного хозяйства, а на местах — на окружные, вилайетные

органы названного управления и находящиеся в их ведении районные сумудирства, аминства, арбабства.

Заведующие сумудирствами (сумудиры) и аминствами (амины) назначались управлением водного хозяйства, а арбабы избирались водопользователями своего околотка и содержались они за счет государства.

Местные учреждения и агенты по вопросам водопользования в административном, техническом и хозяйственном отношениях находились в непосредственном подчинении управления водного хозяйства.

До разработки и издания положения об учреждении специальных органов для определения прав и правил пользования распределение воды регулировалось распоряжениями управления водного хозяйства на основании установленного обычного права и в зависимости от количества воды в источниках.

Земельные участки для надобностей водного хозяйства выделял Назират земледелия на общих основаниях. Использование же и переустройство для надобностей водного хозяйства, существующих каналов и находящихся на них гидротехнических сооружений, производилось по распоряжению управления водного хозяйства.

Положение предусматривало также вопросы охраны водопользования.

Дела о нарушениях водопользователями правил содержания и охраны ирригационных систем и сооружений на них и о неисполнении законных требований органов управления водного хозяйства относились к подсудности народного суда и разрешались вне очереди.

Должностные лица, на которых возлагалась охрана водопользования, должны были принимать в экстренном порядке все зависящие от них меры к восстановлению нарушенного порядка водопользования и преследованию нарушителей, обращаясь в необходимых случаях к содействию административных властей.

Водному управлению было предоставлено право в развитие данного Положения вырабатывать и издавать соответствующие инструкции.

В связи с упразднением института коллегии Назират земледелия БНСР представил на утверждение Совета Назиров проект Закона об изменении порядка утверж-

дения некоторых вопросов, касающихся водного хозяйства[1].

Начальник Управления водного хозяйства в обращении в Туркомиссию ВЦИК, к председателю Совнаркома, Комиссару земледелия Туркреспублики отметил, что Бухара возбуждала вопрос о пересмотре количества сбрасываемой воды ей из реки Зарафшан, которое было определено еще договором с царским правительством в 1902 году, и оно тогда оказало давление на Бухару и навязало ей невыгодные условия. В управлении водного хозяйства этот вопрос обсуждался в комиссии из представителей БНСР и Туркреспублики с октября по ноябрь 1920 года.

Вопрос этот окончательно был решен только тогда, когда был построен запасной водоем и оборудована ирригационная сеть Бухары[2].

На совещании, состоявшемся 2 марта 1921 года при Туркестанском управлении водного хозяйства, был заслушан специальный доклад о работе комиссии по вопросу об урегулировании распределения воды реки Зарафшан между Самаркандской областью и Бухарской республикой.

В принятом постановлении отмечалось, что в принципе желателен общий пересмотр действующего соглашения о разделе вод Зарафшана между Самаркандской областью и Бухарой, но для пересмотра этого соглашения нет точных и бесспорных данных. В связи с этим были оставлены без изменения нормы водопользования, установленные упомянутым соглашением. Совнарком Туркреспублики должен был провести следующие мероприятия:

1. Установить точные сроки усиленных поливов в Бухаре с тем, чтобы отступления от существующих норм компенсировались в тот же период, а не отодвигались на другие, более поздние сроки.

2. Предварительно известить об этих сроках население Бухары.

3. Учредить в Самарканде особую комиссию из трех лиц, полномочную разрешать все споры и разногласия

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 51, оп. 1, д. 8, л. 12—15.
[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 532, л. 2.

по вопросам распределения воды и установлению планов этого распределения[1].

Для разрешения вопроса распределения воды из реки Зарафшан между Бухарской республикой и Самаркандской областью, подробно разработанного особой комиссией в Старой Бухаре в конце октября 1920 года, а также для подписания нового соглашения между Бухреспубликой и Туркреспубликой 20 апреля 1921 года (по новому стилю) была созвана комиссия с участием представителей Совнаркома и ТуркЦИК[2].

Особым соглашением от 2—5 июня 1921 года при отделе Внешних сношений Наркоминдела РСФСР был выработан проект соглашения Туркреспублики и Бухарской республики о разделе воды из реки Зарафшан[3].

Указанное соглашение должно было быть утверждено правительствами ТАССР и БНСР в течение 10 дней со дня его составления.

В проекте соглашения было установлено, что главным основанием совместного пользования обеими республиками водой реки Зарафшан является раздел воды этой реки пропорционально размерам орошаемых площадей посевов на территории каждой из республик.

Необходимо отметить, что при этом было принято во внимание, что для орошения рисовых посевов требуется воды в четыре раза больше, чем для других (сухих) посевов.

Исходя из этих принципов деления воды, согласно п. 2 проекта, доля воды реки Зарафшан для Туркреспублики составила 65,5, а для Бухарской республики — 34,5%. Распределение и учет воды производились только в течение вегетационного периода, то есть с 20 марта по 15 октября. В остальное время года вода считалась свободной для использования ее на нужды обеих республик.

Для полного урегулирования водопользования в интересах обеих республик вводились сроки очередей, во время которых вода пропускалась усиленным током в ту или иную часть Зарафшана. Причем для весеннего усиленного пропуска воды (до 7 июля) сроки очередей

---

[1] ЦГА УзССР ф. 25, оп. 1, д. 532, л. 10.
[2] Там же, л. 1, 1921 г.
[3] Там же, д. 541, л. 38—39, 1921 г.

устанавливались ежегодно не позже 5 марта по взаимному соглашению обеих сторон. Для летнего же и осеннего периодов соответственно с 7 по 31 июля наступала очередь Бухары, а с 1 августа по 1 сентября — Самаркандской области, с 1 по 20 сентября — снова Бухары и с 20 сентября по 15 октября — Самаркандской области.

Обусловленный настоящим соглашением учет воды производился следующим образом: количество воды реки Зарафшан определялось гидрометрическими данными для этой реки водомерного поста у Дупулинских мостов, а с учетом вод Мариан-дарьи (приток реки Зарафшан), впадающей ниже Дупулинских мостов,— данными водомерного поста у кишлака Суджина. Количество же воды, выделяемой на территории Бухарской республики, исчислялось суммой вод реки Карадарья и арыка Нарпай по данным гидрометрических постов, расположенных на Бухарской границе. На всех указанных постах в обязательном порядке должны быть установлены лимниграфы (самопищущие приборы) и введены другие усовершенствованные способы учета воды. Все расходы по учету воды, а также текущие и единовременные расходы по содержанию, ремонту и производству всех временных работ, связанных с регулированием и распределением воды, а также по содержанию личного состава распределялись между обеими республиками соответственно количеству получаемой ими воды из расчета $^2/_3$ — для Туркреспублики и $^1/_3$ — для Бухарской республики[1].

Соглашение считалось временным актом, заключенным до 1 января 1926 года. К указанному сроку должна была быть исследована вся долина реки Зарафшан по единой программе в части определения зеленых площадей и посевов на них, а также и в гидрометрическом, гидрогеологическом, гидромодульном и экономическом отношениях, что на основании этих данных могло быть произведено новое распределение воды и соответственно пересмотрено данное соглашение.

18 сентября 1921 года на совещании Межведомственной комиссии по вопросу о распределении вод реки

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, СНК Туркреспублики, оп. 1, л. 38—39, д. 541, 1921 г.

Зарафшан между Бухарой и Туркреспубликой был заслушан вопрос об организации специальной комиссии для исследования земельных площадей, орошаемых водой реки Зарафшан, в связи с распределением (пропорционально) ее вод между Самаркандской областью и Бухарской республикой и о задачах комиссии[1].

Однако споры из-за воды между БНСР и Самаркандской областью Туркреспублики возникли и в последующие годы. Так, например, из доклада начальника Самаркандского отдела водного хозяйства съезду Советов следует, что начиная с 1923 года распоряжением Наркоминдела РСФСР для улаживания возникающих споров из-за воды между Самаркандской областью и Бухарской республикой была организована особая паритетная комиссия в составе одного члена от Туркводхоза, одного — от Бухарской республики и под председательством представителя экономического Совета среднеазиатских республик. Эта комиссия стала единственно компетентным органом как по установлению норм водопользования, так и по урегулированию денежных обязательств между Самоблводхозом и Бухводхозом.

Паритетная комиссия добилась необходимого упорядочения вододеления в Зарафшанской долине.

Однако, как и в предыдущие годы, в водном хозяйстве продолжали иметь место недостатки. Поэтому Совет Народных Комиссаров УзССР 30 октября 1928 года принял постановление по земельно-водной реформе в Бухарском и Зарафшанском округах[2].

Заслушав доклад Наркомзема и содоклад Госплана о результатах проведения земельно-водной реформы в бывш. Зарафшанской области, Совет Народных Комиссаров УзССР отметил следующие основные моменты:

1. Реформа была проведена своевременно и в основном разрешила поставленные перед ней задачи: в пределах подвергнутой реформе территории она ликвидировала нетрудовые группы хозяйств, основанные на феодальных способах эксплуатации, являвшихся препятствием на пути развития производительных сил сельского хозяйства, передала землю этих хозяйств бедняцким слоям дехканства, содействовала пробуждению и

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 228, оп. 1, д. 27, л. 16—18, 30/X-1928 г.
[2] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 541, л. 44.

росту политической активности бедняков-дехкан и создала предпосылки для начала переустройства сельского хозяйства на социалистических основах.

Извлекавшаяся бывшими нетрудовыми владельцами земель рента (за аренду земельных участков) в результате реформы стала полностью осаживаться в наделенных хозяйствах, что позволило ввести в этих хозяйствах более культурные способы обработки земли.

В результате проведения реформы земельные наделы получили 11 тыс. хозяйств, составлявших 17% общего числа малоземельных хозяйств в бывш. Зарафшанской области, площадь их земель увеличилась в 2,4 раза, так как средний размер участка земли, которым они пользовались до реформы, составлял 1,25 десятины, а после наделения он возрос до 3 десятин.

Использование дехканами наделенной земли стало гораздо рациональнее, что подтверждается увеличением площади посевов хлопчатника на этой земле в первый же год ее освоения на 85%.

2. Наряду с изложенными достижениями Совет Народных Комиссаров УзССР констатировал наличие ряда недостатков в проведенной реформе. Основной причиной их было признано организационно неправильное построение системы работы аппарата по проведению реформы, недостаточно четкое разделение функций и обязанностей центральной окружной и районных комиссий, а также органов Наркомзема.

Все это усугублялось краткостью срока реформы (промежуток между осенней и весенней кампаниями), а также необходимостью проведения этого мероприятия в массовом масштабе. В результате неудачно были выбраны земли для включения в фонд нового орошения и подавляющая часть переселенческих участков из-за их непригодности осталась нераспределенной; площадь же распределенных земель была в первый год засеяна лишь на 30%, причем $^1/_3$ посевов погибла от недостатка воды и заноса песками.

На ирригацию этих же земель были произведены крупные затраты, так как ирригационная сеть подверглась прорыву и заносам песками, что требовало дальнейших дополнительных расходов на исправление и содержание системы.

Неорганизованно проходила и очень дорого стоила

тракторная вспашка неудобных земель. Кроме того, недостаточно была оказана агротехническая помощь устроенным на землях нового орошения хозяйствам, вследствие чего они не смогли достаточно интенсивно освоить выделенные им земли.

Поэтому в целях устранения отмеченных недостатков СНК УзССР постановил:

а) предложить управлению водного хозяйства и Наркомзему в кратчайший срок выполнить все намеченные мероприятия по укреплению хозяйств, устроенных на землях нового орошения в Бухарском и Зарафшанском округах;

б) предложить Наркомзему ускорить обследование устроенных на землях нового орошения хозяйств с целью детального выявления эффективности произведенных затрат;

в) приняв к сведению заявление Наркомзема о том, что в результате пескоукрепительных работ вся площадь земель нового орошения по левую сторону Джильванарыка может быть в течение трех лет ограждена от дальнейшего заноса песками, предложить Наркомзему срочно произвести дополнительные почвенные обследования этих земель с целью окончательного выявления годности их для ведения сельского хозяйства[1].

В первые годы в БНСР шло постепенное развитие основных начал советского строя во всех областях государственной и хозяйственной жизни и, в частности, в таких важнейших частях социально-экономической жизни, как земле- и водопользование. Это создало к концу 1923 года условия, при которых стал возможным переход к социалистическому строительству. Благодаря широкому участию в революционном преобразовании страны широких трудящихся масс, усилению государственного и кооперативного капитала, развитию просвещения, росту рабочих союзов диктатура трудящихся неуклонно крепла, в народном хозяйстве все большее развитие получали социалистические начала.

Учитывая эти перемены, происшедшие в республике, V Всебухарский курултай Советов 19 сентября 1924 года постановил объявить Бухарскую Народную Совет-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 228, оп. 1, д. 27, л. 16—18, 30 октября 1928 г.

скую Республику социалистической республикой, ставившей перед собой задачи «осуществления перехода к социализму путем проведения социалистических преобразований и подавления всех контрреволюционных выступлений»[1]. Курултай принял также исключительной важности решение по национальному вопросу. Курултай объявил «верховную волю народа Бухары — узбеков и таджиков — о создании ими совместно с узбеками Туркестана и Хорезма Узбекской Советской Социалистической Республики, частью которой является автономная область таджиков», и высказал «братское согласие на вхождение туркменского народа Бухары в состав Туркменской Советской Социалистической Республики»[2].

Во исполнение этого решения V Курултая II сессия ВсебухЦИК 18 ноября 1924 года постановила: немедленно приступить к фактическому осуществлению национально-государственного размежевания, утвердив выделение из состава БССР территории, населенной в большинстве туркменами, с передачей ее Туркменской ССР, и признав организацию Таджикской АССР из туркестанских и бухарских таджиков с правом вхождения ее в Узбекскую ССР на федеративных началах.

Сессия постановила, начиная с 18 ноября 1924 года всем центральным учреждениям БССР «прекратить самостоятельное функционирование на основе существовавших в них декретов и других законодательных актов», а всем исполнительным комитетам, территория которых входила в состав Узбекской ССР, «считать себя полностью подчиненными и действительно подчиняться во всем беспрекословно Узбекскому революционному комитету, ввиду уже существующих в республике законов и законов, могущих быть изданными Узбекским Революционным комитетом в установленном порядке».

ЦИК Бухарской республики, как полностью выполнивший волю бухарского народа, передал всю полноту законодательной и административной власти на территории Узбекской ССР Узбекскому Революционному комитету[3].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 479 (Протокол V Всебухарского курултая), л. 8—9, 12—13.

[2] Там же, л. 7—9.

[3] ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 8, л. 193.

Важнейшим моментом в решении V Курултая Советов Бухарской республики было признание решительной необходимости для Узбекистана и Туркменистана «в целях социалистического строительства, обороны от империализма и по международному братству трудящихся примкнуть к СССР».

Последним актом Совета Народных Назиров Бухарской республики было его постановление от 17 ноября 1924 года о создании Центральной ликвидационной комиссии по размежеванию, в задачи которой входили: учет государственных фондов центральных учреждений, учет и распределение работников центрального аппарата, концентрация всех архивных материалов и конструирование местных органов. Комиссия действовала до расформирования ЦИК и СНН, после чего она стала функционировать как комиссия Ревкома Узбекской ССР[1].

Образование в свое время в составе РСФСР Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, а затем самостоятельных Хорезмской и Бухарской Народных Советских Республик, знаменующее важные шаги в создании национальной государственности народов Средней Азии, явилось ярким выражением ленинской национальной политики и отвечало коренным интересам трудящихся в борьбе за новую жизнь, строившуюся на социалистических началах.

Покорение Хивинского ханства Россией во второй половине XIX века завершилось договором 12 августа 1873 года, который установил его вассальную зависимость от царя. Хотя по этому договору Хива формально сохраняла свою независимость, вассальные отношения постепенно превратились в колониальные. Она мало отличалась от колонии чистейшего типа, какой являлся Туркестанский край. В. И. Ленин писал по этому поводу так: «... у России есть Хива и Бухара, это тоже нечто вроде колоний»[2].

Хивинское ханство в политическом, экономическом и в культурном развитии было крайне отсталым, феодальные отношения здесь переплетались с родовыми, а верховная власть осуществлялась ханской деспотией, опиравшейся на крупных феодалов, чиновников и реак-

[1] ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 274, л. 393.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 274.

ционное мусульманское духовенство. Подавляющую часть населения составляло крестьянство (свыше 90%), промышленный пролетариат почти полностью отсутствовал, так как, помимо мелких кустарных мастерских и предприятий, сколько-нибудь значительной промышленности не было. Трудящиеся массы жестоко эксплуатировались феодалами, купцами, ростовщиками, ханскими чиновниками и клерикальным духовенством.

В ханстве существовало огромное количество разного рода налогов и поборов, вся тяжесть которых ложилась на плечи трудящегося народа и влекла за собой неуклонное его обнищание.

Активная деятельность духовенства по пропаганде ислама и воспитанию религиозного фанатизма приводила к рабской покорности масс правителям всех рангов и безнаказанности их произвола. Народные массы, как отмечал В. И. Ленин, находились всецело «...под влиянием своих мулл»[1].

Состав населения ханства был многонациональным (узбеки, туркмены, казахи, каракалпаки и др.). Пропаганда и культивирование национальной розни среди населения, осуществлявшиеся правящими кругами, укрепляли их господство. Эта политика полностью поддерживалась царизмом, так как она соответствовала принципам колонизаторов.

Тяжелый гнет вызывал недовольство трудящихся масс, иногда проявлявшееся в открытых восстаниях. Крупнейшим было известное восстание 1916 года, которое жестоко подавили при помощи царских войск.

Февральская революция, докатившаяся до Хивы, не разрешила важнейших социально-политических проблем, которых с надеждой ожидал трудовой народ: не получили своего разрешения ни земельная, ни национальная проблемы, не подвергся реформе и реорганизации существовавший до революции чиновничий аппарат.

Более того, в крае усилилась экономическая разруха, вызванная последствиями империалистической войны.

Жадно стремившаяся к власти местная националистическая буржуазия, главное ядро которой составляла партия так называемых младохивинцев, получила от

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 158.

ханских правителей некоторые уступки. В апреле 1917 года хивинский хан Асфандияр обнародовал манифест, проект которого был составлен младохивинцами. Согласно ему хивинская абсолютная монархия заменялась конституционной, учреждались Совет назиров и представительный орган меджлис, провозглашались равенство всех перед законом, свобода союзов и т. д. Но хотя учрежденный по манифесту меджлис состоял в основном из представителей эксплуататорских слоев населения — феодалов, мулл, купцов и буржуазной интеллигенции,— он вскоре был разогнан, а добившиеся его созыва подвергнуты жесточайшей каре. После этого единовластие в ханстве было восстановлено.

Однако революционные события в центре России не могли не отразиться на общественно-политической жизни ханства. В некоторых районах его стали возникать Советы. И хотя большую роль в них играли представители соглашательских партий, Советы своей деятельностью способствовали усилению революционных настроений в массах. В работе Советов наряду с представителями местных национальностей принимали активное участие европейское население, солдаты местных гарнизонов, а самое главное — отбывавшие здесь ссылку большевики. Это имело особо важное значение для разъяснения широким массам задач социалистической революции.

Огромное влияние на сознание трудящихся масс в ханстве, как и во всей стране, оказала победа Великой Октябрьской социалистической революции. В конце 1917 года повсеместно в ханстве начались крестьянские выступления. Попытки подавления этих выступлений даже при помощи русских воинских частей не приводили к успеху, так как солдаты нередко отказывались от участия в усмирениях.

Асфандияр-хан, опираясь на свои и российские карательные органы и духовенство, занял открыто антисоветскую позицию. В ханстве сосредоточились контрреволюционные элементы, в том числе и бежавшие сюда из России. Хану стали оказывать активную поддержку такие государства, как Англия, Афганистан, Турция, Иран и др. В июне 1918 года после убийства Асфандияра власть в ханстве фактически перешла к Джунаид-хану. Став диктатором, он собрал многочисленную ар-

мию и в конце 1918 года начал военные действия против Туркреспублики, входившей в состав РСФСР. Потерпев поражение в апреле 1919 года, он вынужден был заключить договор о мире с РСФСР, по которому военные действия были прекращены.

За народами Хивы признавалось право на самоопределение, а хан обязался не проводить враждебных действий ни против Советского Туркестана, ни против РСФСР. Правительство РСФСР и хивинский хан обменялись дипломатическими представителями. Однако Джунаид-хан систематически нарушал условия договора, активно подготавливал новый поход на Туркестан, все более усиливая угнетение и эксплуатацию трудового населения. Все это вызывало крайнее недовольство трудовых масс и привело к тому, что в конце 1919 года во многих районах ханства начались народные восстания. Революционные выступления трудящихся масс возглавлял и направлял созданный в октябре 1919 года Ревком Хивы. Ханская деспотия была свергнута в феврале 1920 года при помощи частей Красной Армии.

В апреле 1920 года Ревкомом был созван Всехорезмский съезд народных представителей, который, осуществляя волеизъявление народа Хорезма, 30 апреля провозгласил Хорезмскую Народную Советскую Республику. Была принята Конституция, передавшая всю власть в центре и на местах Советам трудящихся.

Временное революционное правительство, образованное после установления народной власти, в своем обращении к правительству РСФСР выразило уверенность в том, что оно поможет трудящимся Хорезма провести в жизнь задачи Советской власти[1]. РСФСР признавала новую народную республику — ХНСР.

Временное революционное правительство Хивы сразу же приступило к демократическим преобразованиям: был ликвидирован старый государственный аппарат, распущены армия, высший суд и карательные органы. При правительстве было образовано семь назиратов, на местах вместо бекств избирались Советы.

Хивинская революция, в результате которой образовалось новое, народное государство, первоначально носила народно-демократический, антифеодальный и анти-

[1] «Жизнь национальностей», 1923, стр. 183.

империалистический характер. Хорезмская республика представляла собой одну из разновидностей советской формы государственности, создавшей предпосылку для перехода ее народа от феодализма к социализму. Для организации подлинной советской социалистической государственности здесь не было еще достаточной социальной базы.

В. И. Ленин писал: «... всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов... Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя...»[1].

Хорезмская Народная Советская Республика была крестьянской республикой. В отличие от советских социалистических республик в ней осуществлялась не диктатура пролетариата, а революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян.

Российская федерация оказала огромную помощь новой, народной республике. В ее собственность были отданы земли, предприятия, строения, принадлежавшие ранее России как по праву собственности, так и по праву пользования. Республике была выдана большая денежная субсидия, ей оказывалось содействие в подготовке и воспитании национальных кадров, в обеспечении необходимой литературой и т. д. Всесторонняя помощь ей не прекращалась и в последующие годы.

Поскольку социалистические преобразования в Хорезме шли ускоренными темпами, в октябре 1923 года V Всехорезмский курултай Советов принял решение о преобразовании ХНСР в Социалистическую Советскую Республику. Основанием для такого решения было то, что за период с момента ее образования республика достигла значительных успехов в хозяйственной и социально-культурной областях, углубилась классовая дифференциация, образовался и окреп союз рабочих и дехкан, власть трудящихся получила более твердую экономическую и социальную почву.

Принятая Конституция сразу же после образования республики определила широкую законодательную компетенцию ее высших органов власти. Изданные за этот период акты законодательного характера касались

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

всех вопросов государственной жизни, перечисленных в Конституции. Законодательная деятельность была всеобъемлющей и неуклонно направлялась на подавление сопротивления свергнутых классов, ликвидацию частной собственности и эксплуатации, на создание нового, демократического строя, новых производственных отношений.

Важнейшее значение в жизни Хорезмской республики, как и Туркестанской АССР, имел земельно-водный вопрос. Ревком в первые же дни своего существования принял решение о конфискации земель хана и его приспешников и распределении их между малоземельными и безземельными дехканами. Это решение подтверждено Первым Всехорезмским курултаем Советов. Однако под влиянием буржуазно-националистических элементов, засевших в правительственных органах, это решение не было проведено в жизнь. Только после того, как это решение было подтверждено на II курултае, конфискация была осуществлена и в распоряжение дехкан было передано около четверти всех обрабатывавшихся земель[1].

Конституцией, принятой IV Всехорезмским курултаем, частная собственность на землю была отменена, а весь земельный фонд республики был признан государственным достоянием. Изъятая из частной собственности земля распределялась между дехканами по нормам, которые, согласно Конституции, устанавливались законодательным порядком. Эти нормы не могли выходить за пределы личной обработки земли.

Земельная реформа встретила ожесточенное сопротивление реакционных сил, и проведение ее сопровождалось значительными затруднениями.

Особую сложность представляли вопросы водопользования. Это объясняется в известной. мере естественными условиями, но самое главное — тем обстоятельством, что ирригационные сооружения до революции здесь, как и во всем дореволюционном Туркестане, находились в руках эксплуататоров, а дехкане пользовались ими на таких же кабальных условиях, как и землей.

Конституция 1923 года установила, что вода, как и земля, является народным достоянием. В развитие

[1] ЦГА УзССР, ф. 73, оп. 1, д. 17, л. 17.

этого основного законоположения строилось законодательство, направленное на преодоление упорного сопротивления со стороны враждебных элементов.

Земельно-водное законодательство Хорезмской республики так же, как и Бухарской республики, неуклонно направлялось на подрыв экономической основы прежнего феодального строя и на удовлетворение насущных потребностей многонационального трудящегося населения.

* * *

Общеизвестно, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции для народов Средней Азии, как и для других народов Советской России, открылись огромные возможности для быстрого и всестороннего развития их материальных и духовных сил.

Бухарская и Хорезмская Советские Народные Республики, будучи независимыми от РСФСР государственными образованиями, но связанные с Федерацией договорными отношениями, в своей законодательной деятельности в основном также исходили из опыта РСФСР, поскольку основной задачей народной Советской власти в Хорезме и Бухаре было построение социалистического общества. Общность в тенденции развития объединяла народные советские республики Хорезма и Бухары в применении опыта Туркестана и РСФСР в законодательстве.

В Декрете Бухарского Совета Народных Назиров от 31 января — 1 февраля 1921 года «О действии декретов и приказов республик РСФСР и ТАССР в пределах Бухарской Советской Народной Республики»[1] было указано, что согласно договору, заключенному 15 ноября 1920 года Бухарской Республикой с республиками РСФСР, ни один декрет или приказ центральных и местных властей этих республик не имеет силы в Бухреспублике до санкционирования его Бухревкомом и Советом Народных Назиров Бухреспублики[2]. Поэтому всем советским учреждениям, как вновь образованным на территории Бухарской республики, так и ранее функционировавшим в бывших русских поселениях, следует руководствоваться исключительно декретами и прика-

[1] ЦГА УзССР, ф. 48, оп. 1, д. 274, л. 393.
[2] ЦГА УзССР, ф. 46, оп. 1, д. 216, л. 8.

зами Совета Народных Назиров и Центрального Ревкома Бухарской Советской Республики.

Туркестанская и Хорезмская республики в целях взаимообогащения своего опыта в законодательной деятельности информировали друг друга о принятых ими законодательных актах[1].

В Узбекской республике была учреждена специальная комиссия по увязке законодательства бывшей Туркреспублики, Бухары и Хорезма, по пересмотру и ведению единых кодексов на территории всего Узбекистана. включая и Таджикскую АССР.

27 ноября 1924 года Ревком постановил: впредь до утверждения надлежащими органами власти единых законов для Узбекской ССР считать действующими на территориях, входящих в состав ее, законы, изданные правительством СССР, и местные законы, действовавшие на соответствующих территориях Узбекской ССР[2]. Таким образом, сохраняя действие законов, принятых законодательными органами Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик, новая республика получила сразу же законодательную основу во всех областях государственного и хозяйственного строительства. Необходимо отметить, что Ревком не ограничивался лишь подтверждением действия уже существовавших законов и принял ряд самостоятельных законов.

Таким образом, до издания новых законов на соответствующих территориях продолжали действовать прежние законодательные акты: на территории бывшей Туркреспублики—земельный кодекс РСФСР с соответствующими изменениями и дополнениями; на территории бывшей Бухарской республики — Бухарский земельный кодекс. Кстати сказать, Земельный кодекс Бухарской Советской Республики основными своими положениями не противоречил Земельному кодексу РСФСР. Из его содержания следует, что при его разработке в основном использован Земельный кодекс РСФСР с дополнением его нормами, вытекающими из местных особенностей.

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 423, д. 296; Там же, ф. 71, оп. 1, ед. хр 13, д. 38.

[2] СУ УзССР, 1925 г., № 1, ст. 2. Опубликовано в газ. «Правда Востока», 30 ноября 1924 г., № 5 (554). ЦГАОР УзССР, ф. 837, оп. 2, д. 226, л. 70—71.

ГЛАВА IV

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКСКОЙ ССР

ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР

Как известно, к 1924 году ход социально-экономического развития народов Средней Азии по пути к социализму закономерно выдвинул вопрос о национальном государственном размежевании и ликвидации их территориальной разобщенности, которая была следствием дореволюционного казенно-бюрократического деления территории Средней Азии, не отвечавшего ни экономическим потребностям, ни национальным интересам края.

Национальное размежевание и создание соответствующих советских национальных государственных образований призваны были сыграть важную роль в борьбе народов Средней Азии за социализм, способствовать дальнейшему расцвету их материальных и духовных сил, формированию социалистических наций.

Следует подчеркнуть, что национальное размежевание и образование советских национальных республик являлись важнейшим этапом в создании национальной суверенной советской государственности народов Средней Азии и имели также своей целью дальнейшее укрепление Советской власти на всей территории Средней Азии, еще более активное приобщение широких масс трудящихся к государственному правлению, ускорению процесса их перехода от феодализма к социализму, минуя мучительную стадию капитализма.

После образования Узбекской ССР сразу же встал вопрос о выработке Основного закона республики. Проект, составленный специально выделенной для этой цели комиссией, получил одобрение руководящих органов республики. IV сессия ЦИК Узбекистана 1-го созыва (июнь 1926 года) постановила внести проект Конституции на рассмотрение II Всеузбекского съезда Сове-

тов, который утвердил ее 30 марта 1927 года. После отработки окончательной редакции текста 11 июля того же года ЦИК УзССР принял постановление об опубликовании Конституции — основного закона республики.

До издания первой Конституции УзССР государственная, хозяйственная и общественная деятельность республики регулировалась Конституцией СССР и законодательными актами, принимавшимися Ревкомом, съездом Советов и ЦИК УзССР.

Конституция Узбекской ССР была в основном построена по образцу Конституций СССР и РСФСР. Она предоставляла съезду Советов, ЦИК и его Президиуму широкую компетенцию во всех областях государственной и хозяйственной жизни. В области законодательства она, в частности, предусматривала утверждение кодексов законов республики. Право изменения и дополнения Конституции имел только съезд Советов.

До образования Узбекской ССР на территории вошедших в ее состав республик земельно-водный вопрос не был полностью разрешен. Одним из важнейших вопросов, вставших перед новой республикой сразу же после ее образования, было кардинальное изменение этих отношений.

В связи с этим 2 декабря 1925 года Чрезвычайная сессия ЦИК Советов УзССР приняла декрет «о национализации земли и воды»[1], в котором еще раз было подчеркнуто, что все земли, воды, недра, леса включаются в единый государственный фонд, на который устанавливается государственная собственность. В этот фонд не входили городские земли и земли, предоставленные отдельным предприятиям и учреждениям для несельскохозяйственных целей. Заключенные ранее договоры в отношении вошедших в единый фонд земель признавались недействительными. Однако допускалась сдача земли в издольщину и аренду и привлечение в трудовые хозяйства наемной рабочей силы.

В развитие этого декрета ЦИК Советов УзССР тогда же принял постановление о земельно-водной реформе[2], а 15 декабря 1925 года—постановление о принудительном выкупе сельскохозяйственного инвентаря при

---

[1] СУ УзССР, № 50, 1925 г., ст. 481.

[2] Там же, ст. 482.

проведении реформы и снабжении им землеустраиваемых хозяйств[1].

Принудительный выкуп всего живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря (кроме подлежавшего конфискации) проводится в хозяйствах, в отношении которых декрет от 2 декабря устанавливал изъятие всей земли. Цель этого декрета — ликвидация кабальной зависимости бедноты, так как в нетрудовых хозяйствах были сосредоточены не только земли, но и живой и мертвый инвентарь.

Задачи укрепления и дальнейшего развития сельского хозяйства вновь созданной республики настоятельно требовали ликвидации пережитков феодально-крепостнических отношений в земле- и водопользовании. Огромную роль в этом деле должна была сыграть земельно-водная реформа.

Однако мероприятия, связанные с проведением земельно-водной реформы, не были осуществлены сразу по всей республике: сначала они стали проводиться в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях[2], декретом 16 декабря 1926 года — в Зарафшанской (Бухарской) области[3], а в 1928 году и начале 1929 года — в Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Хорезмской областях.

Согласно декрету, земля, поступавшая в государственный земельный фонд при ее распределении, закреплялась по признаку фактического пользования в первую очередь за издольщиками (чайрикерами), трудовыми арендаторами и батраками (ятымами) без различия национальности и пола.

Декретом предусматривались окончательная ликвидация сохранившихся еще остатков частной собственности на воду и закрепление права пользования ею соответственно праву пользования землей.

Действие декрета не распространялось на садоводческие и виноградарские хозяйства, а также на совхозы, артели, коллективы и земли общественных запашек комитетов дехканской взаимопомощи.

---

[1] СУ УзССР, № 50, 1925 г, ст. 483.
[2] Там же, ст. 482; «Правда Востока», 4 декабря 1925 г.
[3] СУ УзССР, 1926 г., № 38, ст. 170.

Декрет также устанавливал порядок рассмотрения возможных жалоб от населения при осуществлении реформы.

В целях приближения аппарата по рассмотрению этих жалоб к населению и уничтожения лишних инстанций Центральная комиссия по проведению земельно-водной реформы, которая была создана при ЦИК Советов УзССР, издала инструкцию, регламентировавшую порядок рассмотрения жалоб на решения и действия районных комиссий по проведению земельной реформы[1]. За Центральной комиссией было оставлено право в случае необходимости принимать окончательные решения по жалобам.

Центральная, а также областные комиссии в порядке контроля могли приостановить и отменить любое постановление и распоряжение местных комиссий.

Постановлением ЦИК Советов УзССР от 20 марта 1926 года[2] в целях оформления результатов проведения земельно-водной реформы в трех центральных областях республики, освоения вновь орошаемых земель, инвентаризации хозяйств и окончательного разрешения вопросов, возникших в процессе проведения реформы, при ЦИК Советов были образованы центральные, а на местах при соответствующих исполнительных комитетах — областные и уездные комиссии по закреплению земельно-водной реформы. Они просуществовали более трех месяцев, а затем, согласно постановлению ЦИК Советов УзССР от 7 июля 1926 года, были распущены, а их дела сданы в Народный Комиссариат Земледелия УзССР и соответствующие его органы на местах[3].

Постановлением ЦИК Советов 11 июля 1927 года были распущены комиссии также и в Зарафшанской области с 15 августа 1927 года[4].

Большое значение для улучшения водного хозяйства молодой республики имел состоявшийся 30 и 31 марта 1927 года II Всеузбекский съезд Советов[5], который рассмотрел вопрос о постановке ирригационного дела.

---

[1] СУ УзССР, 1925 г., № 55, ст. 510; ЦГА, ф. 228, оп. 1, д. 14, л. 24.

[2] СУ УзССР, 1926 г., № 7, ст. 24.

[3] СУ УзССР, 1926 г., № 17, ст. 82.

[4] СУ УзССР, 1927 г., № 23.

[5] СУ УзССР, 1927 г., № 21.

Съезд в своих решениях отметил пассивность Наркомзема в регулировании водного хозяйства, а также отсутствие планового освоения новых земель в республике. Он предложил Наркомзему УзССР в дальнейшем принимать более активное участие во всех работах по водному хозяйству, уделив особое внимание увязке ирригационных и землеустроительных работ.

Съезд потребовал от советских и хозяйственных органов добиться решительного улучшения водопользования на существующих системах и активного вовлечения масс дехканства в управление ими. Он предложил также обратить внимание на расширение поливных площадей за счет улучшения эксплуатации ирригационных систем и поднятия их экономичности.

Первостепенное значение придавалось ирригационному строительству в окраинных округах.

Съезд признал необходимым провести в жизнь следующие мероприятия:

1) урегулировать водопользование путем постепенного восстановления водораспределения в порядке очередности на тех системах, где это до сих пор еще не осуществлено;

2) на время вегетационного периода ввести дополнительные должности водных объездчиков на тех системах, где вопросы водораспределения особенно остры;

3) в целях нормального водообеспечения посевов, расположенных в низовьях систем, провести сокращение посевов риса в верховьях маловодных систем;

4) во время поливной кампании практиковать проведение периодических съездов уполномоченных от населения для разрешения текущих вопросов водопользования;

5) разработать вопрос о переводе мирабов на содержание государства, тесно увязав их работу с низовыми советскими органами;

6) ввести соответствующие надбавки к сельхозналогу на покрытие расходов по строительству и эксплуатации ирригационных сооружений, учитывая при этом доходность земель и размеры затрат самого населения на ирригацию, а также степень обслуживания систем техническими сооружениями;

7) организовать мелиоративные товарищества с пе-

редачей на договорных началах в их ведение отводов систем, а в отдельных случаях и магистральных каналов.

Констатировав особо неудовлетворительное состояние ирригации в Хорезмском и Кашкадарьинском округах, съезд поручил правительству республики принять необходимые меры к ликвидации этого положения.

Правительству также поручалось принять необходимые меры к внедрению и развитию машинного орошения и проведению подготовительных работ к организации водохранилищ в особо маловодных районах.

Невозможно переоценить значение земельно-водной реформы, проведенной в те годы в Узбекистане. Она знаменовала собой аграрную революцию в кишлаке. Она привела к полному перевороту в жизни села. Безземельные батраки, чайрикеры и беднейшие дехкане, всю жизнь работавшие на землях баев и ханов, впервые в истории получили землю и воду.

Земельно-водная реформа имела также решающее значение для успешного восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства молодой Узбекской Советской Социалистической Республики, для повышения материального благосостояния трудового дехканства и в значительной мере содействовала начавшемуся процессу переустройства сельского хозяйства на социалистических началах.

Решающее значение реформы заключалось в том, что, ликвидировав байско-кулацкие хозяйства, она уничтожила феодально-помещичье землепользование и создала предпосылки для осуществления коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Земельно-водная реформа проходила в обстановке острой классовой борьбы. Ее проведению оказывали бешеное сопротивление не только баи, кулаки, но и мусульманское духовенство (еще продолжавшее пользоваться влиянием на дехканство), буржуазные националисты и прочее отребье внутренней контрреволюции. Но никакие козни классовых врагов не могли приостановить претворение в жизнь это важнейшее революционное мероприятие Коммунистической партии и Советской власти, горячо поддержанное широкими массами трудящихся республики в их борьбе за новую, социали-

стическую жизнь. Этим объясняется успешное проведение земельно-водной реформы.

Большое значение для развития водного хозяйства республики имели решения Пленума Средазбюро ЦК ВКП(б) (ноябрь 1927 года), уделившего много внимания вопросу создания мелиоративной кооперации.

Проведение в Ферганской области в те годы массового кооперирования водопользователей Исфайранской ирригационной системы дало прекрасные результаты[1].

Пленум призвал взять четкий курс на создание таких дехканских объединений, которые обеспечивали бы правильное использование воды в интересах бедняков и середняков. Такой формой объединений явились мелиоративные кооперативы.

Кстати сказать, подобные кооперативы действовали в Туркреспублике. Первоначально их делами занимался Туркестанский ирригационный комитет, образованный по постановлению ЦИК Туркреспублики (11 апреля 1923 года), а затем — Среднеазиатский ирригационный кредитный комитет, утвержденный 12 марта 1925 года. К 1 октября 1925 года в Средней Азии и Казахстане насчитывалось 162 товарищества[2].

Но в 1927 году в Узбекистане проводился первый опыт массового кооперирования водопользователей. В Ферганской области, например, мелиоративной кооперацией были полностью охвачены все водопользователи Исфайранской и частично Сохской систем. Если в 1926 году было охвачено здесь су-ширкатами 15 тыс. хозяйств, то в 1927 году в мелиоративную кооперацию входили уже 34000 хозяйств. Целиком были кооперированы весь Кувинский, часть Ферганского и Маргиланского районов, питаемых Исфайрансаем, и водопользователи канала. Всего в зоне этого канала и Исфайрансая имелось 11 мелиоративных товариществ[3].

Деятельность товариществ могла быть прекращена в следующих случаях:

а) по постановлению общего собрания;

б) в случае признания судом несостоятельности товарищества;

---

[1] «Правда Востока», 16 ноября 1927 г., № 261 (1457).
[2] «Вестник ирригации», 1926, № 6, стр. 19.
[3] «Правда Востока», 16 ноября 1927 г.

в) если в годичный срок со дня регистрации его устава и получения ссуды товарищество не приступило без уважительных причин к выполнению водохозяйственных работ;

г) по требованию Управления водным хозяйством республики и автономных областей[1].

Первоначально мелиоративные товарищества организовывались лишь для выполнения работ по орошению и постройке новой ирригационной сети инженерного типа. В дальнейшем они создавались и для эксплуатации ирригационной сети[2].

В 1926 году было опубликовано Положение о водном мелиоративном товариществе, согласно которому мелиоративные товарищества учреждались по инициативе как водопользователей, так и органов управления водного хозяйства. Товарищество должно было иметь не менее семи членов.

К ведению товарищества относилось управление системой, установление порядка водопользования, распределение между водопользователями воды, закрепленной за товариществом, производство работ по содержанию и ремонту водной системы, выборы мирабов, осуществление контроля за выполнением водопользователями работ по натуральной повинности и наблюдение за производством этих работ, получение земель как в трудовое пользование, так и на арендных началах, производство работ по новому орошению, проведение работы по техническому оборудованию и переустройству водной системы для улучшения водопользования и для расширения орошаемой площади, организация (с надлежащего разрешения) всякого рода предприятий, связанных с мелиорацией земли и использованием гидравлической энергии, проведение работы по улучшению земель, укреплению берегов рек, оврагов, а также движущихся песков, получение и использование кредитов для осуществления целей товарищества[3].

Членами товарищества могли быть как физические, так и юридические лица. Они имели на общих собрани-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 90, оп. 1, д. 150, л. 76—79, 13/VII—1926 г.

[2] СУ УзССР, 1929 г. № 4, ст. 24.

[3] ЦГА УзССР, ф. 90, оп. 1, д. 150, л. 13—16, 76—79, 13 июля 1926 г.

ях по одному голосу. Товариществам предоставлялись права юридического лица.

Органами управления товарищества являлись общие собрания членов товарищества или собрание уполномоченных и правление товарищества, состоявшее не менее чем из трех лиц, избранных общим собранием или собранием уполномоченных.

2 февраля 1929 года ЦИК и СНК УзССР утвердили Временные правила о передаче водных систем и отдельных отводов в эксплуатацию водно-мелиоративных организаций[1].

Согласно этим правилам, водные системы или отдельные отводы передавались Управлением водного хозяйства УзССР водно-мелиоративным организациям в эксплуатацию со всеми распределителями, оросителями, водосбросной сетью и со всеми находящимися на них гидротехническими сооружениями.

Все споры по договорам рассматривались по требованию одной из сторон или обеих сторон, окружными комиссиями по земельно-водным спорам, они же устанавливали сроки прекращения действия этих договоров.

Споры по договорам, относящимся к межокружным водным системам или системам, охватившим два или более округа, разрешались особой комиссией высшего контроля.

В 1929 году было принято постановление ЦИК и СНК УзССР, согласно которому мелиоративные кооперативные организации, как один из специальных видов сельскохозяйственной кооперации, организовывались и действовали в том же порядке, какой был установлен постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1924 года о сельскохозяйственной кооперации[2].

В этом постановлении цели, обязанности и права кооперативных мелиоративных организаций были определены следующим образом:

а) улучшение и развитие оросительных систем и всех ирригационных сооружений на них, а равно и их эксплуатация;

б) установление правильного водопользования и

---

[1] СУ УзССР, 1929 г. № 12.
[2] СУ УзССР, № 37, 1929.

распределения воды между своими членами, а также производство всякого рода водно-мелиоративных работ;

в) устройство и эксплуатация оросительных станций (водокачек);

г) устройство в безводных местах колодцев для водопоя скота;

д) расчистка и раскорчевка лесов и кустарников, тугаев, посадка защитных полос и накопляющих влагу растений, укрепление речных берегов, оврагов и песков, бурение артезианских колодцев и производство всех других видов мелиорации;

е) устройство и эксплуатация всякого рода промышленных предприятий местного значения с целью использования ирригационных сооружений и водной энергии своих систем;

ж) эксплуатация мелиоративных площадей, полученных на правах трудового землепользования, а также арендованных;

з) улучшение хозяйств своих членов путем оказания им помощи в освоении и использовании мелиоративных площадей.

Согласно данному постановлению, мелиоративные организации имели право проводить указанные мероприятия как совместным трудом своих членов, так и путем найма рабочих и технической силы.

Первичные мелиоративные организации имели право объединяться в системные или окружные союзы, а также образовать республиканский союз. Союзам предоставлялось право осуществлять мероприятия и проводить операции, предусмотренные вышеуказанным постановлением, производить ревизии и обследования входивших в их состав объединений, а также созывать совещания и съезды по вопросам мелиоративной кооперации.

Число членов в первичных организациях (мелиоративных товариществах) должно было насчитывать не менее 25, а в союзных — не менее трех членов (низших объединений).

В состав мелиоративных товариществ могли входить все водопользователи (хозяйства, дворы) района деятельности товарищества, а также государственные, кооперативные и общественные учреждения и организации, пользовавшиеся водой из системы, расположенной в районе действия товарищества.

Государственные учреждения и другие юридические лица, получавшие воду из эксплуатировавшихся мелиоративными организациями систем, почему-либо не желавшие входить в состав мелиоративных организаций, обязаны были заключать с ними договоры, в которых в соответствии с получаемым количеством воды определялась доля участия их в расходах по эксплуатации, устройству, переоборудованию и улучшению оросительных систем.

Эксплуатация водных систем и проведение водомелиоративных работ производились мелиоративными организациями под общим наблюдением и контролем органов водного хозяйства, производство же других видов мелиорации (укрепление песков, оврагов, облесение и проч.) — под наблюдением органов Наркомзема УзССР.

С изданием этого постановления утратили силу постановление СНК Туркреспублики от 2 мая 1923 года «О мелиоративных товариществах Туркреспублики» и п. 75—86 постановления ТуркЦИК от 16 апреля 1924 года «О Временных правилах о водах Туркреспублики».

В 1926 году было утверждено Положение о водных обществах и их съездах, которые объединяли водопользователей, получающих воду из общих отводов[1].

Органами управления этих обществ являлись общие собрания их членов, водные комитеты и мирабы.

Общие собрания водного общества созывались по инициативе водопользователей или по требованию водного комитета, мираба или участкового гидротехника.

Согласно п. 8 вышеуказанного Положения, ведению общего собрания подлежали: избрание водного комитета и мираба; установление порядка водопользования между членами общества, обсуждение мероприятий по содержанию и ремонту водной системы, а также распределение и производство связанных с этим работ и повинностей; рассмотрение хозяйственного и денежного отчета водного комитета.

Водный комитет избирался общим собранием общества на один год в составе трех человек, но по требова-

[1] «Народное хозяйство Средней Азии», 1926, № 6—7.

нию Окружного управления водного хозяйства мог быть досрочно переизбран. В заседаниях водного комитета участвовал с правом совещательного голоса мираб.

К ведению водного комитета относились надзор за исполнением мирабом и водопользователями постановлений органов власти и общего собрания водопользователей, установление натуральной и денежной повинностей, рассмотрение отчета мираба о его деятельности, представительство общества в государственных и общественных учреждениях и организациях и участие с правом решающего голоса на съездах, созываемых по водным вопросам.

Мираб избирался общим собранием водного общества сроком на один год и утверждался окружным отделом водного хозяйства.

Мирабы обязаны были следить за исправным содержанием каналов и находящихся на них искусственных сооружений и за правильным поступлением воды в эти каналы через их головное сооружение; наблюдать за правильным распределением воды между отдельными водопользователями; не допускать хищений воды; принимать меры к восстановлению нарушенного порядка пользования водой на каналах, сообщая о таких случаях участковому гидротехнику и в водный комитет; охранять древесные насаждения в пределах береговой полосы; наблюдать за выполнением правил водопользования и состоянием водных систем; составлять планы работ по натуральной повинности и принимать участие в руководстве этими работами; представлять сведения по текущей водной статистике.

Для координации деятельности водных обществ и разрешения назревших важных вопросов в их работе созывались съезды.

На них решались вопросы установления общего порядка водопользования в пределах системы и распределения воды между каналами, орошающими земли отдельных обществ, рассматривались и утверждались мероприятия по содержанию и ремонту систем, определялись и распределялись размеры натуральной и денежной повинности между водными обществами, рассматривались отчеты водного совета о его деятельности, проводились выборы водных советов.

Съезд водопользователей избирал водный совет сроком на один год в составе пяти — семи человек и трех кандидатов.

Постановления съездов подлежали утверждению органов управления водного хозяйства.

Порядок ликвидации водных обществ и их съездов, советов в случае образования на данной территории мелиоративных товариществ и их союзов был определен в Положении о мелиоративных товариществах.

9 августа 1927 года ЦИК Советов и СНК УзССР в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 июня того же года приняли постановление о введении особого водного сбора для покрытия расходов по эксплуатации водной сети и содержанию низовых аппаратов водохозяйственных учреждений до окружных включительно[1].

Новые строительные работы за счет этого сбора не производились.

В сельских местностях водный сбор исчислялся с доходов от подлежащих обложению единым сельхозналогом поливных земель и вододействующих предприятий, а размер сбора с каждого единоличного хозяйства в сельских местностях определялся в сумме облагаемых единым сельхозналогом поливных земель и вододействующих предприятий. Все поступившие суммы от водного сбора зачислялись в бюджет республики.

28 ноября 1930 года СНК Узбекской ССР, руководствуясь п. 3 постановления ЦИК и СНК СССР от 12 августа того же года «О введении в действие положения о водном сборе», принял аналогичное постановление «Об утверждении и введении в действие положения о водном сборе в УзССР»[2].

Водный сбор поступал в республиканский и местные бюджеты в порядке, определяемом специальными постановлениями, расходовался исключительно на нужды, указанные в вышеупомянутом Положении.

До поступления сбора водохозяйственным органам с разрешения СНК УзССР в каждом отдельном случае сельскохозяйственный банк мог выдавать для покрытия расходов по эксплуатации водной сети краткосрочные

---

[1] СУ УзССР, 1927 г., № 30.
[2] СУ УзССР, 1930 г., № 52.

ссуды с последующим обязательным погашением их из сумм водного сбора.

В городах и поселениях городского типа с земель, не облагаемых единым сельхозналогом, водный сбор не взимался.

В Новоургенчском, Мангитском, Гурленском, Шаватском, Газаватском, Хивинском, Хазараспском, Ханкинском, Багатском и Янгиарыкском районах (б. Хорезмского округа) водный сбор взимался лишь с кулацких хозяйств, облагавшихся сельхозналогом в индивидуальном порядке, а также с хозяйств, не занимавшихся сельским хозяйством и имевших нетрудовые источники дохода.

Водному сбору не подлежали земли, орошавшиеся машинным способом, т. е. водокачками, принадлежавшими хозяйствам мелиоративных товариществ, земли каризного орошения и водокачки, находившиеся в ведении государственных, кооперативных и коллективных организаций.

За счет водного сбора производились расходы на текущий ремонт водохозяйственных устройств и сооружений, на проектирование, связанное с выполнением этих работ, на содержание и ремонт служебных, складских и других помещений органов эксплуатационной службы, расположенных в районе действующих водных систем, а также на полное содержание арык-аксакалов, мирабов, караульщиков, водных объездчиков и пр.

В совхозах, коллективных и единоличных хозяйствах (кроме кулацких) доход от поливных земель, облагаемых водным сбором, определялся по нормам, установленным для обложения поливных культур единым сельскохозяйственным налогом. Причем колхозам и единоличным хозяйствам (кроме кулацких) предоставлялся ряд льгот.

На развертывании в надлежащих темпах водного хозяйства Узбекистана в известной мере отразилась и ожесточенная борьба со злейшими врагами Советской власти и трудового народа — контрреволюционными басмаческими бандами, которые любыми средствами старались затормозить упорядочение и совершенствование ирригационных систем, строительство важнейших объектов[1].

[1] «Правда Востока», 21 августа 1937 г.

Вопреки козням всех врагов трудящиеся республики под руководством Коммунистической партии и Советского правительства преодолели все трудности и добились больших успехов в развитии и укреплении водного хозяйства.

Огромное значение, которое придавали партийная организация и советские органы республики вопросам развития и укрепления водного хозяйства, нашло отражение в многочисленных нормативных актах того периода. Так, согласно постановлению ЦИК и СНК от 27 апреля 1927 года, был введен институт водных объездчиков по ирригационным системам[1], 27 марта 1928 года СНК Узбекской ССР утвердил Положение о мирабах[2], 19 ноября 1928 года ЦИК УзССР принял Закон о введении в действие основных положений о земле,-водоустройстве,[3] 3 апреля 1929 года ЦИК и СНК утвердили Положение о мелиоративных кооперативных товариществах,[4] 13 февраля 1929 года и 11 апреля 1932 года — Положение об общественной ирригационной повинности[5], 27 ноября 1938 года было утверждено (СНК) Положение о водной охране на ирригационных системах[6], 27 апреля 1933 года ЦИК и СНК утвердили Положения о содержании ирригационной сети в городах и поселках городского типа[7] и т. д.

Важной вехой в развитии водного законодательства в Узбекской ССР следует считать утверждение II сессией ЦИК Советов УзССР третьего созыва проекта земельно-водного кодекса, разработанного Наркомземом УзССР в соответствии с решениями III Всеузбекского съезда Советов.

Кодекс, как и предыдущие водные законы Узбекской ССР, был построен на социалистических принципах. Его ст. 1 указывала, что основой земельного строя Узбекской ССР, обеспечивающей возможность социалистического строительства в сельском хозяйстве, проведение землеустройства и водоустройства и организации зем-

---

[1] СУ УзССР, 1927 г., № 15, ст. 85.
[2] СУ УзССР, 1928 г., № 6, ст. 42.
[3] Там же, № 37, ст. 260.
[4] СУ УзССР, 1929 г., № 38, ст. 191.
[5] СУ УзССР, 1932 г., № 15, ст. 91; 1929 г., № 4, ст. 24.
[6] СУ УзССР, 1933 г., № 34, ст. 366.
[7] Там же, № 12, ст. 79.

лепользования и водопользования в интересах основной массы дехканства — бедняков и середняков, является национализация земли и воды, что частная собственность на землю и воду отменена навсегда, все земли Узбекской ССР как используемые, так и неиспользуемые, а также все воды, как подземные, так и выведенные на поверхность земли (каризы), объявляются исключительно государственной собственностью.

Земельно-водный Кодекс УзССР подтверждал запрещение всяких сделок с землей и водой, куплю-продажу, залог, дарение, завещание, самовольный обмен и т. п. Такие возможные сделки объявлялись недействительными и влекли за собой уголовную ответственность их участников.

Он далее устанавливал, что вода для орошения отводится в соответствии с количеством орошаемой земли, установленным соответствующими органами водного хозяйства для данного района и для культур, которые разводятся на орошаемой земле. Количество воды, отводимое водопользователям для питья, водопоя скота и домашних нужд, для нужд городов и городских поселений, а также для промышленных и других целей, определялось специальными инструкциями, разработанными Управлением водного хозяйства.

Устанавливая порядок очередности пользования водой из колодцев, рек, озер, ирригационной сети, Кодекс ставил на первое место пользование водой для питья и и других домашних нужд населения, а также для водопоя скота, на второе — для сельскохозяйственных целей и на третье — промышленно-технических целей. Отступления от этого порядка очередности допускались только с разрешения Управления водного хозяйства, согласованного с Народным Комиссариатом Земледелия республики.

В Кодексе была четко разграничена компетенция Союза ССР и УзССР в вопросах землепользования и водопользования на территории республики.

В специальном разделе Кодекса был определен порядок рассмотрения земельно-водных споров.

Для этой цели учреждались районные и окружные комиссии и Особая коллегия высшего контроля. Комиссии состояли при Президиумах районных и окружных исполнительных комитетов.

Ведению районных комиссий подлежали споры о праве на землепользование и водопользование, об изъятии земли и лишении права на нее, о праве проезда, прохода и прогона скота и др. К ведению же окружных комиссий (в качестве первой инстанции) относились дела, в которых спорящими сторонами являлись государственные и общественные учреждения, организации и предприятия, дела о межрайонных спорах, а также о спорах, возникших при проведении земле-и водоустройства.

Окружные комиссии рассматривали в порядке апелляции также дела, подведомственные районным комиссиям.

Огромное значение для дальнейшего развития и укрепления сельскохозяйственного водопользования в Узбекистане имел Закон, принятый Верховным Советом УзССР 24 марта 1941 года[1].

Закон отразил изменения, которые произошли в сельском хозяйстве республики после окончательной победы колхозного строя. Водопользователями по этому Закону признавались колхозы, совхозы, МТС, колхозные дворы, хозяйства единоличных дехкан, скотоводов и кустарей, рабочих, служащих и других лиц, имевших право пользоваться приусадебными участками, а также железнодорожные и промышленные предприятия.

В ст. 35 Закона указывалось, что «основной задачей сельскохозяйственного водопользования является обеспечение выполнения государственного сельскохозяйственного плана подачи воды всем водопользователям в необходимом количестве и в нужные сроки».

План водопользования составлялся в соответствии с размером подлежавших поливу площадей по культурам, а также со сроками и нормами поливов, утверждаемыми Наркомземом УзССР.

Распределение воды между колхозными дворами и другими водопользователями на территории колхоза проводилось правлением колхоза и утверждалось общим собранием его членов.

Использование воды для промышленно-технических, гидроэнерготехнических, промысловых, культурных и бытовых нужд, для строительства и эксплуатации дорог

---

[1] «Ведомости Верховного Совета УзССР», 1941, № 4.

допускалось только с разрешения органов водного хозяйства. Определяя право пользования водой, Закон обязывал каждого водопользователя строго соблюдать этот порядок. Воспрещалась уступка другим водопользователям воды, предоставленной по плану сельскохозяйственного водопользования, как и всякие иные соглашения между водопользователями, направленные на изменение установленного органами водного хозяйства порядка водораспределения, а также использование предоставленной для сельскохозяйственных целей воды на другие цели.

Если нарушение порядка носило общественно опасный характер, оно влекло уголовную ответственность нарушителя.

К ведению и управлению органов водного хозяйства республики Закон относил воды рек, ручьев, родников и озер, а также ирригационных каналов и сооружений, предназначенных для сельскохозяйственного водопользования, лесные насаждения на береговых охранных полосах, ирригационно-мелиоративные сооружения и устройства.

Создание органов управления водного хозяйства республики, определение их обязанностей, прав и порядка работы имеют свою примечательную историю.

17 августа 1925 года ЦИК и СНК УзССР утвердили специальное Положение «Об управлении водного хозяйства УзССР при Совнаркоме республики»[1]. Этот акт подчеркивал государственную важность, которую придавали директивные органы республики деятельности этого управления.

Руководящий штат подведомственных ему организаций (начальники областных и окружных отделов, их заместители и помощники) назначался и освобождался от работы Управлением по согласованию с соответствующими областными, окружными и уездными исполкомами.

Арык-аксакалы назначались областным отделом по согласованию с уездными исполкомами и губкомами, мирабы утверждались сельсоветами.

Управление водного хозяйства и его органы на местах должны были представлять периодические обзоры

---

[1] СУ УзССР, 1925 г., № 31.

своей деятельности, а также годовые отчеты по исполнению планов расходования средств в надлежащие руководящие планово-хозяйственные органы и вместе с тем информировать областные и уездные исполкомы о своей работе.

Постановлением ЦИК УзССР от 7 июля 1926 года III часть, III раздела Земельно-водного кодекса была изложена в новой редакции[1].

Для разрешения споров по земельно-водным делам учреждались земельно-водные районные, уездные и областные комиссии и Особая коллегия высшего контроля по земельно-водным спорам.

Никакие другие органы республики не имели права принимать на свое рассмотрение земельные, земельно-водные и водные споры и вмешиваться в эти дела, приостанавливать исполнение, изменять или отменять вынесенные комиссиями постановления.

Споры, возникавшие при землеустройстве, рассматривались уездными и областными земельно-водными комиссиями только в местах, где была проведена земельная реформа или землеустройство, в остальных же местах — в административном порядке земельно-водоустроительными совещаниями.

Порядок рассмотрения дел в земельно-водных комиссиях и представительство сторон определялись правилами, установленными для рассмотрения дел в народных судах.

Решения земельно-водных комиссий приводились в исполнение после истечения срока на их обжалование. При подаче в установленный срок кассационной жалобы исполнение решения комиссий приостанавливалось.

Решения, вошедшие в законную силу, приводились в исполнение на общих основаниях по исполнительным листам как органами милиции, так и судебными исполнителями.

Члены земельно-водных комиссий и Особой коллегии высшего контроля пользовались при исполнении ими служебных обязанностей правами народных судей.

В связи с тем, что согласно постановлению ЦИК Советов УзССР от 2 апреля 1929 года в республике были созданы административные округи для рассмотрения

---

[1] СУ УзССР, 1926, № 15, ст. 66.

земельных и водных споров, учреждались районные и окружные комиссии по земельно-водным спорам. ЦИК и СНК УзССР утвердили новое Положение, которое было опубликовано 19 декабря 1929 года[1].

Особая коллегия высшего контроля, по этому постановлению, состояла не при Наркомземе, а при ЦИК УзССР.

В первый период споры, возникавшие в связи с неправильным распределением и пользованием воды, поступали в водно-земельные комиссии сравнительно редко, так как в большинстве случаев так или иначе разрешались самим населением или при участии органов водной администрации. Этим объясняется, что, например, в уездных комиссиях за год рассматривалось всего по два-три дела, причем комиссии старались приводить стороны к обоюдному соглашению[2].

В 1932 году Особая коллегия высшего контроля и комиссии по земельно-водным спорам были повсеместно ликвидированы. В связи с этим в соответствии с постановлением ЦИК УзССР от 27 июня 1932 года ст. 21 ГПК УзССР была дополнена частью второй следующего содержания:[3]

«Ведению народного суда подлежат также дела о земельно-водных спорах, в которых хотя бы одной из сторон являются учреждения, предприятия или организации обобществленного сектора. Дела эти рассматриваются в составе народного судьи, народного заседателя и председателя местного земельно-водного органа».

Для лучшего понимания развития водного законодательства в этот период необходимо вернуться несколько назад и проследить, как строились органы управления водного хозяйства республики, какие конкретные задачи ставились перед ними и какие мероприятия они осуществляли в целях упорядочения водного хозяйства и водопользования в республике.

23 августа 1927 года СНК УзССР принял Положение об управлении водного хозяйства УзССР.

В 1928 году ЦИК и СНК УзССР утвердили основные

---

[1] СУ УзССР, 1929 г., № 22, ст. 74.
[2] ЦГА УзССР, ф. 215, оп. 2, д. 974, л. 49.
[3] СУ УзССР, 1932 г., № 27.

положения о землеустройстве, земле-, водоустройстве и водоустройстве[1].

Основными задачами земле- и водоустройства по этому Положению были: земле-водоустройства имевшихся коллективных хозяйств, организация и устройство новых; создание земле-водоустройства земельно-водных обществ; установление прав на воду земельно-водных обществ, их объединений и прочих водопользователей и определение порядка водопользования между ними; плановое, экономное и рациональное распределение воды в соответствии с проводившимися землеустроительными мероприятиями и отдельно от них; установление порядка пользования водой из колодцев, имевших общественное значение.

В целях улучшения водоустройства проводились следующие мероприятия:

а) перераспределение воды между земельно-водными обществами, их объединениями и прочими водопользователями;

б) изъятие у водопользователей излишков воды сверх установленных норм для государственных и общественных надобностей;

в) отвод свободной воды городам и поселкам городского типа, государственным и общественным учреждениям, организациям, предприятиям и совхозам, земельно-водным обществам, водно-мелиоративным кооперативам, другим объединениям трудовых дехкан, отдельным трудовым земледельцам, а также иным учреждениям и лицам на особых условиях;

д) установление мест проезда, прогона и водопоя скота, определение проезда на оросительных каналах и искусственных водохранилищах.

Если водоустройство производилось без одновременного проведения землеустройства, то такое водоустройство считалось временным.

Для надобностей государственных учреждений, предприятий и совхозов, а также для определения земельной площади коллективных хозяйств — коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли — земле,-водоустройство производилось вне очереди.

---

[1] СУ УзССР, 1928 г., № 37.

Согласно новому Положению о Народном Комиссариате водного хозяйства УзССР, утвержденному СНК УзССР 31 декабря 1945 года[1], и в соответствии со ст. 51 Конституции УзССР Республиканский Комиссариат ведал всеми вопросами орошения и осушения земель и осуществлял учет и управление всеми наземными и подземными водами, используемыми для орошения. Ему же был подведомствен фонд ирригационно-мелиоративных сооружений и устройств с береговыми охранными полосами и древонасаждениями, за исключением сооружений внутрихозяйственного значения, находившихся в ведении отдельных водопользователей.

Особое значение придавалось низовой водной администрации и в первую очередь работе арык-аксакалов и мирабов, так как их роль в управлении водным хозяйством была очень велика. Об этом свидетельствует принятие многочисленных законов и подзаконных актов, регулировавших деятельность данной категории работников водного хозяйства. В связи с этим следует остановиться на освещении этого вопроса несколько более подробно.

В состав низшей водной администрации входили участковые водные техники (арык-аксакалы, мирабы) и сторожа водных сооружений.

Постановлением ЦИК и СНК УзССР от 27 апреля 1927 г. была введена еще должность водного объездчика.[2] Все эти должности были выборными, причем порядок их выборов неоднократно изменялся. Так, как уже указывалось, на основании Закона 1919 года о пользовании водами в Туркестанской республике мирабы избирались водопользователями и утверждались водными участковыми комитетами, по Положению о пользовании водами в Туркреспублике от 12 февраля 1921 года мирабы избирались общим собранием трудовых дехкан и утверждались местными исполкомами, по Положению об управлении водного хозяйства УзССР от 17 августа 1925 года мирабы избирались водопользова-

---

[1] Сборник законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений правительства УзССР, т. 1, 1947, ст. 61.

[2] СУ УзССР, 1927 г., № 15, ст. 85. Для борьбы с правонарушителями в водном хозяйстве, охраны ирригационных и подобных им сооружений и предприятий была учреждена водная охрана, состоявшая из объездчиков.

телями и утверждались сельсоветами, по Положению от 27 марта 1928 года мирабы заведовали распределением воды и производством общественных ирригационных работ на арычной сети своего околотка[1].

Распределение воды по отдельным хозяйствам производилось в порядке общественной повинности лицами из числа заинтересованных водопользователей. Мираб подчинялся непосредственно участковому гидротехнику (арык-аксакалу), одновременно его служебная деятельность контролировалась соответствующими сельсоветами.

При распределении воды между общественными арыками мирабы руководствовались постановлениями собраний водопользователей. Подача же воды в арыки, орошавшие землю околотка из магистралей, производилась мирабами по указанию арык-аксакалов.

По положению 1928 года, в обязанности мираба входило: следить за исправным состоянием находившихся в его околотке арыков, их головных частей со всеми сооружениями, а также за сохранностью древесных насаждений по арыкам; наблюдать за правильным поступлением воды в арыки, контролировать правильное ее распределение между отдельными водопользователями, охранять от хищения.

По этому же Положению, мирабы должны были избираться на собраниях водопользователей и утверждаться райисполкомами по представлению райгидротехников. Во всех околотках, охватывавших территорию двух районов, мирабы должны были утверждаться окрисполкомами по представлению окрводхозов. Такой порядок выборов давал возможность трудящимся контролировать правильность осуществления мирабами служебных обязанностей.

Однако, несмотря на четко установленный порядок выборов арык-аксакалов и мирабов в Положениях, принятых в разные годы, в низовую водную администрацию нередко проникали люди, чуждые советскому обществу. Об этом свидетельствуют документы разных лет.

На заседании организационного бюро союза «Кошчи» Узбекистана от 19 марта 1925 года, например, отмечалось: «Из заявления дехкан оказывается, что во мно-

---

[1] СУ УзССР, 1928 г., № 6, ст. 42.

гих местах дело по распределению воды поставлено неправильно, имеют место злоупотребления, совершаемые местными мирабами и арык-аксакалами»[1].

В материалах республиканского съезда союза «Кошчи» (июль 1925 года) отмечается: «При распределении воды между водопользователями-дехканами наблюдаются злоупотребления со стороны мирабов, удовлетворяющих в первую очередь водой байские элементы»[2].

Партия и правительство уделяли особое внимание борьбе за укрепление органов водного хозяйства республики, привлекая к этому делу широкие массы трудовых дехкан. Одновременно энергичная борьба велась и с позорным наследием старого строя — взяточничеством и злоупотреблением доверия народа со стороны арык-аксакалов и мирабов.

Повсеместно проводились съезды и собрания водопользователей. Они проходили чрезвычайно оживленно, так как в них принимали активное участие широкие массы трудящихся дехкан. Так, например, на сельских собраниях, на которых проводились выборы мирабов, в Ферганском, Хорезмском, Сурхандарьинском округах участвовали 83% водопользователей, не говоря уже о том, что на съездах неизменно присутствовали все делегаты.

Велась подготовка водных работников из коренного населения, для чего открывались школы и курсы.

Почти все съезды, наряду с другими вопросами водного хозяйства, обсуждали также вопросы о насаждении деревьев по системам и отводам, выносили конкретные постановления по развитию и усовершенствованию этого дела. Население охотно выполняло эти постановления.

Одним из серьезных вопросов водного хозяйства в то время была организация охраны ирригационных сооружений.

Согласно Положению, принятому СНК УзССР в 1933 году,[3] руководство охраной ирригационных систем и водопользования на территории республики осуществлялось центральным ирригационным управлением на-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 44, оп. 1, д. 129, л. 115, 116, 19 марта 1925 г.
[2] ЦГА УзССР, ф. 245, оп. 1, д. 25, л. 49, 1925 г.
[3] СУ УзССР, 1933 г., № 34.

родного Комиссариата Земледелия, а на местах — районными гидротехниками через водных объездчиков.

На органы водной охраны возлагались охрана порядка водопользования и борьба со всякого рода хищениями воды из ирригационной сети; общее наблюдение за сохранностью от порчи и разрушений ирригационной сети и всех находившихся на ней гидротехнических и вспомогательных сооружений, водомерных построек, зданий, мостов, дорог и т. д.

Водных объездчиков Положение обязывало в пределах своего участка непрерывно наблюдать за целостностью и сохранностью ирригационной сети и сооружений, особенно во время прохождения паводковых и селевых вод и т. д.

Водные объездчики должны были также участвовать в организации общественных ирригационных работ и привлечении к этим работам местного населения.

Прием на службу в водной охране, как и увольнение, производился на общих началах трудового законодательства.

Территория водного района, обслуживаемая районным гидротехником, определялась в соответствии с условиями ирригации в данном районе независимо от совпадения его границ с границами административного района.

Районные гидротехники в пределах своего района осуществляли общее руководство водным хозяйством района и имели право проводить все мероприятия, направленные на поддержание порядка в нем. Они представительствовали во всех административных и судебных органах по всем вопросам, связанным с интересами и деятельностью Центрального ирригационного управления УзССР.

Работники водной охраны содержались за счет средств местного бюджета.

Поскольку вода в условиях Узбекистана представляет один из основных источников развития народного хозяйства республики, не требует особых доказательств утверждение, что всякое нарушение порядка водопользования общественно опасно.

Этим и объясняется, что еще в Уголовном кодексе УзССР 1926 года имелась специальная глава (X), предусматривавшая меры наказания за всякие нарушения:

за самовольный захват воды; за езду по закрытым для проезда местам в полосе отчуждения, а также за пастьбу или прогон по ним скота; загрязнение воды в каналах и спуск загрязненной воды в каналы, снабжающие водой население и т. д.

Но законодательная деятельность Узбекской республики строилась не только применительно к борьбе с правонарушениями, но и в интересах дальнейшего развития тех или иных отраслей народного хозяйства.

Так, 23 июля 1930 года СНК УзССР принял постановление «О мерах упорядочения земле,-водопользования пастбищного хозяйства»[1].

В этом постановлении Народному Комиссариату Земледелия было поручено провести полный учет всех пастбищных угодий, колодцев и водных источников, находившихся на пастбищных угодьях, выявить свободные пастбища, колодцы и водные источники и зачислить их в фонд организации животноводческих хозяйств; распределить все водные источники между совхозами, колхозами и объединениями скотоводов, с учетом и распределением пастбищных угодий, обеспечив прикрепление отдельных водных источников к определенным пастбищным территориям; установить по каждому водному источнику порядок водопользования.

В целях улучшения руководства водным хозяйством республики постановлением СНК от 1 апреля 1938 года при Наркомземе было создано самостоятельное управление водным хозяйством с подчинением ему облводхозов, осуществлявших всю административно-хозяйственную деятельность по использованию водных ресурсов. Указом Президиума Верховного Совета УзССР от 29 декабря 1939 года был создан Народный Комиссариат водного хозяйства, а 15 февраля 1940 года СНК Узбекистана утвердил Положение о нем[2].

В связи с постановлением ЦК ВКП(б), СНК СССР от 22 декабря 1939 года «О мерах по дальнейшему подъему хлопководства в Узбекистане» партия и правительство поставили грандиозные задачи по дальнейше-

---

[1] СУ УзССР, 1930 г., № 36, ст. 965.

[2] «Ведомости Верховного Совета УзССР», 1940 г., № 3; СП УзССР, 1940 г., № 3, ст. 9.

му расширению посевной площади поливных земель и посевов хлопчатника.

29 октября 1940 года СНК УзССР в связи с предпринимавшимся строительством ирригационных сооружений утвердил Положение о порядке прохождения и утверждения проектов и смет по ирригационно-мелиоративному строительству[1].

24 марта 1941 года Верховный Совет республики принял важнейший закон о сельскохозяйственном водопользовании[2], в котором были определены основные принципы водопользования и задачи ирригационного строительства, развернувшегося в Узбекистане.

Вопросам состояния и дальнейшего развития ирригации и мелиорации посвящались и отдельные постановления партии и правительства, такие как постановление ЦК КП (б) Уз и СНК УзССР от 7 апреля 1944 года «О недостатках в области ирригации и мелиорации и мерах по их устранению», которое предусматривало установление жесткого режима водопользования, поддержание в исправном состоянии оросительных систем, а также укрепление органов водного хозяйства.

Вопросы управления водным хозяйством находили неоднократное отражение и в нормативных актах. Так, например, в постановлении ЦК КП(б) Уз и Совета Министров УзССР от 22 мая 1947 года был намечен ряд мероприятий по улучшению работы органов водного хозяйства, в котором, в частности, говорилось об установлении порядка водопользования путем введения строгой водной дисциплины, об ответственности за нерациональное использование воды и т. д. 8 июня 1955 года ЦК КП Уз и Совет Министров УзССР приняли новое постановление по этому вопросу[3].

Среди актов, посвященных вопросам водного хозяйства, следует также отметить постановление Совета Министров УзССР от 29 декабря 1956 года, согласно которому в целях упорядочения охраны водоемов от бесхозяйственного использования и загрязнения были установлены штрафы за спуск сточных неочищенных вод[4].

---

[1] СП УзССР, 1940 г., № 23, ст. 77.
[2] «Ведомости Верховного Совета УзССР», 1941, № 4.
[3] СП УзССР, т. 1, ст. 195, 1960 г.
[4] Архив МВХ УзССР, 1956 г., кн. 11, л. 216.

Практика социалистического строительства и в последующие годы выдвигала ряд проблем, имеющих большое значение для обеспечения рационального использования и эффективной охраны водных ресурсов Советского Союза, в том числе и Узбекистана. Это вызвало необходимость разработки нового общесоюзного водного законодательства, что и было осуществлено.

10 декабря 1970 года Верховный Совет Союза ССР принял основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик[1]. Это явилось первым актом кодификации советского водного законодательства, на базе которого в союзных республиках были разработаны новые кодексы, детализирующие и развивающие положения Основ.

Проект Водного кодекса, разработанный в Узбекской ССР, был подвергнут широкому обсуждению трудящихся. Поступившие в ходе обсуждения предложения и замечания были тщательно изучены и учтены при подготовке окончательного варианта проекта.

9 июня 1972 года III сессия Верховного Совета УзССР 8-го созыва утвердила Водный кодекс УзССР, который вошел в действие с 1 октября 1972 года.[2]

В заключение следует отметить, что об огромнейшем значении воды в народном хозяйстве республики свидетельствует тот факт, что за рассматриваемый период было принято и опубликовано более 200 постановлений правительства, которые регулировали все стороны водопользования.

Коммунистическая партия и Советское правительство, придавая большое значение вопросам водопользования и водоснабжения, приняли ряд постановлений.

Так, 16 ноября 1972 года было принято постановление ЦК КП Уз и Совета Министров УзССР (СП УзССР, 1972 г., № 10), в котором отмечается, что благодаря повседневной помощи ЦК КПСС и Союзного правительства в республике в больших масштабах ведутся работы по орошению и освоению новых земель, строительству крупных гидротехнических объектов, повышению водообеспеченности и мелиоративному улучшению

---

[1] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1970 г., № 50, ст. 566.
[2] Водный кодекс УзССР. Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1972.

земель существующего орошения, что создает условия для дальнейшего увеличения производства хлопка, зерна и другой сельскохозяйственной продукции.

Постановления и решения партии и правительства Узбекистана по водному вопросу свидетельствуют об их огромном внимании к проблеме орошения и освоения новых земель, строительству гидротехнических объектов, качественному улучшению земель существующего орошения как основы для дальнейшего подъема сельского хозяйства и его главной отрасли — хлопководства.

КОДИФИКАЦИЯ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКСКОЙ ССР КАК ОСНОВА ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В. И. Ленин с первых же дней после победы Октябрьской революции уделял особое внимание укреплению и совершенствованию советского законодательства.

Проведение в жизнь требования о неуклонном и точном исполнении законов предполагало широкую осведомленность о принятых законодательных актах. В. И. Ленин проявлял большую заботу о том, чтобы как можно лучше обеспечить такую осведомленность как работников государственного аппарата, так и всего населения страны.

15 апреля 1918 года В. И. Ленин пригласил членов коллегии Наркомата юстиции на беседу с целью установления, что конкретно сделано Наркоматом для издания Собрания Узаконений и Распоряжений, для кодификации и юридической пропаганды принятых законов среди рабочих и беднейших крестьян[1], среди всего населения страны.

В ноябре 1921 года СНК РСФСР образовал специальную комиссию по вопросу о систематизации законодательства о новой экономической политике. В. И. Ленин проявлял особый интерес к работе этой комиссии и предложил Д. И. Курскому включить в состав комиссии представителей Госплана[2].

О том, как Владимир Ильич внимательно относился к деятельности наших законодательных органов, свиде-

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 58—59.
[2] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 20.

тельствует и следующий факт. Не согласившись с точкой зрения Наркомата юстиции в части истолкования прав Рабоче-крестьянской инспекции на ревизию, В. И. Ленин писал Д. И. Курскому: «Если наши законы «противоречивы» (в чем нет сомнения), то для чего же НКюст и Отдел законодательных предположений?

Что же делается для кодификации?—для устранения противоречий?»[1].

Повышение роли правовых норм и укрепление законности в деятельности государственных органов настоятельно требуют и в настоящее время внесения определенных изменений в законодательство, отмены ряда устаревших и издания новых актов.

Работа по кодификации отдельных отраслей законодательства началась в Узбекской ССР с первых лет ее образования. Первоначально в республике вводились в действие кодифицированные законы — кодексы РСФСР с дополнениями и изменениями, связанными с местными особенностями.

Вскоре после образования Узбекской ССР развернулась широкая работа по проведению первой кодификации законодательства республики. В 1926—1929 годах эта работа в части земельно-водного, трудового, уголовного, гражданского, судоустроительного и процессуального законодательства привела к созданию кодексов Узбекской ССР. В них были отражены местные особенности республики и сложившаяся судебная практика. Основой же их были соответствующие кодексы РСФСР.

Расширение прав союзных республик в области законодательства, выраженное в Законе СССР от 11 февраля 1957 года, вытекает из ленинского указания о необходимости максимального учета в этой области специфических особенностей каждой республики[2]. Еще на VIII съезде РКП (б) В. И. Ленин говорил: «Было бы ошибкой, если бы мы просто по шаблону списывали декреты для всех мест России, если бы большевики-коммунисты, советские работники на Украине и на Дону стали бы без разбора, огулом распространять их на другие области. Придется пережить не мало свое-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 166.
[2] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4.

образности, мы ни в коем случае не связываем себя единообразным шаблоном, не решаем раз навсегда, что наш опыт, опыт центральной России, можно целиком перенести на все окраины»[1].

В конце пятидесятых, а затем в шестидесятых и семидесятых годах кодификационная работа в республике приобрела интенсивный характер. Это было вызвано еще и тем, что в этот период были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. Кодификация законов в республике получила свое выражение в разработке и утверждении Верховным Советом УзССР Уголовного, Уголовно-процессуального, Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов, Закона о судоустройстве Узбекской ССР, Кодекса о браке и семье Узбекской ССР, Земельного, Исправительно-трудового, Водного кодексов и Кодекса законов о труде УзССР и др.

В вышеперечисленных кодексах получили полное отражение национальные особенности республики, специфика ее исторического, экономического и культурного развития, были учтены как многолетняя практика применения советских законов, так и выводы правовой науки, а также разного рода предложения, направленные на улучшение законодательства. Одновременно в кодексах были сохранены те институты и нормы, которые оправдали себя на практике и содействовали формированию правового сознания советских людей.

Проведенная работа по кодификации законодательства Узбекской ССР имела очень большое значение, так как она во многом способствовала укреплению социалистической законности и явилась крупнейшим шагом на пути дальнейшего развития советского социалистического права в республике.

На современном этапе развития нашего общества задачи кодификации вытекают из политических, экономических и идеологических потребностей жизни.

Как известно, в процессе правотворческой деятельности осуществляется большая работа по совершенствованию законодательства как Союза ССР, так и союзных республик.

Можно выделить следующие основные формы совер-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 144.

шенствования законодательства в текущей правотворческой деятельности высших органов государственной власти и управления:

1) издание нормативных актов по новым, ранее не регулировавшимся вопросам политической, хозяйственной, культурной жизни;

2) издание новых актов взамен устаревших, то есть обновление законодательства;

3) расчистка законодательства от актов устаревших, противоречивых, фактически потерявших силу;

4) исправление и дополнение текстов действующих актов;

5) объединение многих актов, регулирующих определенный круг вопросов, в один или несколько актов[1].

Другой формой систематизации законодательства является инкорпорация.

Инкорпорация и кодификация тесно переплетаются, поскольку эти формы систематизации продолжают и дополняют друг друга.

Путем инкорпорации проводится огромная работа по упорядочению систематизации советского законодательства. Законы, указы и другие нормативно-правовые акты объединяются и располагаются в определенном систематическом порядке (сборники, собрания в хронологическом алфавитно-предметном и предметном порядке) полностью или частично, однако содержание этих актов при этом не изменяется.

При инкорпорации проводится определенная обработка действующих правовых актов и последующее их расположение в едином издании по определенно выработанной схеме.

Многолетняя практика в этой области подтверждает, что инкорпорацию и кодификацию следует считать основными формами систематизации действующего законодательства. Большинство советских ученых-правоведов также придерживается такой точки зрения в этом вопросе.

А. Ф. Шебанов, например, совершенно правильно отмечает, что кодификация нормативных актов, как правило, возможна на основе их предварительной ин-

---

[1] См.: А. Ф. Шебанов. Совершенствование законодательства — важное условие строительства коммунизма, М., изд. «Знание», 1971, стр. 35—36.

корпорации. По его мнению, кодификация создает базу для дальнейшей систематизации, создания сборников нормативных актов (дополняющих кодификационные акты), расположенных по определенной схеме с соответствующим справочным аппаратом. Поэтому по мере того, как Советское государство кодифицирует одну за другой важнейшие отрасли своего законодательства, возрастает необходимость в дальнейшей систематизации всех актов этих отраслей[1].

В порядке инкорпорационной работы в Узбекистане были изданы: Сборник законов УзССР, Собрание постановлений правительства республики, Сборник законодательства о несовершеннолетних, Справочник законодательства для работников сельских Советов; ведется работа по изданию систематического собрания действующего законодательства Узбекской ССР, осуществляемая Министерством юстиции УзССР.

Издание указанного собрания создает возможность должностным лицам и работникам государственных органов более детально ознакомиться с действующим законодательством, что имеет важное значение для точного соблюдения требований советских законов.

Л. И. Брежнев, отмечая огромную работу, осуществляемую Коммунистической партией и Советским правительством по совершенствованию и развитию советского законодательства, в своем выступлении в 1970 году перед избирателями Бауманского района гор. Москвы говорил: «Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется. Он обязателен для всех, его должны соблюдать все без исключения, независимо от положения, чина и ранга»[2].

Совершенствование советского законодательства имеет большое значение для укрепления социалистической законности, а также для выполнения решений XXV съезда КПСС.

Выше указывалось, что кодификация законодательных актов в республике началась буквально с первых лет ее образования. Это полностью относится и к водно-

---

[1] А. Ф. Шебанов. Совершенствование законодательства — важное условие строительства коммунизма. М., изд. «Знание», 1971, стр. 39.

[2] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. т. 3, М., Политиздат, 1972, стр. 49.

му законодательству как одной из важнейших частей нового права. Тем более, что в развитии основной отрасли экономики республики — сельского хозяйства — водные отношения играли значительную роль и совершенствование законодательной деятельности в этой области приобретало первостепенное значение.

Не будет преувеличением сказать, что на всех этапах развития права и законодательства водным законодательным актам, их инкорпорации и кодификации уделялось огромное внимание. Особенно большое внимание вопросам систематизации и кодификации стало уделяться в конце 50-х годов.

Рост общественного производства материальных благ требует решения ряда проблем, связанных с обеспечением рационального использования и эффективной охраны водных ресурсов, так как в условиях нашей республики они играют огромную роль в развитии экономики, да и всей хозяйственной жизни.

Принятие Верховным Советом Союза ССР 10 декабря 1970 года Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик в значительной мере способствовало упорядочению использования водных ресурсов и их охране[1]. Основы явились актом кодификации советского водного законодательства. На их базе разрабатывались кодексы союзных республик, в которых детализированы и получили дальнейшее развитие положения Основ.

Основы содержат систему общих положений, обеспечивающих в масштабе СССР принципиальное единство в регулировании водных отношений и предопределяющих наиболее эффективное и рациональное использование водных ресурсов во всех отраслях народного хозяйства. Наряду с систематизацией проверенных на практике норм, содержащихся в различных актах действующего законодательства, Основы включают ряд новых важных положений, являющихся эффективным средством обеспечения правильного использования водных богатств страны. Одновременно в Основах четко разграничена компетенция Союза ССР и союзных республик в области регулирования водных отношений.

---

[1] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1970, № 50, ст. 566.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1971 года «О порядке введения в действие Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик»[1], Основы вступили в действие с 1 сентября 1971 года. С этого времени (с 1 сентября 1971 г.) в водных правоотношениях, возникших до введения в действие Основ водного законодательства, осуществление прав и обязанностей участников этих правоотношений регулируется в соответствии с Основами.

Первая Конституция СССР, являясь базой для развития общесоюзного и республиканского законодательства, определила их компетенции.

К ведению Союза ССР ст. 1 Конституции СССР 1924 года, в частности, относилось установление общих начал землеустройства и землепользования, пользования недрами, лесами и водами по всей территории СССР.

На базе Основ в Узбекистане, как и во всех союзных республиках, разработан Кодекс, в котором с учетом климатических условий республики детализированы общие положения Основ.

К разработке проекта нового Водного кодекса республики были привлечены ученые—юристы, представители соответствующих министерств и ведомств.

Проект кодекса подвергался широкому обсуждению трудящихся, а затем был утвержден третьей сессией Верховного Совета Узбекской ССР восьмого созыва и введен в действие с 1 октября 1972 года[2].

Принятие нового Водного кодекса Узбекской ССР является новым этапом в развитии и совершенствовании водного законодательства республики.

Водный кодекс имеет большое значение в эффективном использовании и охране вод, что содействует дальнейшему развитию народного хозяйства республики и улучшению благосостояния народа.

---

[1] «Ведомости Верховного Совета СССР», 1971 г., № 33, ст. 333.

[2] См. подробно: М. Васикова. Законодательная деятельность Узбекской ССР, Ташкент. Изд-во «Узбекистан», 1973, стр. 245—251.

ГЛАВА V

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Всякое посягательство на установленный в СССР порядок водопользования противоречит правовым отношениям, установленным Советским государством в интересах всех трудящихся. Со всеми теми, кто пытается так или иначе нарушить этот порядок, необходима решительная и беспощадная борьба. В системе мероприятий по охране установленного порядка водопользования определенное место занимает применение репрессивных мер, преследующих и воспитательные цели.

Поскольку вода имеет решающую роль в народном хозяйстве Узбекистана, охрана порядка водопользования приобретает особую государственную важность. Одновременно с законами, регулирующими правила водопользования, были приняты законы, предусматривающие меры борьбы с преступными посягательствами на водное хозяйство республики. Например, в феврале 1919 года отделами юстиции и земледелия совместно с водным подотделом земледелия при Самаркандском областном исполкоме было издано постановление «О порядке охраны водных правил»[1]. Причем, в первом параграфе ст. 1 указывалось, что постановление вводится временно, впредь до издания центральной и краевой властью республики постоянной регламентации по данному вопросу. Это постановление действовало на территории Самаркандской области до издания в 1919 году Водного закона Туркестанской республики.

В постановлении предусматривались конкретные составы водных преступлений и меры наказания, налагаемые на виновных за их совершение.

---

[1] «Голос Самарканда», 21 февраля 1919 г.

Например, незаконный отвод воды из арыка общего пользования на свою землю карался тюремным заключением на срок от одного до трех месяцев (ст. 2, § 2). Если же открытие отвода могло повлечь за собой разрушение системы или причинить бедствие окружающему населению, то виновный подвергался тюремному заключению от 3 до 6 месяцев (ст. 2, § 3).

Привлечение к уголовной ответственности за незаконный отвод могло быть осуществлено, если с момента совершения этого преступного действия прошло не более пяти лет. Если же со времени незаконного открытия отвода прошло более пяти лет, то виновный наказанию не подвергался, а отвод закрывался только по требованию Водного отдела, если он находил это необходимым в интересах общего водопользования (ст. 2, § 4).

За открытие тайного отвода из арыка общего пользования на виновного налагалось наказание в виде тюремного заключения сроком на три месяца (ст. 3, § 1). Если же открытие тайного отвода могло повлечь за собой разрушение системы или причинить бедствия окружающему населению, то виновный подвергался тюремному заключению сроком на шесть месяцев.

На основании ст. 3, § 3 временного постановления все работы, связанные с уничтожением тайного отвода и приведением системы в порядок должны были производиться за счет виновного. На тайные отводы положение о давности не распространялось (ст. 3, § 4).

Самовольное открытие или закрытие затвора на ирригационной сети общего пользования влекло тюремное заключение сроком на месяц (ст. 4, § 1). Если это преступление было связано с порчей затвора, то срок тюремного заключения предусматривался до трех месяцев (ст. 4, § 2).

За злоумышленное разрушение или повреждение затвора или похищение части затвора с целью нарушения водопользования виновный подвергался тюремному заключению на шесть месяцев (ст. 4, § 3). Такому же наказанию подвергался виновный в похищении или отнятии при помощи применения силы ключей от затвора у служащего ирригационного объекта, лишая его возможности управлять затвором (ст. 4, § 3). Все исправления поврежденного затвора должны были производиться за счет виновного (ст. 4, § 4).

Если виновный не мог быть обнаружен, то все повреждения подлежали исправлению за счет водопользователей отвода, получивших незаконным путем воду (ст. 4, § 5).

Лицо, нарушившее установленную очередь водопользования, лишалось следующей очередной поливки или же подвергалось денежному штрафу в размере от 100 до 500 рублей за десятину (ст. 5, § 1).

Лица, повторно нарушившие очередь водопользования, кроме указанного наказания, приговаривались к тюремному заключению на срок от одного до трех месяцев (ст. 5, § 2).

Направившие воду в сбросный арык по миновании надобности в ней подлежали аресту на срок от одного до двух недель (ст. 5, § 5).

За направление воды с целью нарушения правил водопользования не в сбросный арык, а на дорогу или пустырь виновный подвергался аресту от двух недель до одного месяца (ст. 5, § 4).

В случае порчи арыка общего пользования виновный в этом должен был не только за свой счет устранить повреждение, но и уплатить штраф в размере до 300 рублей (ст. 6, § 1). Если же вследствие прорыва арыка или его переполнения (из-за повреждения) вода заливала дорогу, то виновный подвергался аресту на срок от одного до двух недель (ст. 6, § 2).

За рубку или повреждение деревьев в прибрежной полосе магистральных арыков виновный привлекался к тюремному заключению на срок от трех до 6 месяцев. С него взыскивалась стоимость срубленных деревьев, кроме того за его счет должна была производиться посадка других деревьев (ст. 6, § 3).

Согласно ст. 6 § 4 прибрежная полоса должна была быть равна поливной ширине арыка с каждой стороны.

Все насаждения, которые находились на этой полосе, могли быть употреблены только на ирригационные надобности.

Если кто-либо занимал прибрежную полосу магистрального арыка, то он подвергался тюремному заключению сроком на три месяца и был обязан в месячный срок освободить ее. В противном случае все необходимые работы должны были производиться за счет виновного (ст. 6, § 5).

Орошение богарной земли от источника общего пользования без специального на то разрешения влекло конфискацию урожая, снятого с этой земли, а орошение ее в дальнейшем запрещалось (ст. 7, § 1). Однако согласно ст. 7, § 2 постановления привлечение к уголовной ответственности за это преступление могло быть произведено, если со времени незаконного орошения прошло не более 5 лет. По истечении этого срока виновный к уголовной ответственности не привлекался. Если произведенное им нарушение вредило интересам общего водопользования, то в дальнейшем орошение этой земли запрещалось.

Посев риса без разрешения в тех местах, где это не полагалось, влек конфискацию урожая и воспрещение посева риса в дальнейшем (ст. 7, § 3).

Виновный в постройке мельницы или какого-либо гидравлического двигателя без соответствующего разрешения подвергался тюремному заключению на две недели, причем постройка приостанавливалась до получения разрешения (ст. 8, § 1). Если же двигатель был приведен в действие, то виновный подвергался аресту от двух недель до одного месяца, после чего должно было быть получено разрешение на его эксплуатацию (ст. 8, § 3).

Наконец, если мельница, толчея или какой-либо гидравлический двигатель были приведены в действие без специального на то разрешения в вегетационное время, то виновный подвергался в первый раз тюремному заключению сроком на один месяц; во второй раз — на три месяца; в третий раз — на шесть месяцев, а предприятия подлежали национализации (ст. 8, § 4).

Первоначальный разбор дел по нарушению Водных правил возлагался на особые комиссии, в состав которых входили два представителя от соответствующих земельно-водных комитетов, один представитель от местного или областного Совета, инструктор и арык-аксакал

При производстве дела и вынесении приговора первые три члена комиссии пользовались правом решающего голоса, а последние два — правом совещательного. Причем участие арык-аксакала в каждом отдельном случае было желательным, но отнюдь не обязательным, что же касается инструктора, то его присутствие при

производстве дела считалось безусловно необходимым. В 1919 году ТуркЦИК издал Закон «О водопользовании в Туркестанской республике Российской Советской Федерации»[1], который действовал на всей территории Туркреспублики.

Как известно, согласно советскому уголовному праву, уголовный закон действует до тех пор, пока он не будет отменен, изменен или заменен другим законом, либо, когда истечет срок действия данного закона или отпадут условия и обстоятельства, вызвавшие его действие.

Таким образом, изданием Закона о водопользовании в Туркестанской республике «Временные правила» утратили свою силу.

В Законе о водопользовании в Туркестанской республике, как во «Временных правилах» (февраль 1919 года) были конкретно определены виды водных преступлений и меры наказаний, подлежащие применению к совершившим эти преступления.

На основании нового Закона о водопользовании дела о нарушениях водопользования подлежали внеочередному рассмотрению в народном суде.

На основании этого же Закона споры по вопросам водопользования до установления прав на воду разрешались местными органами водного управления, а после определения этих прав — в судебном порядке.

Следовательно, при рассмотрении споров по водопользованию гранью между местными органами водного управления и судебными органами являлось установление прав на воду.

Приговор народного суда считался окончательным и обжалованию не подлежал, когда осужденный лишался свободы на срок до трех месяцев.

За самовольный отвод воды ст. 128 Закона предусматривала лишение свободы на срок не свыше одного года, при повторном совершении — на срок не свыше двух лет.

При совершении таких же деяний с применением насилия или угроз виновные подвергались лишению свободы на срок не свыше 5 лет.

Ст. 129 настоящего Закона предусматривала, что за самовольный отвод воды с применением насилия или

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 218, оп. 1, д. № 74, л. 18—77, 1919 г.

угроз виновный лишался свободы на срок не свыше трех лет, т. е. данный Закон предусматривал наказание за самовольный захват воды в двух видах: первый — простой вид, когда самовольный захват воды совершался без насилия, наказание предусмотрено ст. 128; второй — квалифицированный вид самовольного захвата воды, совершающийся путем применения насилия или угрозы, предусматриваемый ст. 129.

Как известно, советские законы по своей классовой природе и задачам коренным образом отличаются от законов капиталистических стран, так как они призваны защищать интересы трудящихся масс и укреплять завоевания пролетарской революции. Защита интересов трудящихся, завоеваний пролетарской революции требовали зачастую применения более решительных мер к посягателям на народное достояние или на революционную законность.

Этим в основном объясняется, что отдельные нормы Закона «О водопользовании в Туркестанской республике» существенно отличались от норм «Временных правил». Например, если «Временные правила» за простой вид самовольного отвода воды предусматривали лишение свободы виновного на срок от одного до трех месяцев (ст. 2, § 2), то Закон за тот же вид преступления усиливает наказание, повышая срок лишения свободы до одного года (ст. 128).

Как и «Временные правила», Закон устанавливает наказание за квалифицированный вид самовольного отвода воды, но в то время как «Временные правила» считали отягчающими вину обстоятельствами разрушение системы или причинение бедствий окружающему населению, то Закон при определении меры наказания еще учел и применение виновным насилия или угроз (ст. 129).

Вместо тюремного заключения от трех до шести месяцев («Временные правила») Закон установил лишение свободы за это преступление на срок до трех лет.

Если на основании «Временных правил» для привлечения к уголовной ответственности за незаконный отвод воды требовалось, чтобы с момента совершения преступного деяния прошло не более пяти лет, то Закон никаких специальных указаний на этот счет не содержал. По сравнению с «Временными правилами» в Зако-

не имеются изменения и другого характера. Например, незаконное получение воды на свою землю путем открытия тайного отвода из арыка общего пользования было предусмотрено во «Временных правилах» в специально отведенном для этого параграфе, а в Законе состав этого преступления и мера наказания были включены в ст. 128.

В отличие от «Временных правил» Закон также расширил перечень ирригационных сооружений, повреждение которых влекло применение наказания, предусмотрев в ст. 130 наказание за порчу каналов, простых гидротехнических сооружений, построенных с соблюдением технических требований. Как уже указывалось выше, согласно «Временным правилам» самовольное открытие и закрытие затвора сети общего пользования каралось более строго, если эти действия были связаны с порчей этого затвора. В Законе было установлено наказание за порчу не только затвора, но и других ирригационных сооружений.

Значительно усилено в Законе и наказание за этот вид преступления. Так, за порчу затвора «Временными правилами» устанавливалось тюремное заключение сроком на три месяца, а Закон за порчу ирригационных сооружений предусматривал лишение свободы на срок до пяти лет.

В отличие от «Временных правил», предусматривавших арест от двух недель до одного месяца лиц, которые в нарушение правил водопользования направляли воду не в сбросный арык, а на дорогу или на другие места, Закон за спуск отработанной воды в неуказанном месте установил лишение свободы виновных на срок до шести месяцев (ст. 139).

Кроме того, Закон предусмотрел новый состав преступления и меру наказания за него: нарушение порядка спуска воды, установленного для ограждения ее от порчи, каралось лишением свободы на срок до одного года (ст. 140).

Закон внес также некоторые изменения в нормы «Временных правил» о рубке или повреждении деревьев прибрежной полосы магистральных арыков. С одной стороны, он расширил формулировку состава этого преступления дополнением: «хотя бы эти деревья находились и не на прибрежной полосе», установить за

эти преступления наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет (ст. 136); с другой стороны, в мерах наказания исключил указание на взыскание стоимости срубленных деревьев и посадку деревьев за счет виновного.

Одновременно Закон повысил меру наказания за незаконный посев риса в местах, для того не предназначенных. Вместо конфискации урожая и запрещения дальнейшего посева риса виновный подвергался лишению свободы на срок до 3 лет (ст. 141).

Закон определил ряд новых составов преступлений, которые не были известны «Временным правилам». К их числу относятся следующие: пастьба скота по откосам и дамбам каналов, хотя бы без причинения повреждений (лишение свободы на срок до 3 месяцев; ст. 131); водопой скота в неотведенных для этого местах (лишение свободы на срок до одного месяца, ст 132); переезд через канал и перегон скота в не предназначенном для этого месте (лишение свободы на срок до одного месяца, ст. 133); запруда канала для лова рыбы, мытья, а также загрязнение или засорение канала (лишение свободы на срок до одного года, ст. 134); насаждение деревьев по берегам каналов без разрешения органов водного надзора (лишение свободы на срок до трех месяцев, ст. 142); неисполнение законных требований органов водного надзора (лишение свободы на срок до одного года, ст. 144); сопротивление должностным лицам водного надзора при исполнении ими служебных обязанностей (ст. 145, ч. I и ч. II). Если сопротивление совершалось без насилия, то виновный подвергался лишению свободы на срок до двух лет (ч. I, ст. 145), а если с применением насилия или угроз — до 5 лет (ч. II, ст. 145).

Должностные лица за совершенные ими преступления в области водного хозяйства привлекались к ответственности по законам о должностных преступлениях (ст. 147)[1].

---

[1] Должностные преступления до издания Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г. были предусмотрены в Инструкции Народного Комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале» (СУ, № 12, 1917 г., ст. 170), в Циркуляре кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г., в Постановлении НКЮ РСФСР от 26 февраля 1921 г. «Об усилении ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе»

Как известно, до национально-государственного размежевания и образования самостоятельных советских социалистических республик народов Средней Азии на ее территории после победы Великого Октября была создана Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика, входившая в состав РСФСР[1]. Поэтому на территории Советского Туркестана в области законодательства применялся уголовный кодекс РСФСР 1922 года, который, кстати сказать, продолжал действовать и после создания Узбекской Советской Социалистической Республики вплоть до издания в 1926 г. Уголовного кодекса Узбекской ССР, так же как и Закон о водопользовании в Туркестанской республике 1919 года.

Уголовный кодекс РСФСР не содержал специальных статей об уголовной ответственности за водные преступления, поскольку искусственное орошение для этой республики не имело того особого значения, как для Узбекской республики. Поэтому водные преступления до издания Уголовного кодекса Узбекистана 1926 года карались здесь в соответствии с Законом о водопользовании в Туркестанской республике.

Однако на практике встречались случаи, когда суды при рассмотрении водных преступлений, если таковые совершались с применением насилия или были сопряжены с посягательством на личность, квалифицировали их по соответствующим статьям Уголовного кодекса РСФСР о преступлениях против личности или против порядка управления.

Об этом свидетельствуют следующие факты: 9 августа 1923 года на почве ссоры из-за воды гражданин К. нанес другому гражданину удар палкой. 19 августа 1923 года народный суд 6-го участка Андижанского

(СУ, № 20, ст. 122, 1921), в Декрете СНК РСФСР от 16 мая 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» и в Декрете СНК РСФСР от 25 апреля 1918 г. «О взяточничестве», подписанном Лениным (СУ, № 35, ст. 467, 1918). 16 августа 1921 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издал новый декрет «О борьбе со взяточничеством» (СУ, № 60, ст. 421, 1921 г.) и др.

[1] На V съезде Советов Туркестанского края, состоявшегося в апреле 1918 г., была провозглашена Туркестанская Советская Республика в составе Российской Советской Федерации.

уезда, разбиравший это дело, квалифицировал деяние виновного как нанесение телесных повреждений[1].

При разделе воды для полива посевной площади гражданин Х. сломал руку гражданину А. 30 августа 1923 года народный суд 7-го участка Кокандского уезда на основании ст. 176 Уголовного кодекса РСФСР за хулиганство приговорил виновника к лишению свободы сроком на один год[2].

Если водные преступления не были связаны с посягательством на личность, эти дела разрешались на основе Закона о водопользовании в Туркестанской республике.

Таким образом, до издания Уголовного кодекса в Узбекской ССР была создана система уголовно-правовой охраны социалистического порядка водопользования от преступных на него посягательств.

Наряду с уголовной ответственностью за нарушение социалистического порядка водопользования в Советском Туркестане на нарушителя могли налагаться меры и административного характера — штраф и арест.

Еще в 1918 году в Туркестанской АССР были созданы народные суды. Однако параллельно с ними для коренного населения продолжали еще действовать суды казиев и биев[3].

При рассмотрении дел судам казиев и биев было разрешено применять нормы шариата и адата, если они не противоречили интересам Советского государства и трудящихся масс.

Поэтому до определенного времени нормы шариата и адата имели применение и по отношению к преступным посягательствам на водное хозяйство Туркестана[4].

В Циркуляре ОКВК № 1 также указывалось, что «поскольку местные обычаи не находятся в противоречии с общими началами советского законодательства, применение их к водопользованию не возбраняется»[5].

I съездом Народного Комиссариата Юстиции Туркестанской республики[6], состоявшимся в июле 1922 года,

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 25, оп. 1, д. 1806, л. 122.
[2] ЦГА УзССР, ф. 38, оп. 1, д. 423, л. 115.
[3] ЦГА УзССР, ф. 38, оп. 1, д. 144, л. 2—3.
[4] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 374, л. 20, 1922 г.; См. Сборник декретов ТАССР, май-июнь 1924 г.
[5] ЦГА УзССР, ф. 38, оп. 1, д. 414, л. 28, 1923 г.
[6] ЦГА УзССР, ф. 17, ТуркЦИК, оп. 1, д. № 427, 1922, л. 305—308.

была принята резолюция, в которой указывалось, что нормы шариата могут применяться мусульманскими судами одновременно со всеми законами Советской Туркестанской республики, если только они не противоречат основам революционного правосознания трудящихся масс. При применении норм шариата советские суды должны охранять и соблюдать исключительно интересы рабочих и крестьян.

Вскоре право применения народными мусульманскими судами норм шариата было значительно ограничено. 23 декабря 1922 года[1] взамен ранее принятого Положения от 4 августа 1922 года было издано новое Положение о казийских судах, которое действовало вплоть до полной их ликвидации.

На основании ст. 14 этого Положения меры наказания, налагавшиеся на виновных мусульманскими судами, должны были определяться в пределах, предусмотренных соответствующими статьями Уголовного кодекса. Это свидетельствует о том, что суды казиев и биев при рассмотрении уголовных дел должны были основываться не на нормах шариата и адата, а на советском уголовном кодексе.

До 1922 года суды казиев рассматривали также споры по земле-и водопользованию, но начиная с 1922 года рассмотрение этих споров перешло к компетенции земельно-водных комиссий.

В Циркуляре Народного Комиссариата Юстиции от 24 декабря 1922 года было указано, что споры о правах пользования землей, возникшие до издания постановления ТуркЦИК от 25 ноября 1922 года «О порядке рассмотрения земельно-водных споров», могли решаться судом казиев в пределах норм, установленных Положением о трудовом землепользовании. С опубликованием упомянутого постановления в соответствии со ст. 2 и 3 «все споры о правах по землепользованию, в частности, общие и частные переделы земли и семейные разделы ее, подлежат исключительному ведению земельно-водной комиссии, и никакие местные органы не имеют права принимать к своему производству земельные споры»[2].

---

[1] ЦГА УзССР, ф. НКЮ УзССР, д. 85, л. 226—229.
[2] ЦГА УзССР, ф. 38, оп. 1, д. 287, л. 131.

То, что суды казиев и биев продолжали существовать в Советском Туркестане в течение известного времени, объясняется тем, что уголовные или гражданские дела в дореволюционном Туркестане регулировались нормами шариата и адата. При образовании советских судов нельзя было не учитывать традиций местного коренного населения.

Это соответствовало указаниям Владимира Ильича Ленина об осторожном подходе и проявлении уважения к особенностям быта и национальных традиций ранее угнетенных народов России.[1]

На XI съезде Советов ТАССР, состоявшемся в 1922 году, Народный комиссар юстиции Туркестана, говоря о целесообразности оставления в Туркестанской республике суда казиев, отметил, что «этим был достигнут перелом симпатий широких масс местного населения в сторону Советской власти»[2].

Благодаря кропотливому проведению партийными и советскими органами республики идейно-воспитательной и культурно-организаторской работы среди местного населения оно убедилось в том, что старые мусульманские суды в Узбекистане изжили себя, и поэтому возникла возможность их ликвидации. Постановлением ЦИК Советов и СНК УзССР от 18 февраля 1928 года существовавший в Узбекской ССР институт казийских судов был упразднен[3].

Вплоть до издания Уголовного кодекса Узбекской ССР 1926 года, как нами уже ранее было указано, на территории Узбекистана действовали уголовный кодекс РСФСР 1922 года, а также законы Узбекской ССР, охранявшие установленный порядок водопользования в Узбекистане, а с 1 июля 1926 года в соответствии с постановлением 4-й сессии ЦИК Советов Узбекской ССР 1-го созыва был введен в действие первый Уголовный кодекс Узбекистана[4].

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 198—200.

[2] «Бюллетень ТуркЦИК», № 6, 1922 г.

[3] СУ УзССР, 1928 г., № 4, ст. 23.

[4] СУ УзССР, № 11—12, 1926 г., ст. 54. С момента вступления в силу упомянутого Уголовного кодекса было отменено действие на соответствующих территориях УзССР Уголовных кодексов РСФСР, Бухарской ССР и Хорезмской ССР.

Уголовный кодекс Узбекской ССР 1926 года, так же как и Уголовные кодексы других союзных республик, был основан на социалистических принципах, сформированных еще в 1924 году в «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Однако особенности экономики Узбекистана не могли не отразиться на построении этого кодекса.

В отличие от уголовных кодексов других союзных республик в нем имелась специальная глава, предусматривавшая водные преступления[1].

В Уголовном кодексе Узбекской ССР водным преступлениям отведена специальная глава. Это объясняется тем, что охрана воды приобрела большое значение для народного хозяйства республики и в первую очередь для успешного развития хлопководства.

Жаркий и сухой климат Узбекистана, необходимость экономного расходования водных ресурсов требуют твердого соблюдения установленного Законом порядка пользования водой. Нарушение этого порядка чревато опасными последствиями для развития сельского хозяйства.

Поэтому в общей системе мероприятий, обеспечивающих успешное решение задач укрепления и дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства республики, охрана установленного порядка водопользования от нарушений приобретает особо важное значение.

Учитывая всю важность и значение в то время борьбы с водными преступлениями, Совет Народных Комиссаров Узбекской ССР в 1930 году предложил НКЮ республики: «Дела о водных преступлениях во всех судах на территории Узбекской ССР рассматривать вне всякой очереди и сроки, не превышающие одной недели. Проводить показательными процессами дела о наиболее тяжких водных преступлениях, в которых обвиняемыми являются наиболее яркие представители кулацко-байского элемента.

---

[1] За исключением Уголовного кодекса Таджикской ССР, который отвел специальную главу водным преступлениям. Уголовные же кодексы Армянской, Азербайджанской, Грузинской и Туркменской ССР, хотя и содержали уголовно-правовые нормы, предусматривавшие посягательство на водное хозяйство, отдельных глав не имели, а соответствующие статьи в них были включены в главу «Иные преступления против порядка управления».

Прокуратура Узбекской ССР должна принять меры, чтобы следствия по делам о водных преступлениях у всех следователей производились вне очереди и продолжались не более двух недель»[1].

Свидетельством важности своевременного пресечения водных преступлений, особенно в период коллективизации и борьбы за выполнение плана в сельском хозяйстве, является выдержка из вышеуказанного Постановления (п. 1), которая гласит: «Признать, что борьба с водными преступлениями в условиях момента выполнения плана сельского хозяйства и реконструкции его на началах коллективизации имеет ударное значение. В связи с этим быстрое разрешение всех дел о водных преступлениях приобретает актуальное значение для политики партии Советской власти в кишлаке»[2].

Еще значительно раньше, т. е. в Уголовном кодексе Узбекской ССР, введенном в действие в 1926 году, в главе X (ст. 284—293) подчеркивалось, что поскольку хлопок — основной вклад Узбекистана в народное хозяйство СССР, для выполнения государственного плана по заготовке хлопка-сырца требуется точное выполнение установленного порядка водопользования.

В первые годы после победы Октябрьской революции враги Советского государства, ведя острую классовую борьбу во всех областях народного хозяйства, в том числе и водного хозяйства, достаточно хорошо представляли себе решающее значение воды для развития экономики республики и принимали все меры к тому, чтобы воспрепятствовать восстановлению и развитию водного хозяйства Узбекистана. Повреждая ирригационные сооружения, они создавали затруднения в обеспечении водой хлопковых полей, умышленно нарушали установленный порядок водопользования, захватывая воду, предназначенную для полива орошаемых земель колхозов и трудовых дехкан.

Преступления, выражавшиеся в тех или иных посягательствах на водное хозяйство, совершались не только врагами народа, но подчас и несознательными и не-

---

[1] ЦГА УзССР, ф. 837, СНК УзССР, оп. 8, д. 411, л. 63, 1930 г. 1930 г.

[2] ЦГА УзССР, ф. 837, оп. 8, д. 411, л. 63, 1930 г., Выписка из протокола № 4 от 24 марта 1930 г.

дисциплинированными людьми, в сознании которых были сильны еще феодальные и капиталистические пережитки.

Соблюдение порядка водопользования в Узбекистане является одной из обязанностей советского гражданина, вытекающих из Основного закона страны — ее Конституции. Лица, совершающие водные преступления, нарушая общественные отношения и правопорядок, установленные в Советском обществе, безусловно, совершают деяния, опасные для интересов народа.

В борьбе с водными преступлениями, как и со всеми правонарушениями, как известно, решающее значение имеет преодоление пережитков капитализма в сознании отдельных отсталых элементов. На это направлена целая система воспитательных мероприятий в нашем государстве.

Отдельные водные преступления, предусмотренные главой X Уголовного кодекса Узбекистана 1926 года, разделялись по способу их совершения, характеру того вреда, который они могли нанести, по форме вины и по степени той опасности, которую они представляли.

На анализе главы X Кодекса остановимся несколько более подробно с учетом изменений и дополнений, которым она подвергалась, начиная с первой редакции Уголовного кодекса, принятого в 1926 году, вплоть до 1959 года.

В Уголовном кодексе 1926 года в гл. X предусматривались следующие составы водных преступлений:

1) самовольный захват воды (ст. 284);

2) переуступка отпущенной по свидетельству воды, а равно использование этой воды не по назначению и в неуказанной в свидетельстве площади (ст. 285);

3) езда по закрытым местам в полосе отчуждения, а равно пастьба или прогон по ним скота (ст. 289);

4) загрязнение воды в каналах и спуск загрязненной воды в каналы, обслуживающие водоснабжение населения (ст. 290);

5) подтоп дорог по небрежности сброшенной водой (ст. 291);

6) посев риса в местах, для того запрещенных (ст. 292);

7) небрежное обращение с водой при поливах, устройстве, ремонте или чистке ирригационных сооружений,

в результате чего происходит заболачивание почвы (ст. 293);

8) умышленное повреждение ирригационных сооружений и их принадлежностей (ст. ст. 286, 287);

9) самовольная порубка или порча древонасаждений в полосе отчуждения, а равно самовольное занятие полосы отчуждения (ст. 288).

Общеизвестно, что народное хозяйство СССР построено на основе государственного плана. Водное хозяйство Узбекистана, являясь составной частью народного хозяйства республики, также развивается на основе социалистического народнохозяйственного плана. Поэтому распределение воды в республике строго спланировано.

Опасность самовольного захвата воды заключается в том, что преступник, нарушая порядок водопользования, а следовательно, общий план распределения воды, посягает тем самым на интересы других водопользователей[1] и создает опасность для удовлетворения потребностей водопользователей, а также для развития сельскохозяйственных культур в целом.

Основной задачей водопользования в сельском хозяйстве является обеспечение выполнения государственного сельскохозяйственного плана путем подачи воды всем водопользователям в необходимых количествах и в нужные сроки.

Рациональное использование воды в условиях Узбекистана должно содействовать получению высоких урожаев хлопка и других сельскохозяйственных культур. Поэтому самовольный захват в этих условиях квалифицировался как один из видов особо опасных действий, препятствующих выполнению государственного плана заготовок хлопка-сырца республикой — основной хлопковой базой Советского Союза.

Самовольный захват воды в условиях Узбекистана

---

[1] На основании Закона о сельскохозяйственном водопользовании в Узбекистане от 24 марта 1941 г. водопользователями считались колхозы, совхозы, МТС, колхозные дворы, рабочие и служащие и другие категории лиц, имеющие право пользования приусадебными участками на территории колхозов; города и населенные пункты; железные дороги; промышленные предприятия, включенные в планы водопользования, а также хозяйства единоличных дехкан, скотоводов и кустарей (ст. 6).

является настолько общественно опасным деянием, что он по праву может быть приравнен к хищению.

В директивных указаниях ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года об использовании воды требовалось обеспечение самой жесткой экономии ее, повсеместное введение круглосуточного полива, значительного улучшения техники поливов и строгой кары за хищение и разбазаривание воды.

Ст. 284 Уголовного кодекса Узбекской ССР в своей первой редакции предусматривала наказание не только за самовольный захват воды, но и устройство запруд на каналах общего пользования, прорытие новых каналов, устройство шлюзов, подпруд, перепадов, вододействующих приспособлений, производство гидротехнических работ и т. д.

Такая редакция этой статьи не вполне точно определяла состав преступления. В ней как бы приравнивались к самовольному захвату воды устройства специально предназначенного для этого приспособлений или производства гидротехнических работ. В действительности же эти действия являлись лишь способами захвата воды.

Поэтому ЦИК Советов УзССР постановлением от 20 апреля 1930 года внес изменения в ее редакцию.[1]

Таким образом, самовольный захват воды заключался в тайном или открытом пользовании водой, предоставленной по свидетельству в пользование другим водопользователям. Для состава данного преступления не имело значения, каким из вышеуказанных способов совершался самовольный захват воды.

Ст. 284 Уголовного кодекса УзССР в новой редакции устанавливала ответственность за самовольный захват воды и определяла перечень тех способов, путем которых осуществлялось это преступление. Перечень же всех приспособлений, путем устройства которых мог быть произведен захват воды, был примерным. Для определения состава преступления характерно, что они совершались на сети общего пользования.

Закон о сельскохозяйственном водопользовании в республике, принятый 24 марта 1941 года, воспрещал водопользователям без разрешения органов водного хозяйства вносить изменения в существующие ирriга-

---

[1] СУ УзССР, 1930 г., № 21, ст. 129.

ционно-мелиоративные сооружения и устройства, сооружать новые устройства для отвода вод из естественных источников орошения и каналов всех видов, а также устраивать подпруды, преграждения и разливы для охоты и др. (ст. 32).

Ст. 285 Уголовного кодекса Узбекской ССР предусматривала как преступление переуступку отпущенной по свидетельству воды, а равно использование этой воды не по назначению и вне указанной в свидетельстве площади, без установленного на то разрешения.

Таким образом, ст. 285 Кодекса предусматривала три состава преступления: 1) переуступку отпущенной по свидетельству воды, 2) использование ее не по назначению, 3) использование этой воды для орошения площади сверх указанной в свидетельстве.

Переуступка одним водопользователем отпущенной ему по свидетельству воды для полива определенной площади другому нарушала порядок водопользования, так как план распределения воды в Узбекистане составлялся на основании учета размера подлежащих поливу площадей по культурам, а также сроков и норм поливов[1].

Поэтому такая незаконная переуступка могла отрицательно отразиться на обеспечении водой других водопользователей и зачастую на выполнении государственных планов заготовки хлопка-сырца и других сельскохозяйственных культур, подлежавших поставке водопользователями (колхозами и совхозами).

Под использованием воды не по назначению предполагается тот случай, когда она идет не на полив культур, предусмотренных в свидетельстве, а наоборот, других культур сельского хозяйства.

На основании Закона от 24 марта 1941 года каждый водопользователь должен был использовать отпущенную ему по свидетельству воду только по назначению. Ст. 7 указанного Закона гласила: «Уступка другим водопользователям воды, предоставленной по плану сель-

---

[1] На основании примечания к ст. 36 Закона о сельскохозяйственном водопользовании в Узбекистане от 24 марта 1941 г. в основу плана водопользования были положены размеры подлежащих поливу площадей по культурам, а также сроки и нормы поливов, утвержденные на предстоящий период Народным Комиссариатом Земледелия УзССР.

скохозяйственного водопользования, и всякое иное соглашение между водопользователями, направленное к изменению установленного органами водного хозяйства порядка водораспределения, а равно обращение представленной для сельскохозяйственных целей воды к использованию для другого назначения — воспрещается».

И, наконец, третий состав преступления (ст. 285) предусматривал использование отпущенной воды для полива площади, не указанной в свидетельстве.

Это деяние так же, как и переуступка отпущенной по свидетельству воды или использование воды не по назначению, считалось общественно опасным и вредно отражающимся на плане обеспечения водой орошаемых площадей сельского хозяйства республики.

Ст. 286 и 287 Уголовного кодекса Узбекской ССР 1926 года предусматривали такое преступление, как умышленное повреждение ирригационных сооружений и их принадлежностей.

Ст. 11 Закона от 24 марта 1941 года к ирригационным сооружениям относила все плотины, каналы и другие искусственные сооружения и устройства для удержания воды, для подъема и забора ее из источников орошения, транспортировки и распределения воды для подачи ее на орошаемые поля, для сброса отработанных и отвода избыточных вод, а также для предохранения берегов естественных и искусственных водотоков от размыва, разрушения и затопления со всеми находящимися на береговых охранных полосах зданиями, вспомогательными сооружениями и устройствами, обслуживающими ирригационную систему.

Ирригационные сооружения и их принадлежности, как известно, являются социалистической собственностью, а советская Конституция провозгласила: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества Родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» (ст. 131).

Ирригационные сооружения и их принадлежности, являясь социалистической собственностью, имеют вме-

сте с тем огромное значение для развития сельского хозяйства, особенно хлопководства в Узбекистане. Поэтому охрана ирригационных сооружений и их принадлежностей очень важна не только с точки зрения успешного развития народного хозяйства республики, но и экономики СССР в целом.

Закон о сельскохозяйственном водопользовании разделял ирригационно-мелиоративные сооружения и устройства в зависимости от важности и значения их, а также с точки зрения порядка их охраны на четыре группы:

а) особо важные ирригационно-мелиоративные сооружения и устройства республиканского значения, перечень и виды охраны которых ежегодно устанавливаются Советом Народных Комиссаров Узбекской ССР;

б) ирригационно-мелиоративные сооружения и устройства межрайонного значения. Перечень объектов данной группы и виды охраны ежегодно утверждаются Народным Комиссариатом водного хозяйства Узбекской ССР;

в) ирригационно-мелиоративные сооружения и устройства местного значения. Перечень их объектов и виды их охраны устанавливаются органами водного хозяйства по согласованию с районными исполнительными комитетами Советов депутатов трудящихся;

г) ирригационно-мелиоративные сооружения и устройства, находящиеся на территории хозяйства водопользователей и имеющие внутрихозяйственное значение (ст. 68).

Охрана ирригационно-мелиоративных сооружений и устройств первой, второй и третьей групп осуществлялась непосредственно органами водного хозяйства, а четвертой группы — водопользователями.

Общественная опасность повреждения ирригационных сооружений и их принадлежностей заключалась прежде всего в том, что в данном случае происходило посягательство на систему отношений, установленную в Советском государстве для обеспечения охраны и укрепления социалистической собственности, поскольку в результате нанесения повреждения вышеуказанным объектам не только создавался тормоз в выполнении сельским хозяйством государственных планов, но и уменьшалась их непосредственная хозяйственная ценность.

Таким образом, повреждение ирригационных сооружений и их принадлежностей являлось одним из видов повреждения социалистической собственности. Но эти повреждения отличались от других видов нанесения урона социалистической собственности, предусмотренных в соответствующих статьях Уголовного кодекса Узбекской ССР, тем, что объектом рассматриваемого преступления являлись ирригационные сооружения, имевшие решающее значение для планового распределения воды. Следует учесть при этом, что преступник, повреждая ирригационные сооружения и их принадлежности, тем самым одновременно посягает и на установленное Законом обеспечение водой водопользователей на основе государственного плана. Вследствие этих повреждений исключается или затрудняется возможность подачи воды водопользователям своевременно и в нужном количестве. Кроме того, в результате таких преступных действий может последовать затопление или засушка посевов, размыв, порча или разрушение строений.

Исходя из степени общественной опасности данных преступлений, Уголовный кодекс Узбекской ССР предусматривал нанесение умышленного повреждения ирригационным сооружениям и их принадлежностям в двух видах.

Ст. 286 Уголовного кодекса Узбекской ССР имела в виду простой вид умышленного повреждения этих объектов. Предметом этого преступления являлись ирригационные сооружения, перечисленные в ст. 11 Закона о сельскохозяйственном водопользовании в Узбекистане. Ст. 287 предусматривала указанное в ст. 286 повреждение при отягчающих обстоятельствах.

Ст. 288 Уголовного кодекса Узбекской ССР содержала два состава преступления:

а) самовольные порубки древонасаждений в полосе отчуждения или их порча;

б) самовольное занятие полосы отчуждения.

Установление этих норм в ст. 288 направлено на охрану полос отчуждения и древонасаждений, находящихся на них, так как они имеют немаловажное значение для развития водного хозяйства республики, а также для осуществления государственного сельскохозяйственного плана подачи воды всем водопользователям.

Береговые лесозащитные полосы служат для организации очистки и ремонта оросительной сети, а также для осуществления наблюдений за состоянием источников орошения. Поэтому порубка или порча древонасаждений в полосах отчуждения без разрешения органов водного хозяйства, а также занятие назначенных для нужд ирригации береговых полос являлись посягательством на водное хозяйство республики.

Для того чтобы рассмотреть состав преступления самовольного занятия полосы отчуждения, следует прежде всего уяснить, что же входит в понятие «полоса отчуждения» (береговая, охранная полоса). Правильно это понятие можно установить, только исходя из указаний законов республики, определяющих порядок водопользования.

С первых же дней своего существования Советское государство уделяло огромное внимание развитию и восстановлению ирригационных систем в Узбекистане, проведению больших государственных мероприятий по его благоустройству, в частности, отведению и охране береговых охранных полос отчуждения. Охрана береговых полос на оросительной сети была предусмотрена в первых же водных законах, изданных в Туркестанской республике.

Положение о пользовании водами в Туркестанской АССР от 12 февраля 1921 года[1] установило, что отвод земельных участков для надобностей водного хозяйства производится Наркомземом в общем порядке согласно положению о землепользовании и землеустройстве в Туркестанской республике.

Водный закон Туркестанской республики от 1 августа 1922 года[2] также указывал, что отчуждение земельных участков при постройке новых оросительных систем и при переустройстве существующих, а равно для нужд гидротехнических сооружений производится на основании существующих законоположений (ст. 20).

В Законе, так же как и в Законе о водопользовании в Узбекистане, от 24 марта 1941 года было указано, что береговая охранная полоса предназначается для надобностей оросительных систем, т. е. для производства ре-

[1] «Известия Туркреспублики» 17 февраля 1921 г., № 36.

[2] Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТАССР за 1917—1922 гг.

монта, очистки ирригационных сооружений и для постройки новых оросительных систем и др.

В Положении о полосах отчуждения (береговых полосах), а также о земельных участках для нужд ирригации Узбекской ССР[1] от 19 апреля 1933 года подробно излагались правовой режим береговой охранной полосы. Статья 1 данного Положения гласила, что полосой отчуждения считаются земельные площади, занятые водными первоисточниками (Зарафшан, Карадарья, Чирчик, Ангрен, Кашкадарья и др.), магистральными каналами, отходящими от них распределителями, оросителями (за исключением мельчайшей хозяйственной сети) и коллекторами вместе с береговыми полосами при них, а также те земельные площади, на которых расположены гидротехнические сооружения и их подсобные постройки.

По закону о сельскохозяйственном водопользовании в Узбекистане от 24 марта 1941 года береговой охранной полосой (полосой отчуждения) считались те полосы земли, которые отведены для нужд ирригации по обеим сторонам естественных источников орошения (реки, ручьи, озера) каналов всех видов (категорий), а также вокруг гидротехнических сооружений и их подсобных устройств.

Ширина береговых охранных полос определяется в каждом отдельном случае по действительной надобности. Береговая охранная полоса является землей специального назначения, по отношению к которой установлен особый земельно-правовой режим.

До хозяйственного выдела воды, т. е. до момента выделения ее по отдельным хозяйствам, береговая охранная полоса находится в ведении (управлении) и хозяйственном использовании органов водного хозяйства. После хозяйственного выдела она переходит в пользование соответствующих хозяйств под контролем органов водного хозяйства.

Как указывала ст. 23 этого Закона, изъятие земель под береговые охранные полосы для нужд ирригации производилось:

1) в отношении земель, находящихся в пользовании колхозов, в порядке, установленном для изъятия закрепленных за колхозами земель;

---

[1] СУ УзССР, 1933 г., № 10.

2) в отношении земель, находящихся в пользовании государственных предприятий общесоюзного, республиканского и местного подчинения,— соответственно Советом Народных Комиссаров СССР и СНК Узбекской ССР;

3) в отношении остальных земель — Советом Народных Комиссаров Узбекской ССР.

Береговые охранные полосы предназначаются для производства работ по устройству новых, по ремонту и очистке существующих каналов, по возведению на них гидротехнических сооружений, водохранилищ и отстойников, размещения жилых и подсобных строений, проведения вдоль каналов и дорог, предназначенных для нужд строительства и эксплуатации, устройства телефонных линий, посадки древесных насаждений и удовлетворения жилищно-строительных, хозяйственных и культурных нужд работников линейных органов водного хозяйства.

Использование береговых охранных полос для иных целей законом воспрещалось.

Самовольное занятие полосы отчуждения (без разрешения соответствующих органов водного хозяйства Узбекистана) для постройки жилья или посевов культур сельского хозяйства считалось преступлением, которое было предусмотрено ст. 228 Уголовного кодекса Узбекской ССР.

Древонасаждения на береговых охранных полосах имеют особое назначение, поэтому они находятся в непосредственном распоряжении органов водного хозяйства.

Учитывая огромное значение древонасаждений в полосе отчуждения ирригации, Уголовный кодекс Узбекской ССР предусматривал в этой же статье ответственность за самовольную их порубку или порчу.

В ст. 34 Закона о сельскохозяйственном водопользовании в Узбекистане от 24 марта 1941 года указывается, что лесные насаждения в пределах береговой охранной полосы эксплуатируются органами водного хозяйства по планам, утверждаемым ежегодно Народным Комиссариатом водного хозяйства УзССР для удовлетворения нужд водного хозяйства всеми видами древесины: строевой, дровяной, сырорастущей и мертвым лесом, а также хворостом.

Ст. 6 Конституции Узбекской ССР, перечисляя виды

социалистической собственности, наряду с землей, ее недрами и водой указывает также и леса. Поэтому посягательство на древонасаждения, находящиеся в охранных полосах, является одним из видов посягательств на социалистическую собственность.

Ст. 289 Уголовного кодекса Узбекской ССР предусматривала ответственность за езду по закрытым для проезда местам и полосе отчуждения (по дамбам и т. д.), а также за пастьбу или прогон по этим местам скота.

Следовательно, эта статья содержала два состава преступления:

1) езда по закрытым для проезда местам в полосе отчуждения;

2) пастьба в этих местах или прогон по ним скота.

Береговые охранные полосы, отведенные для нужд ирригации, отграничивались постоянными знаками, устанавливаемыми органами водного хозяйства (ст. 24 Закона от 24 марта 1941 года о водопользовании).

На основании этого закона органы водного хозяйства устанавливали на ирригационных каналах особые участки, которые предназначаются для водопоя, прогона скота и для переправ в брод. В других местах полосы отчуждения, за исключением особо отведенных участков, езда, а также выпас или прогон скота законом воспрещались, так как это может препятствовать правильному ведению ирригационных работ, а также выполнению государственного сельскохозяйственного плана подачи воды водопользователям в установленном количестве и в нужные сроки.

Постановлением ЦИК Советов УзССР от 26 октября 1932 года Уголовный кодекс УзССР был дополнен ст. 293, предусматривающей новый состав преступления, которое выражалось в небрежном обращении с водой при водополивах, устройстве, ремонте или чистке ирригационных сооружений, если оно имело своим последствием заболачивание почвы. За такой вид преступления предусматривались принудительные работы на срок до 6 месяцев или штраф до 500 рублей.[1]

Пятый раздел водного Кодекса[2] посвящен вопросу

---

[1] СУ УзССР, 1932 г., № 39, ст. 247.

[2] Водный кодекс УзССР утвержден Законом УзССР от 9 июня 1972 г.

ответственности за нарушение водного законодательства. Согласно ст. 132. Водного кодекса переуступка права водопользования и другие сделки, в прямой или скрытой форме нарушающие право государственной собственности на воды, являются недействительными.

Нарушения водного законодательства заключаются в самовольном захвате водных объектов или самовольном водопользовании; заборе воды с нарушением планов водопользования; загрязнении и засорении вод; вводе в эксплуатацию предприятий, коммунальных и других объектов без сооружений и устройств, предотвращающих загрязнение и засорение вод или их вредное воздействие; бесхозяйственном использовании воды (добытой или отведенной из водных объектов); нарушении водоохранного режима на водосборах, вызывающем их загрязнение, водную эрозию почв и другие вредные явления; самовольном производстве гидротехнических работ; повреждении водохозяйственных сооружений и устройств; нарушении правил эксплуатации водохозяйственных сооружений и устройств; самовольном строительстве перемычек, насосных станций и других сооружений, влияющих на состояние вод; непроведении предусмотренных планами гидротехнических, технологических, лесомелиоративных, санитарно-технических и других мероприятий, обеспечивающих охрану вод от загрязнения, засорения и истощения, а также улучшение состояния и режима вод.

Лица, виновные в совершении указанных в ст. 132 сделок, а также вышеперечисленных видов нарушений водного законодательства несут уголовную или административную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и УзССР (ст. 133 Водного кодекса).

Водным кодексом УзССР определены органы, разрешающие споры о водопользовании, а также их компетенции и порядок рассмотрения споров в области водопользования[1].

Споры о водопользовании, как предусмотрено Кодексом, разрешаются Советом Министров УзССР, Советом Министров Каракалпакской АССР, исполнительными комитетами областных, районных, городских,

---

[1] Гл. XXIV Водного кодекса УзССР.

кишлачных и поселковых Советов депутатов трудящихся, а также органами по регулированию использования и охране вод и иными уполномоченными на то государственными органами в порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР и Узбекской ССР (ст. 98).

В Водном кодексе также отмечено, что споры между водопользователями Узбекской ССР и водопользователями другой союзной республики о пользовании водами рассматриваются комиссией, образуемой на паритетных началах из представителей УзССР и заинтересованной союзной республики. В случае, если комиссия не пришла к согласованному решению, споры по указанным вопросам подлежат рассмотрению в порядке, определяемом Советом Министров СССР (ст. 104).

Вопрос об уголовной ответственности за нарушение правил водопользования, выразившееся в самовольном захвате воды или в самовольном производстве гидротехнических работ в сети общего пользования, а равно за иное нарушение правил водопользования, если эти действия причинили существенный ущерб, предусмотрен в Уголовном кодексе УзССР (ст. 186).

Ст. 187 указывает, что за умышленное повреждение ирригационных сооружений и устройств виновный наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

За то же действие, совершенное при отягчающих обстоятельствах, виновный карается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Кроме вышеуказанной уголовной или административной ответственности предприятия, организации, учреждения и граждане обязаны возмещать убытки, причиненные нарушением водного законодательства, а должностные лица и другие работники, по вине которых предприятия, организации и учреждения понесли расходы, связанные с возмещением убытков, несут материальную ответственность в установленном порядке.

Необходимо отметить, что самовольно захваченные водные объекты возвращаются по их принадлежности без возмещения затрат, произведенных за время незаконного пользования.

Уголовный кодекс УзССР принят II сессией Верховного Совета УзССР пятого созыва 21 мая 1959 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История создания советской государственности в Узбекистане и развития его законодательства является неотъемлемой составной частью истории Советского государства и социалистического права не только потому, что они зиждутся на марксистско-ленинском учении о государстве и праве и обусловлены объективными закономерностями развития Советского государства как добровольного союза суверенных национальных государств, но и потому, что, являясь по своей природе интернациональным, Советское государство и право и его законодательство дают возможность учитывать и отражать как общие интересы всех народов СССР, так и специфические особенности каждой союзной и автономной республики и других государственных образований всех без исключения народностей, населяющих многонациональное Советское государство.

При освещении истории УзССР и ее законодательной деятельности, нельзя не учесть особенности развития законодательства ТАССР, ХНСР и БНСР, ибо исторические условия развития законодательства этих республик во многом отличались от условий развития других частей Советской России.

Законодательная деятельность Туркестанской АССР охватывает период с 1918 по 1924 год, а ХНСР и БНСР — с 1920 по 1924 год. Однако, благодаря широкой законодательной компетенции их высших органов власти, изданные за этот период законодательные акты касались всех вопросов государственной жизни и неуклонно направлялись на разгром и ликвидацию эксплуататоров, на создание нового, демократического строя, новых производственных отношений, новых форм государственного устройства.

Значительное место в них отводилось борьбе с религиозными и феодальными пережитками, особенно в землепользовании и водопользовании, которые в этих республиках имели исключительное значение.

Разрешение этих вопросов требовало не только учета специфических условий в республике, но и, как говорил В. И. Ленин, «больше мягкости, осторожности, уступчивости...».[1] Максимально учитывая местные национальные особенности, новое право и законы вместе с тем должны были органически сочетать с ними общие задачи, стоящие перед новым, советским государством.

В развитии и совершенствовании законодательства Узбекской ССР, в частности в области водопользования, большую роль играли как законодательство Союза ССР, так и опыт законодательной деятельности РСФСР.

Расширение компетенции союзных республик по разработке и принятию законодательства имело огромное значение в развитии и совершенствовании законодательной деятельности Узбекской ССР, как и других союзных республик.

Советское законодательство на современном этапе развивается последовательно и планомерно. Каждая отрасль права, каждый правовой институт действуют на основе разграничения компетенции Союза ССР и союзных республик в области законодательства с учетом их общих задач и особенностей местных условий отдельных республик.

За последние годы проведена большая работа по дальнейшему совершенствованию советского законодательства, по развитию советской демократии. Расширение Законом Верховного Совета СССР от 11 февраля 1957 года законодательных полномочий советских социалистических республик явилось важнейшим событием в их жизни, новым крупным шагом по пути развития советского демократизма, укрепления социалистической законности[2].

Дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, содействующих решению задач коммунистического строительства,

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 199.

[2] Сборник законов СССР, 1938—1967, т. 1, М., 1968 г., «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957 г., № 4.

относятся к программным требованиям Коммунистической партии Советского Союза.

Коммунистическая партия рассматривает укрепление законности в качестве одного из объективных условий дальнейшего развития советской государственности, построения коммунистического общества.

Законодательство УзССР, как и законодательство других союзных республик, закрепляя суверенную волю и национальные особенности народов, одновременно исходит из общих интересов всех советских граждан, воплощенных в Конституции СССР и Конституциях союзных республик. Эта особенность вытекает из принципов социалистического интернационализма, положенных в основу советского законодательства.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев указывал на необходимость укрепления правовой основы государственной жизни, социалистического правопорядка, совершенствования нашего законодательства[1].

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, М., Политиздат, 1976, стр. 81.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. Водные отношения в дореволюционном Туркестане 11
Глава II. Водное законодательство в Туркестанской АССР 40
Глава III. Водное законодательство Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик 72
Глава IV. Становление и развитие водного законодательства Узбекской ССР 95
Водное законодательство Узбекской ССР 95
Кодификация водного законодательства Узбекской ССР как основа его совершенствования 123
Глава V. Законодательные нормы об ответственности за нарушение водного законодательства 130
Заключение 157

Мамлакат Сабировна Васикова

РАЗВИТИЕ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКСКОЙ ССР

Редактор Е. Яковенко
Художник Ю. Кученков
Технический редактор С. Сабирова
Художественный редактор А. Алимджанов
Корректоры Г. Кузнецова и Л. Федотова

Сдано в набор 14/IV-1976 г. Подписано в печать 8/VII-1976 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂ №1 Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,56. Тираж 4000 Р. 09578 Издательство «Узбекистан», Ташкент, ул. Навои 30. Договор № 408—76

Набрано и сматрицировано в Ташполиграфкомбинате Госкомитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Отпечатано в типографии №1. Ташкент, Хамза, 21 Зак №38 Цена 1 р. 10 к